

Борис Акунин

АЗАЗЕЛЬ

Азазель
Борис Акунин

Аннотация
Борис Акунин. Азазель
Глава первая,. в которой описывается некая циничная выходка
Глава вторая, в которой нет ничего. кроме разговоров
Глава третья, в которой возникает. «зутулый штудент»
Глава четвертая, повествующая о. губительной силе красоты
Глава пятая, в которой героя. подстерегают серьезные неприятности
Глава шестая, в которой появляется. человек будущего
Глава седьмая, в которой утверждается, что педагогика — главнейшая из наук
Глава восьмая, в которой некстати. вылезает пиковый валет
Глава девятая, в которой у Фандорина. открываются хорошие виды на карьеру
Глава десятая, в которой фигурирует. синий портфель

Глава одиннадцатая, в которой описана очень длинная ночь
Глава двенадцатая, в которой герой. узнает, что у него вокруг головы нимб
Глава тринадцатая, в которой. описаны события, случившиеся 25 июня
Глава четырнадцатая, в которой. повествование поворачивает совсем в иную сторону
Глава пятнадцатая, в которой убедительнейшим образом доказывается важность правильного дыхания
Глава шестнадцатая, в которой. электричеству предвещается. великое будущее
Глава последняя, в которой герой. прощается с юностью

Аннотация

Москва, 1876 год. В Александровском саду на глазах у гуляющей публики кончает жизнь самоубийством молодой человек. Ситуация становится еще более запутанной после показаний свидетелей, которые, как выяснилось, в этот день видели еще одного мужчину, пытавшегося убить себя. Двадцатилетний Фандорин, способный и неотразимый письмоводитель Сыскного отделения, начинает расследование. Ему предстоит выяснить, почему два молодых человека поднесли к виску револьвер и спустили курок? Почему в барабане был всего лишь один патрон? И причем здесь падший ангел Азазель?

Борис Акунин
Азазель

Глава первая, в которой описывается некая циничная выходка

В понедельник 13 мая 1876 года в третьем часу пополудни, в день по-весеннему свежий и по-летнему теплый, в Александровском саду, на глазах у многочисленных свидетелей, случилось безобразное, ни в какие рамки не укладывающееся происшествие.

По аллеям, среди цветущих кустов сирени и пылающих алыми тюльпанами клумб прогуливалась нарядная публика — дамы под кружевными (чтоб избежать веснушек) зонтиками, бонны с детьми в матросских костюмчиках, скучающего вида молодые люди в модных шевиотовых сюртуках либо в коротких на английский манер пиджаках.

Ничто не предвещало неприятностей, в воздухе, наполненном ароматами зрелой, уверенной весны, разливались ленивое довольство и отрадная скука. Солнце припекало не на шутку, и скамейки, что оказались в тени, все были заняты.

A la Russie !
1893

На одной из них, расположенной неподалеку от Грота и обращенной к решетке, за которой начиналась Неглинная улица и виднелась желтая стена Манежа, сидели две дамы. Одна, совсем юная (пожалуй, что и не дама вовсе, а барышня) читала книжку в сафьяновом переплете, то и дело с рассеянным любопытством поглядывая по сторонам. Вторая, гораздо старше, в добротном темно-синем шерстяном платье и практичных ботиках на шнуровке, сосредоточенно вязала нечто ядовито-розовое, мерно перебирая спицами. При этом она успевала вертеть головой то вправо, то влево, и ее быстрый взгляд был до того цепким, что, верно, от него никак не могло ускользнуть что-нибудь хоть сколько-то примечательное.

На молодого человека в узких клетчатых панталонах, сюртуке, небрежно расстегнутом над белым жилетом, и круглой швейцарской шляпе дама обратила внимание сразу — уж больно странно шел он по аллее: то остановится, высматривая кого-то среди гуляющих, то порывисто сделает несколько шагов, то снова застынет. Внезапно неуравновешенный субъект взглянул на наших дам и, словно приняв некое решение, направился к ним широкими шагами. Остановился перед скамейкой и, обращаясь к юной барышне,

воскликнул шутовским фальцетом:

— Сударыня! Говорил ли вам кто-нибудь прежде, что вы невыносимо прекрасны?

Барышня, которая и в самом деле была чудо как хороша, уставилась на наглеца, чуть приоткрыв от испуга земляничные губки. Даже ее зрелая спутница, и та опешила от столь неслыханной развязности.

— Я сражен с первого взгляда! — фиглярствовал неизвестный, вполне, впрочем, презентабельной наружности молодой человек (модно подстриженные виски, высокий бледный лоб, возбужденно горящие карие глаза). — Позвольте же запечатлеть на вашем невинном челе еще более невинный, совершенно братский поцелуй!

— Зударь, да вы зовсем пьяный! — опомнилась дама с вязанием, причем оказалось, что говорит она с характерным немецким акцентом.

— Я пьян исключительно от любви, — уверил ее наглец и тем же неестественным, с подвыванием голосом потребовал. — Один-единственный поцелуй, иначе я немедленно наложу на себя руки!

Барышня вжалась в спинку скамейки, обернув личико к своей защитнице. Та же, невзирая на всю тревожность ситуации, проявила полное присутствие духа:

— Немедленно убирайтесь фон! Вы зумасшедший! — повысила она голос и выставила вперед вязанье с воинственно торчащими спицами. — Я зову городовой!

И тут случилось нечто уж совершенно дикое.

— Ах так! Меня отвергают! — с фальшивым отчаянием возопил молодой человек, картинно прикрыл рукою глаза и внезапно извлек из внутреннего кармана маленький, посверкивающий черной сталью револьвер. — Так стоит ли после этого жить? Одно ваше слово, и я живу! Одно ваше слово, и я падаю мертвым! — воззвал он к барышне, которая и сама сидела ни жива, ни мертва. — Вы молчите? Так прощайте же!

Вид размахивающего оружием господина не мог не привлечь внимания гуляющих. Несколько человек из числа тех, что оказались неподалеку, — полная дама с веером в руке, важный господин с анненским крестом на шее, две институтки в одинаковых коричневых платьицах с пелеринами — замерли на месте, и даже по ту сторону ограды, уже на тротуаре, остановился какой-то студент. Одним словом, можно было надеяться, что безобразной сцене будет немедленно положен конец.

Но дальнейшее произошло так быстро, что

вмешаться никто не успел.

— Наудачу! — крикнул пьяный (а может, и сумасшедший), зачем-то поднял руку с револьвером высоко над головой, крутанул барабан и приложил дуло к виску.

— Клоун! Пшют гороховый! — прошипела храбрая немка, обнаруживая неплохое знание разговорной русской речи.

Лицо молодого человека, и без того бледное, стало сереть и зеленеть, он прикусил нижнюю губу и зажмурился. Барышня на всякий случай тоже закрыла глаза.

И правильно сделала — это избавило ее от кошмарного зрелища: в миг, когда грянул выстрел, голова самоубийцы резко дернулась в сторону, и из сквозного отверстия, чуть повыше левого уха, выметнулся красно-белый фонтанчик.

Началось нечто неописуемое. Немка возмущенно поозиралась, словно призывая всех в свидетели такого неслыханного безобразия, а потом истошно заверещала, присоединив свой голос к визгу институток и полной дамы, которые издавали пронзительные крики уже в течение нескольких секунд. Барышня лежала без чувств — на мгновение приоткрыла-таки глаза и немедленно обмякла. Отовсюду сбегались люди,

а студент, стоявший у решетки, чувствительная натура, наоборот бросился прочь, через мостовую, в сторону Моховой.

* * *

Ксаверий Феофилактович Грушин, следственный пристав Сыскного управления при московском обер-полицеймейстере, облегченно вздохнул и отложил влево, в стопку «просмотрено», сводку важных преступлений за вчерашний день. Ни в одной из двадцати четырех полицейских частей шестисоттысячного города за минувшие сутки, то есть мая месяца 13 дня, не стряслось ничего примечательного, что потребовало бы вмешательства Сыскного. Одно убийство вследствие пьяной драки между мастеровыми (убийца задержан на месте), два ограбления извозчиков (этим пускай участки занимаются), пропажа семи тысяч восьмисот пятидесяти трех рублей сорока семи копеек из кассы Русско-Азиатского банка (это и вовсе по части Антона Семеновича из отдела коммерческих злоупотреблений). Слава Богу, перестали слать в управление всякую мелочь про карманные кражи, повесившихся горничных да подброшенных младенцев — для того теперь есть «Полицейская сводка городских

происшествий», которую рассылают по отделам во второй половине дня.

Ксаверий Феофилактович уютно зевнул и взглянул поверх черепахового пенсне на письмоводителя, чиновника 14 класса Эраста Петровича Фандорина, в третий раз переписывавшего недельный отчет для господина обер-полицеймейстера. Ничего, подумал Грушин, пусть с младых ногтей приучается к аккуратности, сам потом спасибо скажет. Ишь, моду взяли — стальным пером калякать, и это высокому-то начальству. Нет, голубчик, ты уж не спеша, по старинке, гусиным перышком, со всеми росчерками и крендельками. Его превосходительство сами при императоре Николае Павловиче взрастали, порядок и чинопочитание понимают.

Ксаверий Феофилактович искренне желал мальчишке добра, по-отечески жалел его. И то сказать, жестоко обошлась судьба с новоиспеченным письмоводителем. Девятнадцати лет от роду остался круглым сиротой — матери сызмальства не знал, а отец, горячая голова, пустил состояние на пустые прожекты, да и приказал долго жить. В железнодорожную лихорадку разбогател, в банковскую лихорадку разорился. Как начали в прошлый год коммерческие банки лопаться

один за другим, так многие достойные люди по миру пошли. Надежнейшие процентные бумаги превратились в мусор, в ничто. Вот и господин Фандорин, отставной поручик, в одночасье преставившийся от удара, ничего кроме векселей единственному сыну не оставил. Мальчику бы гимназию закончить, да в университет, а вместо этого — изволь из родных стен на улицу, зарабатывай кусок хлеба. Ксаверий Феофилактович жалеюще крякнул. Экзамен-то на коллежского регистратора сирота сдал, дело для такого воспитанного юноши нехитрое, да зачем его в полицию занесло? Служил бы себе по статистике или хоть по судебной части. Все романтика в голове, все таинственных Кардудалей ловить мечтаем. А у нас, голубчик, Кардудалей не водится (Ксаверий Феофилактович неодобрительно покачал головой), у нас все больше штаны просиживать да протоколы писать про то, как мещанин Голопузов спьяну законную супругу и троих малых деток топором уходил.

Третью неделю служил в Сыскном юный господин Фандорин, а уж твердо знал Ксаверий Феофилактович, бывалый сыщик, тертый калач, что не будет из мальчишки проку. Больно нежен, больно тонкого воспитания. Взял его раз, в первую

же неделю Грушин на место преступления (это когда купчиху Крупнову зарезали), так Фандорин взглянул на убиенную, позеленел весь и по стеночке, по стеночке во двор. Видок у купчихи, и вправду был неаппетитный — горло от уха до уха раздрызгано, язык вывалился, глаза выпучены, ну и кровищи, само собой, море разливанное. В общем, пришлось Ксаверию Феофилактовичу самому и дознание проводить, и протокол писать. Дело, по правде сказать, вышло нехитрое. У дворника Кузыкина так глазки бегали, что Ксаверий Феофилактович сразу велел городовому брать его за шиворот и в кутузку. Две недели сидит Кузыкин, отпирается, но это ничего, повинится, больше-то резать купчиху было некому — здесь у пристава за тридцать лет службы нюх выработался верный. Ну а Фандорин и в канцелярии сгодится. Исполнителен, пишет грамотно, языки знает, смышленый, да и в обращении приятный, не то что горький пьяница Трофимов, в прошлом месяце переведенный из письмоводителей в младшие помощники околоточного на Хитровку. Пускай там спивается, да начальству грубит.

Грушин сердито забарабанил пальцами по обитому скучным казенным сукном столу, достал из жилетного кармашка часы (ох, до обеда еще дол-

гонько) и решительно придвинул к себе свежий номер «Московских ведомостей».

— Ну-с, чем нас удивят нынче, — промолвил он вслух, и юный письмоводитель с готовностью отложил постылое гусиное перо, зная, что начальник сейчас станет зачитывать заголовки и всякую всячину, сопровождая чтение своими комментариями — была у Ксаверия Феофилактовича такая привычка.

— Поглядите только, Эраст Петрович, на первой же странице, на самом видном месте!

«Новейший американский корсет „Лорд Байрон“ из прочнейшего китового уса для мужчин, желающих быть стройными. Талия в дюйм, плечи в сажень!»

— А буквы-то, буквы — аршинные. И ниже, меленько так, «Государь отбывает в Эмс».

— Конечно, подумаешь — государь, велика ли фигура, то ли дело «Лорд Байрон»!

Ворчание добрейшего Ксаверия Феофилактовича произвело на письмоводителя удивительное действие. Он отчего-то смешался, щеки залились краской, а длинные девичьи ресницы виновато дрогнули. Раз уж речь зашла о ресницах, уместно будет описать внешность Эраста Петровича поподробнее, ибо ему суждено сыграть ключевую роль в поразительных и страшных событиях, которые вскоре воспоследовали. Это был весьма миловидный юноша, с черными волосами (которыми он втайне гордился) и голубыми (увы, лучше бы тоже черными) глазами, довольно высокого роста, с белой кожей и проклятым, неистреби-

мым румянцем на щеках. Откроем уж заодно и причину, по которой так смутился коллежский регистратор. Дело в том, что позавчера он потратил треть своего первого месячного жалования на столь завидно расписываемый корсет, ходил в «Лорде Байроне» второй день, терпя изрядные муки во имя красоты, и теперь заподозрил (абсолютно безосновательно), что проницательный Ксаверий Феофилактович разгадал происхождение богатырской осанки своего подчиненного и желает над ним посмеяться.

А пристав уже читал дальше:

— «Зверства турецких башибузуков в Болгарии». Ну, это не для предобеденного чтения…

> *«Взрыв на Лиговке. Наш С. — Петербургский корреспондент сообщает, что вчера в 6.30 утра, на Знаменской улице в доходном доме коммерции советника Вартанова прогремел взрыв, разнесший вдребезги квартиру на 4 этаже. Прибывшая на место полиция обнаружила изуродованные до неузнаваемости останки молодого мужчины. Квартиру снимал некий г-н П., приват-доцент, труп которого, по всей видимости, и обнаружен. Судя*

по облику жилища там было устроено нечто вроде тайной химической лаборатории. Руководящий расследованием статский советник Бриллинг предполагает, что на квартире изготовлялись адские машины для террористической организации нигилистов. Расследование продолжается».

— М-да, слава Всевышнему, что у нас не Питер.

Юный Фандорин, судя по блеску глаз, был на сей счет иного мнения. Весь его вид красноречиво говорил: вот, мол, в столице люди делом занимаются, бомбистов разыскивают, а не переписывают по десять раз бумажки, в которых, правду сказать, и интересного-то ничего нет.

— Тэк-с, — зашелестел газетой Ксаверий Феофилактович, — посмотрим, что у нас на городской странице.

«Первый московский эстернат. Известная английская благотворительница баронесса Эстер, радением которой в разных странах устроены так называемые „эстернаты“, образцовые приюты для мальчиков-сирот, объявила нашему корреспонденту, что и в златоглавой,

наконец-то, открылись двери первого заведения подобного рода. Леди Эстер, с прошлого года начавшая свою деятельность в России и уже успевшая открыть эстернат в Петербурге, решила облагодетельствовать и московских сироток…»

— М-м-м…

«Сердечная благодарность всех москвичей… Где же наши Оуэны и Эстеры?»…

— Ладно, Бог с ними, с сиротками. Что у нас тут?

«Циничная выходка».

— Хм, любопытно.

«Вчера в Александровском саду произошло печальное происшествие совершенно в духе циничных нравов современной молодежи. На глазах у гуляющих застрелился г-н N., статный молодец 23-х лет, студент М-ского университета, единственный наследник миллионного состояния.»

— Ого!

«Перед тем как совершить этот безрассудный поступок, N., по свидетельству очевидцев, куражился перед публикой, размахивая револьвером. Поначалу очевидцы сочли его поведение пьяной бравадой, однако N. не шутил и, прострелив себе голову, скончался на месте. В кармане самоубийцы нашли записку возмутительно атеистического содержания, из которой явствует, что поступок N. не был минутным порывом или следствием белой горячки. Итак, модная эпидемия беспричинных самоубийств, бывшая до сих пор бичом Петрополя, докатилась и до стен матушки-Москвы. О времена, о нравы! До какой же степени неверия и нигилизма дошла наша золотая молодежь, чтобы даже из собственной смерти устраивать буффонаду? Если таково отношение наших Брутов к собственной жизни, то стоит ли удивляться, что они ни в грош не ставят и жизнь других, куда более достойных людей? Как кстати тут слова почтеннейшего Федора Михайловича

Достоевского из только что вышедшей мартовской книжки „Дневника писателя“: „Милые, добрые, честные (все это есть у вас!), куда же это вы уходите, отчего вам так мила стала эта темная, глухая могила? Смотрите, на небе яркое весеннее солнце, распустились деревья, а вы устали не живши.»

Ксаверий Феофилактович растроганно хлюпнул носом и строго покосился на своего юного помощника — не заметил ли, после чего продолжил значительно суше.

— Ну и так далее, и так далее. А времена тут, право, не при чем. Эка невидаль. У нас на Руси про этаких-то издавна говорили «с жиру взбесился». Миллионное состояние? Кто бы это был? И ведь, шельмы частные приставы, про всякую дребедень доносят, а тут и в отчет не включили. Жди теперь сводку городских происшествий! Хотя что же, тут случай очевидный, застрелился на глазах у свидетелей… А все же любопытно.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

ГОДЪ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ. II-Й.

1877.

МАРТЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежемѣсячное изданіе Ѳ. М. Достоевскаго

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

НА 1877 ГОДЪ.

(ДВѢНАДЦАТЬ ВЫПУСКОВЪ ВЪ ГОДЪ).

Каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ отъ полутора до двухъ листовъ убористаго шрифта, въ форматѣ еженедѣльныхъ газетъ нашихъ.

Каждый выпускъ будетъ выходить въ послѣднее число каждаго мѣсяца и продаваться отдѣльно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ по 25 копѣекъ. Желающіе подписаться на все годовое изданіе впередъ пользуются уступкою и платятъ лишь два рубля (безъ доставки и пересылки), а съ пересылкою или доставкою на домъ два рубля пятьдесятъ копѣекъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ: Въ книжномъ магазинѣ Н. А. Исакова (гостиный дворъ № 24) и въ книжномъ „Магазинѣ для иногородныхъ“, Невскій пр., № 44.

Въ Москвѣ: въ „Центральномъ книжномъ магазинѣ“, Никольская, д. Скалонскаго Базара.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА выпусковъ производится во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга, и Москвѣ: у Салаева, Солодовка, Живарева, Кашкина, Мамонтова, Васильева, Юрасова, Александрова, Разсохина и др., въ Казани у Дубровина и въ магазинѣ „Восточная Лира“, въ Кіевѣ у Гинтера и Маленкаго, въ Южно-русскомъ Книжномъ Магазинѣ, у Отлобина (Липина) и у Корейво, въ Одессѣ: у Распопова и Бланго, въ Харьковѣ у Гоенскаго и Куколевскаго, въ Воронежѣ и Тулѣ: у Апосова, въ Тамбовѣ: у Зотова, въ Перми: у Наумова, въ Смоленскѣ: у Лаврова, въ Тифлисѣ: у Березовскаго, въ Черниговѣ: у Дворжевскаго, въ Варшавѣ: у Истомина, въ Томскѣ: у Макушина, въ Саратовѣ: у

1

Александровский сад — это у нас будет Го-

родская часть, второй участок. Вот что, Эраст Петрович, не в службу, а в дружбу, слетайте-ка к ним на Моховую. Мол, в порядке надзора и все такое. Разузнайте, кто таков этот N. И главное, голубчик, прощальную записку непременно спишите, я вечерком своей Евдокии Андреевне покажу, она любит все такое душещипательное. Да не томите, возвращайтесь поскорей.

Последние слова были произнесены уже в спину коллежскому регистратору, который так торопился покинуть свой унылый, обтянутый клеенкой стол, что чуть фуражку не забыл.

* * *

В участке молоденького чиновника из Сыскного провели к самому приставу, однако тот, увидев, что прислали не Бог весть какую персону, времени на объяснения тратить не стал, а вызвал помощника.

— Вот, пожалуйте за Иваном Прокофьевичем, — ласково сказал пристав мальчишке (хоть и мелкая сошка, а все ж из управления). — Он вам все и покажет, и расскажет. Да и на квартиру к покойнику вчера именно он ездил. А Ксаверию Феофилактовичу мое нижайшее.

Фандорина усадили за высокую конторку,

принесли тощую папку с делом. Эраст Петрович прочел заголовок («ДЕЛО о самоубийстве потомственного почетного гражданина Петра Александрова КОКОРИНА 23-х лет, студента юридического факультета Московского императорского университета. Начато мая месяца 13 числа 1876 года. Окончено … месяца … числа 18.. года») и дрожащими от предвкушения пальцами развязал веревочные тесемки.

— Александра Артамоновича Кокорина сынок, — пояснил Иван Прокофьевич, тощий и долговязый служака с мятым, будто корова жевала, лицом. — Богатейший был человек. Заводчик. Три года как преставился. Все сыну отписал. Жил бы себе студент да радовался. И чего людям не хватает?

Эраст Петрович кивнул, ибо не знал, что на это сказать, и углубился в чтение свидетельских показаний. Протоколов было изрядно, с десяток, самый подробный составлен со слов дочери действительного тайного советника Елизаветы фон Эверт-Колокольцевой 17 лет и ее гувернантки девицы Эммы Пфуль 48 лет, с которыми самоубийца разговаривал непосредственно перед выстрелом. Впрочем, никаких сведений помимо тех, что уже известны читателю, Эраст Петрович

из протоколов не почерпнул — все свидетели повторяли более или менее одно и то же, отличаясь друг от друга лишь степенью проницательности: одни говорили, что вид молодого человека сразу пробудил в них тревожное предчувствие («Как заглянула в его безумные глаза, так внутри у меня все и похолодело,» — показала титулярная советница г-жа Хохрякова, которая, однако, далее свидетельствовала, что видела молодого человека только со спины); другие же свидетели, наоборот, толковали про гром среди ясного неба.

Последней в папке лежала мятая записка на голубой бумаге с монограммой. Эраст Петрович так и впился глазами в неровные (верно, от душевного волнения) строчки. «Господа, живущие после меня!

Раз вы читаете это мое письмецо, значит, я вас уже покинул и познал тайну смерти, которая сокрыта от вас за семью печатями. Я свободен, а вам еще жить и мучиться страхами. Однако держу пари, что там, где я сейчас и откуда, как выразился принц Датский, ни один еще доселе путник не вернулся, нет ровным счетом ничего. Кто со мной не согласен — милости прошу проверить. Впрочем, мне до всех вас нет ни малейшего дела, а записку эту я пишу для того, чтобы вам не

взбрело в голову, будто я наложил на себя руки из-за какой-нибудь слезливой ерунды. Тошно мне в вашем мире, и, право, этой причины вполне довольно. А что я не законченная скотина, тому свидетельство кожаный бювар.

Петр Кокорин»

Непохоже, что от душевного волнения — вот первое, что подумалось Эрасту Петровичу.

— Про бювар это в каком смысле? — спросил он.

Помощник пристава пожал плечами:

— Никакого бювара при нем не было. Да чего вы хотите, не в себе человек. Может, собирался что-то такое сделать, да передумал или забыл. По всему видать, взбалмошный был господин. Читали, как он барабан-то крутил? Кстати, в барабане из шести гнезд всего в одном пуля была. Я, например, того мнения, что он и не собирался вовсе стреляться, а хотел себе нервы пощекотать — так сказать, для большей остроты жизненных ощущений. Чтоб потом слаще елось и пикантней кутилось.

— Всего одна пуля из шести? Надо же, как не повезло, — огорчился за покойника Эраст Петрович, которому все не давал покоя кожаный бювар.

— Где он живет? То есть, жил…

— Квартира из восьми комнат в новом доме на Остоженке, и прешикарная, — охотно стал делиться впечатлениями Иван Прокофьевич. — От отца унаследовал собственный дом в Замоскворечье, целую усадьбу со службами, однако жить там не пожелал, переехал подальше от купечества.

— И что, там кожаного бювара тоже не нашлось?

Помощник пристава удивился:

— Что ж мы, обыск, по-вашему, устроить должны были? Я вам говорю, там такая квартира, что боязно агентов по комнатам пускать — как бы их бес не попутал. Да и к чему? Егор Никифорыч, следователь из окружной прокуратуры, дал камердинеру покойника четверть часа вещички собрать — да под присмотром городового, чтоб не дай Бог не упер чего хозяйского, — и велел мне дверь опечатать. До объявления наследников.

— А кто наследники? — полюбопытствовал Эраст Петрович.

— Тут закавыка. Камердинер говорит, что ни братьев, ни сестер у Кокорина нет. Есть какие-то троюродные, да он их и на порог не пускал. И кому такие деньжищи достанутся? — завистливо вздохнул Иван Прокофьевич. — Ведь это ж представить страшно… А, не наша печаль. Адвокат

либо душеприказчики не сегодня-завтра объявятся. Еще и суток не прошло. И тело-то пока у нас в леднике лежит. Может, завтра Егор Никифорыч дело закроет, тогда и завертится.

— И все же это странно, — наморщив лоб, заметил юный письмоводитель. — Если уж человек в предсмертном письме специально про какой-то бювар указал, неспроста это. И про «законченную скотину» что-то непонятно. А ну как в том бюваре что-нибудь важное? Вы как хотите, а я бы непременно в квартире поискал. Сдается мне, что вся записка из-за этого бювара написана. Тут какая-то тайна, право слово.

Эраст Петрович покраснел, боясь, что про тайну у него слишком по-мальчишески выскочило, но помощник пристава ничего странного в его соображении не усмотрел.

— И то, следовало хоть в кабинете бумаги просмотреть, — признал он. — Егор Никифорыч вечно спешат. Семья у него сам-восьмой, так он все норовит с осмотра или дознания побыстрей домой улизнуть. Старый человек, год до пенсии, чего вы хотите… А вот что, господин Фандорин. Не угодно ли съездить самим? Вместе и посмотрим. А печать я потом новую навешу, дело небольшое. Егор Никифорыч не обессудит. Какое там

— поблагодарит, что не тормошили лишний раз. Скажу ему, что из Сыскного управления запрос был, а?

Эрасту Петровичу показалось, что тощему помощнику пристава просто охота получше рассмотреть «прешикарную» квартиру, да и с «навешиванием» новой печати, кажется, тоже получалось как-то не очень, но уж больно велик был соблазн. Тут и в самом деле пахло тайной.

* * *

Убранство квартиры покойного Петра Кокорина (парадный этаж богатого доходного дома возле Пречистенских ворот) на Фандорина большого впечатления не произвело — во времена папенькиного скороспелого богатства живал и он в хоромах не хуже.

Посему в мраморной прихожей с трехаршинным венецианским зеркалом и золоченой лепниной на потолке коллежский регистратор не задержался, а прямехонько прошел в гостиную — широкую, в шесть окон, в наимоднейшем русском стиле: с расписными сундуками, с дубовой резьбой по стенам и нарядной изразцовой печью.

— Бонтонно проживать изволили, я же говорил, — почему-то шепотом выдохнул в затылок провожатый.

Эраст Петрович был сейчас удивительно похож на годовалого сеттера, впервые выпущенного в лес и ошалевшего от остро-манящего запаха близкой дичи. Повертев головой вправо-влево, он безошибочно определил:

— Вон та дверь — кабинет?

— Точно так-с.

— Идемте же!

Кожаный бювар долго искать не пришлось — он лежал посреди массивного письменного стола, между малахитовым чернильным прибором и

перламутровой раковиной-пепельницей.

Но прежде чем нетерпеливые руки Фандорина коснулись коричневой скрипучей кожи, взгляд его упал на фотопортрет в серебряной рамке, стоявший здесь же, на столе, на самом видном месте. Лицо на портрете было настолько примечательным, что Эраст Петрович и о бюваре забыл: вполоборота смотрела на него пышноволосая Клеопатра с огромными матово-черными глазами, гордым изгибом высокой шеи и чуть прорисованной жесточинкой в своенравной линии рта. Более же всего заворожило коллежского регистратора выражение спокойной и уверенной властности, такое неожиданное на девичьем

лице (почему-то захотелось Фандорину, чтоб это непременно была не дама, а девица).

— Хороша-с, — присвистнул оказавшийся рядом Иван Прокофьевич. — Кто же это такая? Позвольте-ка…

И он без малейшего трепета, кощунственной рукой извлек волшебный лик из рамки и перевернул карточку обратной стороной. Там косым, размашистым почерком было написано:

Петру К.
«И Петр вышед вон и плакася горько».
Полюбив, не отрекайтесь!
А.Б.

— Это она его с Петром-апостолом равняет, а себя, стало быть, с Иисусом? Однако амбиции! — фыркнул помощник пристава. — Уж не из-за этой ли особы и руки на себя студент наш наложил, а? Ага, вот и бюварчик, не зря ехали.

Раскрыв кожаную обложку, Иван Прокофьевич извлек один-единственный листок, написанный на уже знакомой Эрасту Петровичу голубой бумаге, однако на сей раз с нотариальной печатью и несколькими подписями внизу.

— Отлично, — удовлетворенно кивнул полицейский. — Отыскалась и духовная. Нуте-с,

любопытно.

Документ он пробежал глазами в минуту, но Эрасту Петровичу эта минута с вечность показалась, а заглядывать через плечо он полагал ниже своего достоинства.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Хорош подарочек троюродным! — воскликнул Иван Прокофьевич с непонятным злорадством. — Ай да Кокорин, всем нос утер. Это по-нашему, по-русски! Только уж непатриотично как-то. Вот и про «скотину» разъясняется.

Потеряв от нетерпения всякое представление о приличиях и чинопочитании, Эраст Петрович выхватил у старшего по званию листок и прочел следующее:

> Духовная
>
> Я, нижеподписавшийся Петр Александрович Кокорин, будучи в полном уме и совершенной памяти, при нижеследующих свидетелях объявляю мое завещание по поводу принадлежащего мне имущества.
>
> Все мое реализуемое имущество, полный перечень коего имеется у моего поверенного Семена Ефимовича Берензо-

на, я завещаю г-же баронессе Маргарете Эстер, подданной Британии, для использования всех сих средств по полному ее усмотрению на нужды образования и воспитания сирот. Уверен, что г-жа Эстер распорядится этими средствами толковее и честнее, чем наши генералы от благотворительности.

Это мое завещание является последним и окончательным, оно имеет законную силу и отменяет мое предыдущее завещание.

Душеприказчиками я назначаю адвоката Семена Ефимовича Берензона и студента Московского университета Николая Степановича Ахтырцева.

Настоящая духовная составлена в двух экземплярах, один из коих остается у меня, а второй передается на хранение в адвокатскую контору г-на Берензона.

Москва, 12 мая 1876 года. Петр Кокорин.

Глава вторая, в которой нет ничего кроме разговоров

— Воля ваша, Ксаверий Феофилактович, а только странно! — с горячностью повторил Фандорин. — Тут какая-то тайна, честное слово! — И упрямо подчеркнул. — Да, вот именно, тайна! Судите сами. Во-первых, застрелился как-то нелепо, «наудачу», одной пулей из барабана, будто и вовсе не собирался стреляться. Что за фатальное невезение! И тон предсмертной записки, согласитесь, какой-то чудной — вроде как наспех, между делом написана, а между тем проблема там затронута важнейшая. Нешуточная проблема! — голос Эраста Петровича аж зазвенел от чувства. — Но о проблеме я еще потом скажу, а пока про завещание. Разве оно не подозрительно?

— Что же именно кажется вам в нем, голубчик, подозрительным? — промурлыкал Грушин, скучающе перелистывая «Полицейскую сводку городских происшествий» за истекшие сутки. Это не лишенное познавательного интереса чтение обыкновенно поступало во второй половине дня,

ибо дел большой важности в сем документе не содержалось — в основном всякая мелкая всячина, полнейшая ерунда, но иногда попадалось и что-нибудь любопытное. Было здесь и сообщение о вчерашнем самоубийстве в Александровском саду, но, как и предвидел многоопытный Ксаверий Феофилактович, без каких-либо подробностей и уж конечно без текста предсмертной записки.

— А вот что! Стрелялся Кокорин вроде как не всерьез, однако же завещание, несмотря на вызывающий тон, составлено по всей форме — с нотариусом, со свидетельскими подписями, с указанием душеприказчиков, — загибал пальцы Фандорин. — И то сказать, состояние-то громадное. Я справлялся — две фабрики, три завода, дома в разных городах, верфи в Либаве, одних процентных бумаг в Государственном банке на полмиллиона!

— На полмиллиона? — ахнул Ксаверий Феофилактович, оторвавшись от бумажек. — Повезло англичанке, повезло.

— И объясните мне кстати, при чем здесь леди Эстер? Почему именно ей завещано, а не кому-то другому? Какая между ней и Кокориным связь? Вот что выяснить бы надо!

— Так он же написал, что нашим казнокрадам

не верит, а англичанку уж который месяц во всех газетах превозносят. Нет, милый, вы мне лучше вот что скажите. Как это получается, что ваше поколение жизни такую мелкую цену дает? Чуть что и пиф-паф, да еще с важностью, с пафосом, с презрением ко всему миру. С каких заслуг презрение-то, с каких? — засердился Грушин, вспомнив, как дерзко и непочтительно говорила с ним вчера вечером любимая дочь, шестнадцатилетняя гимназистка Сашенька. Однако вопрос был скорее риторический, мнение письмоводителя на сей счет мало интересовало почтенного пристава, и потому он вновь уткнулся в сводку.

Зато Эраст Петрович оживился еще больше:

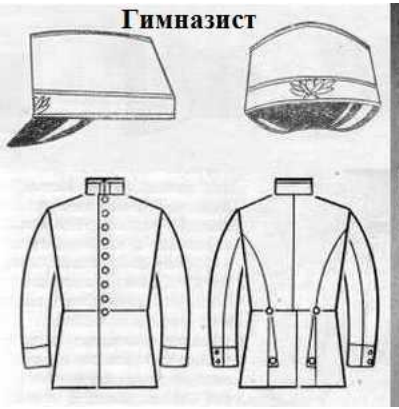
— А это и есть проблема, о которой я хотел сказать особо. Взгляните на такого человека, как Кокорин. Судьба дает ему все — и богатство, и свободу, и образованность, и красоту (про красоту Фандорин сказал так, уж заодно, хотя не имел ни малейшего представления о внешности покойника). А он играет со смертью и в конце концов убивает себя. Вы желаете знать почему? Нам, молодым, в вашем мире тошно — Кокорин прямо об этом написал, только не развернул. Ваши идеалы — карьера, деньги, почести — для многих из нас ничего не стоят. Не о том нам теперь мечтается.

Вы что же думаете, спроста пишут про эпидемию самоубийств? Лучшие из образованной молодежи уходят, задохнувшись от нехватки духовного кислорода, а вы, отцы общества, уроков для себя ничуть не извлекаете!

Получалось, что весь обвинительный пафос обращен на самого Ксаверия Феофилактовича, так как иных «отцов общества» поблизости не наблюдалось, однако Грушин нисколько не обиделся и даже с видимым удовольствием покивал головой.

— Вот кстати, — насмешливо хмыкнул он, глядя в сводку, — насчет нехватки духовного кислорода. «В Чихачевском переулке по третьему участку Мещанской части в 10 часов утра обнаружено мертвое тело удавившегося сапожника Ивана Еремеева Булдыгина 27 лет. По показаниям дворника Петра Силина, причина самоубийства — отсутствие средств на похмеление». Так все лучшие-то и уйдут. Одни мы, старые дураки, останемся.

— Вы смеетесь, — горько сказал Эраст Петрович. — А в Петербурге и Варшаве что ни день студенты, курсистки, а то и гимназисты травятся, стреляются, топятся. Смешно вам…



«Раскаетесь, Ксаверий Феофилактович, да поздно будет», — мстительно подумал он, хотя до сей минуты мысль о самоубийстве в голову ему никогда еще не приходила — слишком живого характера был юноша. Наступила тишина: Фандорин представлял скромную могилку, за церковной оградой и без креста, а Грушин то водил пальцем по строчкам, то принимался шелестеть листками.

— Однако и в самом деле ерунда какая-то, — пробурчал он. — Что они все, с ума посходили? Вот-с, два донесения, одно из третьего участка Мясницкой части, на странице восемь, другое из первого участка Рогожской части, на странице девять. Итак:

«В 12 часов 35 минут в Подколокольный переулок, к дому „Московского страхового от огня общества“ вызвали околоточного надзирателя Федорука по требованию калужской помещицы Авдотьи Филипповны Спицыной (временно проживает в гостинице „Боярская“). Г-жа Спицына показала, что возле входа в книжную лавку, у нее на глазах, некий прилично одетый господин на вид лет 25-ти предпринял попытку застрелиться — поднес к виску пистолет, да видно произошла осечка, и несостоявшийся самоубийца скрылся. Г-жа Спицына потребовала, чтобы полиция разыскала молодого человека и передала его духовным властям для наложения церковного покаяния. Розыск не предпринимался по отсутствию события преступления».

— Вот видите, а я что говорил! — возликовал Эраст Петрович, чувствуя себя полностью отомщенным.

— Погодите, юноша, это еще не все, — остановил его пристав. — Слушайте дальше. Страница девять:

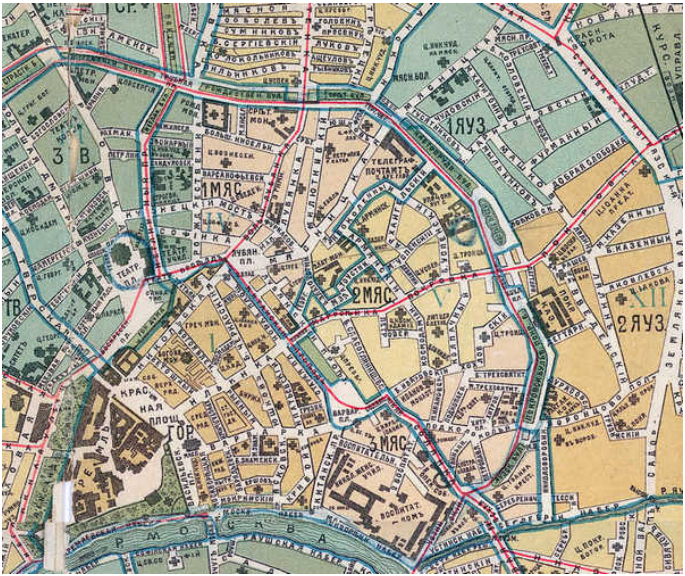
«Докладывает городовой Семенов (это из Рогожской). В одиннадцатом часу его вызвал мещанин Николай Кукин, приказчик бакалейной лавки „Брыкин и сыновья“, что напротив Малого Яузского моста. Кукин сообщил, что за несколько минут до того на каменную тумбу моста влез какой-то студент, приложил к голове пистолет, выражая явное желание застрелиться. Кукин слышал железный щелчок, но выстрела не было. После щелчка студент спрыгнул на мостовую и быстро ушел в сторону Яузской улицы. Других очевидцев не обнаружено. Кукин ходатайствует об учреждении на мосту полицейского поста, так как в прошлом году там уже утопилась девица легкого поведения, и от этого торговле убыток».

— Ничего не понимаю, — развел руками Фандорин. — Что это за ритуал такой? Уж не тайное ли общество самоубийц?

— Какое там общество, — медленно произнес Ксаверий Феофилактович, а потом заговорил все быстрее и быстрее, постепенно оживляясь. — Никакое не общество, сударь мой, а все гораздо

проще. Теперь и с барабаном понятно, а раньше-то было и невдомек! Это все один и тот же, наш с вами студент Кокорин куролесил. Смотрите-ка сюда. — Он встал и проворно подошел к карте Москвы, что висела на стене подле двери.

— Вот Малый Яузский мост. Отсюда он пошел Яузской улицей, где-то с час поболтался и оказался в Подколокольном, возле страхового общества. Напугал помещицу Спицыну и двинулся дальше, в сторону Кремля. А в третьем часу дошел до Александровского сада, где его путешествие и закончилось известным нам образом.


1ЯУЗ
2ЯУЗ
1МЯС
2МЯС
3МЯС
КРАС
НАЯ
ПЛОЩ
ГОР
ТЕАТР
ЦИРК
ЗООПАРК
ЦЕРКОВЬ
ПОЧТАМТ
ТЕЛЕГРАФ
ВОКЗАЛ
ГОСТИНЫЙ ДВОР
ЦЕРКОВЬ
ЦЕРКОВЬ
ЦЕРКОВЬ

ваешь банк, ну а не повезло — прости-прощай. И отправился наш студент в вояж по Москве, судьбу испытывать. Вполне возможно, что он не три раза стрелялся, а больше, просто не всякий очевидец полицию-то позовет. Это помещица-душеспасительница да Кукин со своим приватным интересом бдительность проявили, а сколько Кокорин всего попыток предпринял — Бог весть. Или уговор у него с собой был — мол, столько-то раз со смертью сыграю, и баста. Уцелею — так тому и быть. Впрочем, это уже мои фантазии. Никакого фатального невезения в Александровском не было, просто к третьему часу студент уже всю свою фортуну израсходовал.

— Ксаверий Феофилактович, вы — настоящий аналитический талант, — искренне восхитился Фандорин. — Я так и вижу перед собой, как все это было.

Заслуженная похвала, хоть и от молокососа, была Грушину приятна.

— То-то. Есть чему и у старых дураков поучиться, — назидательно произнес он. — Вы бы послужили по следственному делу с мое, да не в нынешние высококультурные времена, а при государе Николае Павловиче. Тогда не разбирали, сыскное не сыскное, да не было еше в Москве

ни нашего управления, ни даже следственного отдела. Сегодня убийц ищешь, завтра на ярмарке стоишь, народу острастку даешь, послезавтра по кабакам беспашпортных гоняешь. Зато приобретаешь наблюдательность, знание людей, ну и шкурой дубленой обрастаешь, без этого в нашем полицейском деле никак невозможно, — с намеком закончил пристав и вдруг заметил, что письмоводитель его не очень-то и слушает, а хмурится какой-то своей мысли, по всему видать не очень удобной.

— Ну, что там у вас еще, выкладывайте.

— Да вот, в толк не возьму… — Фандорин нервно пошевелил красивыми, в два полумесяца бровями. — Кукин этот говорит, что на мосту студент был…

— Конечно, студент, а кто же?

— Но откуда Кукину знать, что Кокорин студент? Был он в сюртуке и шляпе, его и в Александровском саду никто из свидетелей за студента не признал… Там в протоколах все «молодой человек» да «тот господин». Загадка!

— Все у вас одни загадки на уме, — махнул рукой Грушин. — Дурак ваш Кукин, да и дело с концом. Видит, барин молоденький, в статском, ну и вообразил, что студент. А может, глаз у при-

казчика наметанный, распознал студента — ведь с утра до вечера с покупателями дело имеет.

— Кукин в своей лавчонке такого покупателя, как Кокорин, и в глаза не видывал, — резонно возразил Эраст Петрович.

— Так что с того?

— А то, что неплохо бы помещицу Спицыну и приказчика Кукина получше расспросить. Вам, Ксаверий Феофилактович, конечно, не к лицу такими пустяками заниматься, но, если позволите, я бы сам… — Эраст Петрович даже на стуле приподнялся, так ему хотелось, чтоб Грушин позволил.

Собирался Ксаверий Феофилактович строгость проявить, но передумал. Пусть мальчишка живой работы понюхает, поучится со свидетелями разговаривать. Может, и получится из него толк. Сказал внушительно:

— Не запрещаю. — И, предупредив радостный возглас, уже готовый сорваться с уст коллежского регистратора, добавил. — Но сначала извольте отчет для его превосходительства закончить. И вот что, голубчик. Уже четвертый час. Пойду я, пожалуй, восвояси. А вы мне завтра расскажете, откуда приказчик про студента взял.

Глава третья, в которой возникает «зутулый штудент»

От Мясницкой, где располагалось Сыскное управление, до гостиницы «Боярская», где, судя по сводке, «временно проживала» помещица Спицына, было ходу минут двадцать, и Фандорин, несмотря на снедавшее его нетерпение, решил пройтись пешком. Мучитель «Лорд Байрон», немилосердно стискивавший бока письмоводителя, пробил столь существенную брешь в его бюджете, что расход на извозчика мог бы самым принципиальным образом отразиться на рационе питания. Жуя на ходу пирожок с вязигой, купленный на углу Гусятникова переулка (не будем забывать, что в следственной ажитации Эраст Петрович остался без обеда), он резво шагал по Чистопрудному бульвару, где допотопные старухи в салопах и чепцах сыпали крошки жирным, бесцеремонным голубям. По булыжной мостовой стремительно катились пролетки и фаэтоны, за которыми Фандорину было никак не угнаться, и его мысли приняли обиженное направление. В

сущности, сыщику без коляски с рысаками никак невозможно. Хорошо «Боярская» на Покровке, но ведь оттуда еще на Яузу к приказчику Кукину топать — это верных полчаса. Тут промедление смерти подобно, растравлял себя Эраст Петрович (прямо скажем, несколько преувеличивая), а господин пристав казенного пятиалтынного пожалел. Самому-то, поди, управление каждый месяц по восьмидесяти целковых на постоянного извозчика отчисляет. Вот они, начальственные привилегии: один на персональном извозчике домой, а другой на своих двоих по служебной надобности.

Но слева, над крышей кофейни Суше уже показалась колокольня Троицкой церкви, возле которой находилась «Боярская», и Фандорин зашагал еще быстрей, предвкушая важные открытия.

Полчаса спустя, походкой понурой и разбитой, брел он вниз по Покровскому бульвару, где голубей, таких же упитанных и нахальных, как

на Чистопрудном, кормили уже не дворянки, а купчихи.

Разговор со свидетельницей получился неутешительный. Помещицу Эраст Петрович поймал в самый последний момент — она уже готовилась сесть в дрожки, заваленные баулами и свертками, чтобы отбыть из первопрестольной к себе в Калужскую губернию. Из соображений экономии путешествовала Спицына по старинке, не железной дорогой, а на своих лошадках.

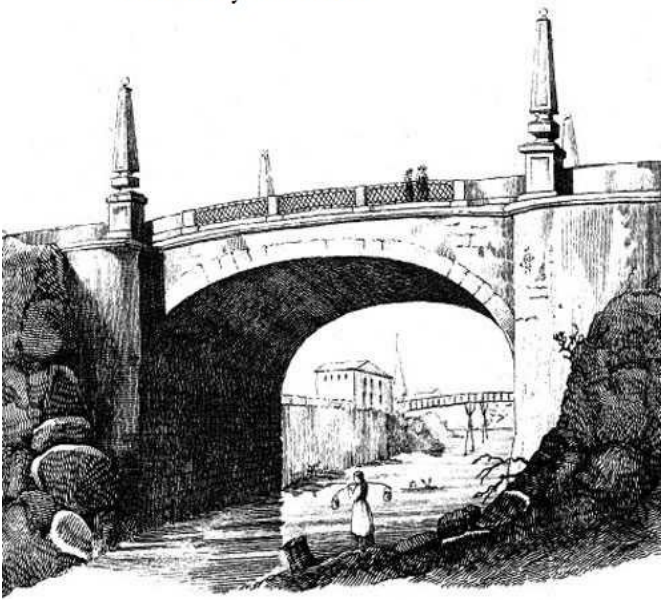
В этом Фандорину безусловно повезло, ибо торопись помещица на вокзал, разговора и вовсе бы не получилось. Но суть беседы со словоохотливой свидетельницей, к которой Эраст Петрович подступал и так, и этак, сводилась к одному: Ксаверий Феофилактович прав, и видела Спицына именно Кокорина — и про сюртук помянула, и про круглую шляпу, и даже про лаковые штиблеты с пуговками, о которых не упоминали свидетели из Александровского сада.

Вся надежда оставалась на Кукина, в отношении которого Грушин, скорее всего, опять-таки прав. Сболтнул приказчик не подумав, а теперь таскайся из-за него по всей Москве, выставляй себя перед приставом на посмешище.

Бакалейная лавка «Брыкин и сыновья» выходи-

ла стеклянной дверью с изображением сахарной головы прямо на набережную, и мост отсюда был виден как на ладони — это Фандорин отметил сразу. Отметил он и то, что окна лавки были нараспашку (видно, от духоты), а стало быть, мог услышать Кукин и «железный щелчок», ведь до ближайшей каменной тумбы моста никак не далее пятнадцати шагов. Из двери заинтригованно выглянул мужчина лет сорока в красной рубахе, черном суконном жилете, плисовых штанах и сапогах бутылками.

Малый Яузский мост



— Не угодно ли чего, ваше благородие? — спросил он. — Никак заплутать изволили?

— Кукин? — строго спросил Эраст Петрович, не предвидя от грядущих объяснений ничего утешительного.

— Точно так-с, — насторожился приказчик, сдвинув кустистые брови, но сразу же догадал-

ся. — Вы, ваше благородие, должно, из полиции? Покорнейше благодарен. Не ожидал такого скорого вашего внимания. Господин околотошный сказали, что начальство рассмотрит, но не ожидал-с, никак не ожидал-с. Да что же мы на пороге-то! Пожалуйте в лавку. Уж так благодарен, так благодарен.

Он и поклонился, и дверку приоткрыл, и еще рукой приглашающий жест сделал — мол, милости прошу, но Фандорин не тронулся с места. Сказал внушительно:

— Я, Кукин, не из околотка, а из сыскной полиции. Имею поручение разыскать сту… того человека, про которого вы сообщили околоточному надзирателю.

— Это скубента-то? — с готовностью подсказал приказчик. — Как же-с, преотлично его запомнили. Страх-то какой, прости Господи. Я как увидел, что они на тумбу залезли и оружию к голове приставили, так и обмер — ну все, думаю, будет как о прошлый год, опять никого в лавку калачом не заманишь. А в чем мы-то виноваты? Что им тут, медом намазано, руки на себя накладывать? Ты сходи вон к Москве-реке, там и поглыбже, и мост повыше, да и…

— Помолчите, Кукин, — перебил его Эраст Пет-

рович. — Лучше опишите студента. Во что был одет, как выглядел и с чего вы вообще взяли, что он студент.

— Так ведь как есть скубент, по всей форме, ваше благородие, — удивился приказчик. — И мундир, и пуговицы, и стеклышки на носу.

— Как мундир? — вскинулся Фандорин. — Он разве в мундире был?

— А как же иначе-с? — сожалеюще взглянул на бестолкового чиновника Кукин. — Без энтого где ж мне было понять, скубент он или нет? Что я, по мундиру скубента от приказного не отличу?

Мундир студента

На это справедливое замечание Эрасту Петровичу сказать было нечего, он вытащил из кармана аккуратный блокнотик с карандашом — записывать показания. Блокнотик Фандорин купил перед тем, как на службу в Сыскное поступать, три недели без дела проносил, да вот только сегодня пригодился — за утро коллежский регистратор в нем уже несколько страничек меленько исписал.

— Расскажите, как выглядел этот человек.

— Человек как человек. Собою невидный, на лицо немножко прыщеватый. Стеклышки опять же…

— Какие стеклышки — очки или пенсне?

— Такие, на ленточке.

— Значит, пенсне, — чиркал карандашом Фандорин. — Еще какие-нибудь приметы?

— Сутулые они были очень. Плечи чуть не выше макушки… Да что, скубент как скубент, я ж говорю…

Кукин недоумевающе смотрел на «приказного», а тот надолго замолчал — щурился, шевелил губами, шелестел маленькой тетрадочкой. В общем, думал о чем-то человек.

«Мундир, прыщеватый, пенсне, сильно сутулый», — значилось в блокноте. Ну, немножко

прыщеватый — это мелочь. Про пенсне в описи вещей Кокорина ни слова. Обронил? Возможно. Свидетели про пенсне тоже ничего не поминают, но их про внешность самоубийцы особенно и не расспрашивали — к чему? Сутулый? Хм. В «Московских ведомостях», помнится, описан «статный молодец», но репортер при событии не присутствовал, Кокорина не видел, так что мог и приплести «молодца» ради пущего эффекта. Остается студенческий мундир — это уже не опровергнешь. Если на мосту был Кокорин, то получается, что в промежутке между одиннадцатым часом и половиной первого он зачем-то переоделся в сюртук. И интересно где? От Яузы до Остоженки и потом обратно к «Московскому страховому от огня обществу» путь неблизкий, за полтора часа не обернешься.

И понял Фандорин с ноющим замиранием под ложечкой, что выход у него один-единственный: брать приказчика Кукина за шиворот, везти в участок на Моховую, где в покойницкой все еще лежит обложенное льдом тело самоубийцы, и устраивать опознание. Эраст Петрович представил развороченный череп с засохшей коркой крови и мозгов, и по вполне естественной ассоциации вспомнилась ему зарезанная купчи-

ха Крупнова, до сих пор наведывавшаяся в его кошмарные сны. Нет, ехать в «холодную» определенно не хотелось. Но между студентом с Малого Яузского моста и самоубийцей из Александровского сада имелась связь, в которой непременно следовало разобраться. Кто может сказать, был ли Кокорин прыщавым и сутулым, носил ли он пенсне?

Во-первых, помещица Спицына, но она, верно, уже подъезжает к Калужской заставе. Во-вторых, камердинер покойного, как бишь его фамилия-то? Неважно, все равно следователь выставил его из квартиры, поди отыщи теперь. Остаются свидетели из Александровского, и прежде всего те две дамы, с которыми Кокорин разговаривал в последнюю минуту своей жизни, уж они-то наверняка разглядели его во всех деталях. Вот в блокноте записано: «Дочь д. т. с. Елиз. Александр-на фон Эверт-Колокольцева 17 л., девица Эмма Готлибовна Пфуль 48 л., Малая Никитская, собст. дом».

Без расхода на извозчика все же было не обойтись.

* * *

День получался длинный. Бодрое майское солнце, совсем не уставшее озарять златоглавый город, нехотя сползало к линии крыш, когда обедневший на два двугривенных Эраст Петрович сошел с извозчика у нарядного особняка с дорическими колоннами, лепным фасадом и мраморным крыльцом.

Особняк на Малой Никитской.

Увидев, что седок в нерешительности остановился, извозчик сказал:

— Он самый и есть, генералов дом, не сомневайтесь. Не первый год по Москве ездим.

«А ну как не пустят», — екнуло внутри у Эраста Петровича от страха перед возможным унижением. Он взялся за сияющий медный молоток и два раза стукнул. Массивная дверь с бронзовыми львиными мордами немедленно распахнулась, выглянул швейцар в богатой ливрее с золотыми позументами.

— К господину барону? Из присутствия? — деловито спросил он. — Доложить или только бумажку какую передать? Да вы заходите.

В просторной прихожей, ярко освещенной и люстрой, и газовыми рожками, посетитель совсем оробел.

— Я, собственно, к Елизавете Александровне, — объяснил он. — Эраст Петрович Фандорин, из сыскной полиции. По срочной надобности.

— Из сыскной? — презрительно поморщился страж дверей. — Уж не по вчерашнему ли делу? И не думайте. Барышня почитай полдня прорыдали и ночью спали плохо-с. Не пущу и докладывать не стану. Его превосходительство и то грозили вашим из околотка головы поотрывать, что вчера Елизавету Александровну допросами мучили. На улицу извольте, на улицу. — И стал,

мерзавец, еще животом своим толстым к выходу подпихивать.

— А девица Пфуль? — в отчаянии вскричал Эраст Петрович. — Эмма Готлибовна сорока восьми лет? Мне бы хоть с ней перемолвиться. Государственное дело!

Швейцар важно почмокал губами.

— К ним пущу, так и быть. Вон туда, под лестницу идите. По коридору направо третья дверь. Там госпожа гувернантка и проживает.

На стук открыла высокая костлявая особа и молча уставилась на посетителя круглыми карими глазами.

— Из полиции, Фандорин. Вы госпожа Пфуль? — неуверенно произнес Эраст Петрович и на всякий случай повторил по-немецки. — Полицайамт. Зинд зи фрейляйн Пфуль? Гутен абенд.[1]

— Вечер добрый, — сурово ответила костлявая. — Да, я Эмма Пфуль. Входите. Задитесь вон на тот штул.

Фандорин сел куда было велено — на венский стул с гнутой спинкой, стоявший подле письменного стола, на котором аккуратнейшим образом были разложены какие-то учебники и стопки

---

[1] Примечания: 1.1

Полицейское управление. Вы — девица Пфуль? Добрый вечер. (нем.)

писчей бумаги. Комната была хорошая, светлая, но очень уж скучная, словно неживая. Только вот на подоконнике стояло целых три горшка с пышной геранью — единственное яркое пятно во всем помещении.

— Вы из-за того глупого молодого человека, который зебя стрелял? — спросила девица Пфуль. — Я вчера ответила на все вопросы господина полицейского, но если хотите спрашивать еще, можете спрашивать. Я хорошо понимаю, что работа полиции — это очень важно. Мой дядя Гюнтер служил в заксонской полиции обер-вахтмайстером.

— Я коллежский регистратор, — пояснил Эраст Петрович, не желая, чтобы его тоже приняли за вахмистра, — чиновник четырнадцатого класса.

— Да, я умею понимать чин, — кивнула немка, показывая пальцем на петлицу его вицмундира. — Итак, господин коллежский регистратор, я вас слушаю.

В этот момент дверь без стука отворилась и в комнату влетела светловолосая барышня с очаровательно раскрасневшимся личиком.

— Фрейлейн Пфуль! Morgen fahren wir nach

Kuntsevo![2] Честное слово! Папенька позволил! — зачастила она с порога, но, увидев постороннего, осеклась и сконфуженно умолкла, однако ее серые глаза с живейшим любопытством воззрились на молодого чиновника.

— Воспитанные баронессы не бегают, а ходят, — с притворной строгостью сказала ей гувернантка. — Особенно если им уже целых семнадцать лет. Если вы не бегаете, а ходите, у вас есть время, чтобы увидеть незнакомый человек и прилично поздороваться.

— Здравствуйте, сударь, — прошелестело чудесное видение.

Фандорин вскочил и поклонился, чувствуя себя прескверно. Девушка ему ужасно понравилась, и бедный письмоводитель испугался, что сейчас возьмет и влюбится в нее с первого взгляда, а делать этого никак не следовало. И в прежние-то, благополучные папенькины времена такая принцесса была бы ему никак не парой, а теперь уж и подавно.

— Здравствуйте, — очень сухо сказал он, сурово нахмурился и мысленно прибавил: «В жалкой роли меня представить вздумали? Он был титу-

---

[2] Примечания: 1.2
Завтра мы едем в Кунцево! (нем.)

лярный советник, она — генеральская дочь? Нет уж, сударыня, не дождетесь! Мне и до титулярного-то еще служить и служить».

— Коллежский регистратор Фандорин Эраст Петрович, управление сыскной полиции, — официальным тоном представился он. — Произвожу доследование по факту вчерашнего печального происшествия в Александровском саду. Возникла необходимость задать еще кое-какие вопросы. Но ежели вам неприятно, — я отлично понимаю, как вы были расстроены, — мне будет достаточно разговора с одной госпожой Пфуль.

— Да, это было ужасно. — Глаза барышни, и без того преизрядные, расширились еще больше. — Правда, я зажмурилась и почти ничего не видела, а потом лишилась чувств… Но мне так интересно! Фрейлейн Пфуль, можно я тоже побуду? Ну пожалуйста! Я, между прочим, такая же свидетельница, как и вы!

— Я со своей стороны, в интересах следствия, тоже предпочел бы, чтобы госпожа баронесса присутствовала, — смалодушничал Фандорин.

— Порядок есть порядок, — кивнула Эмма Готлибовна. — Я, Лизхен, всегда вам повторила:

Ordnung muss sein[3]. Надо быть послушным закону. Вы можете оставаться.

Лизанька (так про себя уже называл Елизавету Александровну стремительно гибнущий Фандорин) с готовностью опустилась на кожаный диван, глядя на нашего героя во все глаза.

Он взял себя в руки и, повернувшись к фрейлейн Пфуль, попросил:

— Опишите мне, пожалуйста, портрет того господина.

— Господина, который зебя стрелял? — уточнила она. — Na ja[4]. Коричневые глаза, коричневые волосы, рост довольно большой, усов и бороды нет, бакенбарды тоже нет, лицо зовсем молодое, но не очень хорошее. Теперь одежда…

— Про одежду попозже, — перебил ее Эраст Петрович. — Вы говорите, лицо нехорошее. Почему? Из-за прыщей?

— Pickeln, — покраснев, перевела Лизанька.

— A ja, прышшы, — смачно повторила гувернантка не сразу понятое слово. — Нет, прышшей у того господина не было. У него была хорошая, здоровая кожа. А лицо не очень хорошее.

---

[3] Примечания: 1.3
Должен быть порядок. (нем.)

[4] Примечания: 1.4
Значит, так. (нем.)

— Почему?

— Злое. Он смотрел так, будто хотел убивать не зебя, а кто-то зовсем другой. О, это был кошмар! — возбудилась от воспоминаний Эмма Готлибовна. — Весна, золнечная погода, все дамы и господа гуляют, чудесный зад весь в цветочках!

При этих ее словах Эраст Петрович залился краской и искоса взглянул на Лизаньку, но та, видно, давно привыкла к своеобразному выговору своей дуэньи, и смотрела все так же доверчиво и лучисто.

— А было ли у него пенсне? Может быть, не на носу, а торчало из кармана? На шелковой ленте? — сыпал вопросами Фандорин. — И не показалось ли вам, что он сутул? Еще вот что. Я знаю, что он был в сюртуке, но не выдавало ли что-нибудь в его облике студента — к примеру, форменные брюки? Не приметили?

— Я всегда все приметила, — с достоинством ответила немка. — Брюки были панталоны в клетку из дорогой шерсти. Пенсне не было зовсем. Зутулый тоже нет. У того господина была хорошая осанка. — Она задумалась и неожиданно переспросила. — Зутулый, пенсне и штудент? Почему вы так сказали?

— А что? — насторожился Эраст Петрович.

— Странно. Там был один господин. Зутулый штудент в пенсне.

— Как!? Где!? — ахнул Фандорин.

— Я видела такого господина… jenseits… с другой стороны забора, на улице. Он стоял и на нас смотрел. Я еще думала, что зейчас господин штудент будет нам помогать прогонять этот ужасный человек. И он был очень зутулый. Я это увидела потом, когда тот господин уже зебя убил. Штудент повернулся и быстро-быстро ушел. И я увидела, какой он зутулый. Это бывает, когда детей в детстве не учат правильно зидеть. Правильно зидеть очень важно. Мои воспитанницы всегда зидят правильно. Посмотрите на фрейлейн баронессу. Видите, как она держит спинку? Очень красиво!

Вот здесь Елизавета Александровна покраснела, да так мило, что Фандорин на миг потерял нить, хотя сообщение девицы Пфуль, несомненно, имело исключительную важность.

Глава четвертая, повествующая о губительной силе красоты

На следующий день в одиннадцатом часу утра Эраст Петрович, благословленный начальником и даже наделенный тремя рублями на экстраординарные расходы, прибыл к желтому корпусу университета на Моховой.

Задание было несложным, но требующим известного везения: разыскать сутулого, не видного

собой и отчасти прыщавого студента в пенсне на шелковой ленте. Вполне вероятно, что этот подозрительный господин учился вовсе и не на Моховой, а в Высшем техническом училище, в Лесной академии или вовсе в каком-нибудь Межевом институте, однако Ксаверий Феофилактович (смотревший на своего юного помощника с некоторым не лишенным радости удивлением) был полностью согласен с предположением Фандорина — вернее всего «зутулый», как и покойный Кокорин, учился в университете и очень возможно, что на том же самом юридическом факультете.

Одетый в партикулярное платье Эраст Петрович стремглав взлетел по истертым чугунным ступеням парадного крыльца, миновал бородатого служителя в зеленой ливрее и занял удобную позицию в полукруглой амбразуре окна, откуда отлично просматривался и вестибюль с гардеробом, и двор, и даже входы в оба крыла. Впервые с тех пор, как умер отец и жизнь молодого человека свернула с прямого и ясного пути, смотрел Эраст Петрович на священные желтые стены университета без сердечной тоски о том, что могло сбыться, да не сбылось. Еще неизвестно, какое существование увлекательней и полезней

для общества — студенческая зубрежка или суровая жизнь сыскного агента, ведущего важное и опасное дело. (Ладно, пусть не опасное, но все же чрезвычайно ответственное и таинственное.) Примерно каждый четвертый из студентов, попадавших в поле зрения внимательного наблюдателя, носил пенсне, причем многие именно на шелковой ленте. Примерно каждый пятый имел на физиономии некоторое количество прыщей. Хватало и сутулых. Однако сойтись в одном субъекте все три приметы никак не желали.

Во втором часу проголодавшийся Фандорин достал из кармана сандвич с колбасой и подкрепился, не покидая поста. К тому времени у Эраста Петровича успели установиться вполне приязненные отношения с бородатым привратником, который велел звать его Митричем и успел дать молодому человеку несколько ценнейших со-

ветов по поводу поступления в «нивирситет». Фандорин, который представился говорливому старику провинциалом, мечтающим о заветных пуговицах с университетским гербом, уже подумывал, не переменить ли версию и не расспросить ли Митрича напрямую о «зутулом» и прыщавом, когда привратник в очередной раз засуетился, сдернул с головы фуражку и распахнул дверь. Эту процедуру Митрич проделывал, когда мимо проходил кто-нибудь из профессоров или богатых студентов, за что время от времени получал то копейку, а то и пятак. Эраст Петрович оглянулся и увидел, что к выходу направляется некий студент, только что получивший в гардеробе роскошный бархатный плащ с застежками в виде львиных лап. На носу у щеголя поблескивало пенсне, на лбу розовела россыпь прыщиков. Фандорин так и напружинился, пытаясь разглядеть, что там у студента с осанкой, но проклятая пелерина плаща и поднятый воротник мешали поставить диагноз.

— Приятного вечера, Николай Степаныч. Не прикажете ли извозчика? — поклонился привратник.

— Что, Митрич, дождик-то перестал? — тонким голосом спросил прыщавый. — Ну тогда

пройдусь, засиделся. — И двумя пальцами в белой перчатке уронил в подставленную ладонь монетку.

— Кто таков? — шепнул Эраст Петрович, напряженно вглядываясь в спину франта. Вроде сутулится?

— Ахтырцев Николай Степаныч. Первейший богач, княжеских кровей, — благоговейно сообщил Митрич. — Кажный раз не меньше пятиалтынного кидает.

Фандорина аж в жар бросило. Ахтырцев! Уж не тот ли, что в завещании душеприказчиком указан!

Митрич кланялся очередному преподавателю, длинноволосому магистру физики, а когда обернулся, его ждал сюрприз: уважительный провинциал будто сквозь землю провалился.

Черный бархатный плащ был виден издалека, и Фандорин нагнал подозреваемого в два счета, но окликнуть не решился: что, собственно, он может этому Ахтырцеву предъявить? Ну, предположим, опознают его и приказчик Кукин, и девица Пфуль (тут Эраст Петрович тяжко вздохнул, снова, уже в который раз, вспомнив Лизаньку). Так что с того? Не лучше ли, согласно науке великого Фуше, непревзойденного корифея сыска, установить за

объектом слежку?

Сказано — сделано. Тем более что следить оказалось совсем нетрудно: Ахтырцев не спеша, прогулочным шагом шел в сторону Тверской, назад не оборачивался, лишь время от времени провожал взглядом смазливых модисток. Несколько раз Эраст Петрович, осмелев, подбирался совсем близко и даже слышал, как студент беззаботно насвистывает арию Смита из «Пертской красавицы». Похоже, несостоявшийся самоубийца (если это был он) пребывал в самом радужном настроении. Возле табачного магазина Корфа студент остановился и долго разглядывал на витрине коробки с сигарами, однако внутрь не зашел. У Фандорина начало складываться убеждение, что «объект» тянет время до назначенного часа. Убеждение это окрепло, когда Ахтырцев достал золотые часы, щелкнул крышкой и, несколько ускорив шаг, двинулся вверх по тротуару, перейдя к исполнению более решительного «Хора мальчиков» из новомодной оперы «Кармен».

Свернув в Камергерский, студент насвистывать перестал и зашагал так резво, что Эраст Петрович был вынужден поотстать — иначе больно уж подозрительно бы выглядело. К счастью, не доходя модного дамского салона Дарзанса, «объ-

ект» замедлил шаг, а вскоре и вовсе остановился. Фандорин перешел на противоположную сторону и занял пост возле булочной, благоухающей ароматами свежей сдобы.

Минут пятнадцать, а то и двадцать Ахтырцев, проявляя все более заметную нервозность, прохаживался у фигурных дубовых дверей, куда то и дело входили деловитые дамы и откуда рассыльные выносили нарядные свертки и коробки. Вдоль тротуара ждало несколько экипажей, некоторые даже с гербами на лакированных дверцах. В семнадцать минут третьего (Эраст Петрович заметил по витринным часам) студент встрепенулся и кинулся к вышедшей из магазина стройной даме в вуалетке. Снял фуражку, стал что-то говорить, размахивая руками. Фандорин со скучающим видом пересек мостовую — мало ли, может, ему тоже угодно к Дарзансу заглянуть.

— Нынче мне не до вас, — услышал он звонкий голос дамы, одетой по самой последней парижской моде, в лиловое муаровое платье с

шлейфом. — После. В восьмом часу приезжайте, как обычно, там все и решится.

Не глядя более на возбужденного Ахтырцева, она направилась к двухместному фаэтону с открытым верхом.

— Но Амалия! Амалия Казимировна, позвольте! — крикнул ей вслед студент. — Я в некотором роде рассчитывал на приватное объяснение!

— После, после! — бросила дама. — Нынче я спешу!

Легкий ветерок приподнял с ее лица невесомую вуалетку, и Эраст Петрович остолбенел. Эти ночные с поволокой глаза, этот египетский овал, этот капризный изгиб губ он уже видел, а такое лицо, раз взглянув, не забудешь никогда. Вот она, таинственная А.Б., что не велела несчастному Кокорину отрекаться от любви! Дело, кажется, принимало совсем иной смысл и колер.

Ахтырцев потерянно застыл на тротуаре, некрасиво вжав голову в плечи (сутулый, определенно сутулый, убедился Эраст Петрович), а тем временем фаэтон неспешно увозил египетскую царицу в сторону Петровки. Нужно было что-то решать, и Фандорин, рассудив, что студент теперь все равно никуда не денется, махнул на него рукой — побежал вперед, к углу Большой Дмитровки,

где выстроился ряд извозчичьих пролеток.

— Полиция, — шепнул он сонному ваньке в картузе и ватном кафтане. — Быстро вон за тем экипажем! Шевелись же! Да не трясись, получишь сполна.

Ванька приосанился, с преувеличенным усердием поддел рукава, тряхнул вожжами, да еще и гаркнул, и чубарая лошадка звонко зацокала копытами по булыжной мостовой.

На углу Рождественки поперек улицы влез ломовик, груженый досками, да так и перегородил всю проезжую часть. Эраст Петрович в крайнем волнении вскочил и даже приподнялся на цыпочки, глядя вслед успевшему проскочить фаэтону. Хорошо хоть, сумел разглядеть, как тот поворачивает на Большую Лубянку.

Ничего, Бог милостив, нагнали фаэтон у самой Сретенки, и вовремя — тот нырнул в узкий горбатый переулок. Колеса запрыгали по ухабам. Фандорин увидел, что фаэтон останавливается, и ткнул извозчика в спину — мол, кати дальше, не выдавай. Сам нарочно отвернулся в сторону, но краешком глаза видел, как у опрятного каменного особнячка лиловую даму, кланяясь, встречает какой-то ливрейный немалого роста. За первым же углом Эраст Петрович отпустил извозчика и медленно, как бы прогуливаясь, зашагал в обратном направлении. Вот и особнячок — теперь можно было разглядеть его как следует: мезонин с зеленой крышей, на окнах гардины, парадное крыльцо с козырьком. Медной таблички на двери что-то не видно.

Зато на лавке у стены сидел-скучал дворник в фартуке и мятом картузе. К нему Эраст Петрович и направился.

— А скажи-ка, братец, — начал он сходу, извлекая из кармана казенный двугривенный. — Чей это дом?

— Известно чей, — туманно ответил дворник, с интересом следя за пальцами Фандорина.

— Держи вот. Что за дама давеча приехала?

Приняв монету, дворник степенно ответил:

— Дом генеральши Масловой, только они тут не проживают, в наем сдают. А приехала квартирантка, госпожа Бежецкая, Амалия Казимировна.

— Кто такая? — насел Эраст Петрович. — Давно ли живет? Много ли народу бывает?

Дворник смотрел на него молча, пожевывая губами. В мозгу у него происходила какая-то непонятная работа.

— Ты вот что, барин, — сказал он, поднимаясь, и внезапно цепко взял Фандорина за рукав. — Ты погоди-ка.

Он подтащил упирающегося Эраста Петровича к крыльцу и дернул за язык бронзового колокольчика.

— Ты что?! — ужаснулся сыщик, тщетно пытаясь высвободиться. — Да я тебя… Да ты знаешь, с кем…?!

Дверь распахнулась, и на пороге возник ли-

врейный верзила с огромными песочными бакенбардами и бритым подбородком — сразу видно, не русских кровей.

— Так что ходют тут, про Амалию Казимировну интересуются, — слащавым голосом донес подлый дворник. — И деньги предлагали-с. Я не взял-с. Вот я, Джон Карлыч, и рассудил…

Дворецкий (а это непременно был дворецкий, раз уж англичанин) смерил арестованного бесстрастным взглядом маленьких колючих глаз, молча сунул иуде серебряный полтинник и чуть посторонился.

— Да тут, собственно, полнейшее недоразумение! — все не мог опомниться Фандорин. — It's ridiculous! A complete misunderstanding![5] — перешел он на английский.

---

[5] Примечания: 1.5
Это просто смешно! Полнейшее недоразумение! (англ.)

— Нет уж, вы пожалуйте-с, пожалуйте-с, — гудел сзади дворник и, для верности взяв Фандорина еще и за второй рукав, протолкнул внутрь.

Эраст Петрович оказался в довольно широкой прихожей, прямо напротив медвежьего чучела с серебряным подносом — визитные карточки класть. Стеклянные глазки мохнатого зверя смот-

рели на попавшего в конфуз регистратора безо всякого сочувствия.

— Кто? Зачэм? — коротко, с сильным акцентом спросил дворецкий, совершенно игнорируя вполне приличный английский Фандорина.

Эраст Петрович молчал, ни в коем случае не желая раскрывать свое инкогнито.

— What's the matter, John?[6] — раздался уже знакомый Фандорину звонкий голос. На устланной ковром лестнице, что, верно, вела в мезонин, стояла хозяйка, успевшая снять шляпку и вуаль.

— А-а, юный брюнет, — насмешливо произнесла она, обращаясь к пожиравшему ее взглядом Фандорину. — Я вас еще в Камергерском приметила. Разве можно так на незнакомых дам пялиться? Ловок, ничего не скажешь. Выследил! Студент или так, бездельник?

— Фандорин, Эраст Петрович, — представился он, не зная, как отрекомендоваться дальше, но Клеопатра, кажется, уже истолковала его появление по-своему.

— Смелых люблю, — усмехнулась она. — Особенно если такие хорошенькие. А вот шпионить некрасиво. Если моя особа вам до такой степени

---

[6] Примечания: 1.6
В чем дело, Джон? (англ.)

интересна, приезжайте вечером — ко мне кто только не ездит. Там вы вполне сможете удовлетворить свое любопытство. Да наденьте фрак, у меня обращение вольное, но мужчины, кто не военный, непременно во фраках — такой закон.

* * *

К вечеру Эраст Петрович был во всеоружии. Правда, отцовский фрак оказался широковат в плечах, но славная Аграфена Кондратьевна, губернская секретарша, у которой Фандорин

снимал комнатку, заколола булавками по шву и получилось вполне прилично, особенно если не застегиваться. Обширный гардероб, где одних белых перчаток имелось пять пар, был единственным достоянием, которое унаследовал сын неудачливого банковского вкладчика. Лучше всего смотрелись шелковый жилет от Бургеса и лаковые туфли от Пироне.

Неплох был и почти новый цилиндр от Блана, только немножко сползал на глаза. Ну да это ничего — отдать у входа лакею, и дело с концом. Тросточку Эраст Петрович решил не брать — пожалуй, дурной тон. Он покрутился в темной прихожей перед щербатым зеркалом и остался собой доволен, прежде всего талией, которую идеально держал суровый «Лорд Байрон». В жилетном кармашке лежал серебряный рубль, полученный от Ксаверия Феофилактовича на букет («приличный, но без фанаберии»). Какие уж тут фанаберии на рубль, вздохнул Фандорин и решил, что добавит собственный полтинник, — тогда хватит на пармские фиалки.

Из-за букета пришлось пожертвовать извозчиком, и к чертогу Клеопатры (это прозвище подходило Амалии Казимировне Бежецкой лучше всего) Эраст Петрович прибыл лишь в

четверть девятого.

Гости уже собрались. Впущенный горничной письмоводитель еще из прихожей услышал гул множества мужских голосов, но время от времени доносился и тот, серебряно-хрустальный, волшебный. Немного помедлив у порога, Эраст Петрович собрался с духом и вошел с некоторой развязностью, надеясь произвести впечатление человека светского и бывалого. Зря старался — никто на вошедшего и не обернулся.

Фандорин увидел залу с удобными сафьяновыми диванами, бархатными стульями, изящными столиками — все очень стильно и современно. Посередине, попирая ногами расстеленную тигровую шкуру, стояла хозяйка, наряженная испанкой, в алом платье с корсажем и с пунцовой камелией в волосах.

Ренуар. «Инспанская танцовщица в красном»

Хороша была так, что у Эраста Петровича перехватило дух. Он и гостей-то разглядел не сразу, заметил только, что одни мужчины, да что Ахтырцев здесь, сидит чуть поодаль и что-то очень уж бледный.

— А вот и новый воздыхатель, — произнесла Бежецкая, взглядывая с усмешкой на Фандорина. — Теперь ровно чертова дюжина. Представлять всех не буду, долго получится, а вы назовитесь. Помню, что студент, да фамилию забыла.

— Фандорин, — пискнул Эраст Петрович предательски дрогнувшим голосом и повторил еще раз, потверже. — Фандорин.

Все оглянулись на него, но как-то мельком, видно, вновь прибывший юнец их не заинтересовал. Довольно скоро стало ясно, что центр интереса в этом обществе только один. Гости между собой почти не разговаривали, обращаясь преимущественно к хозяйке, и все, даже важного вида старик с бриллиантовой звездой, наперебой добивались одного — привлечь на себя ее внимание и хоть на миг затмить остальных. Иначе вели себя только двое — молчаливый Ахтырцев, беспрестанно тянувший из бокала шампанское, и гусарский офицер, цветущий малый с шальными, немного навыкате глазами и белозубо-черно-

усой улыбкой. Он, похоже, изрядно скучал и на Амалию Казимировну почти не смотрел, с пренебрежительной усмешкой разглядывая прочих гостей. Клеопатра этого хлюста явно отличала, звала просто «Ипполитом» и пару раз метнула в его сторону такой взгляд, что у Эраста Петровича тоскливо заныло сердце.

Внезапно он встрепенулся. Некий гладкий господин с белым крестом на шее только что произнес, воспользовавшись паузой:

— Вот вы, Амалия Казимировна, давеча запретили про Кокорина судачить, а я узнал кое-что любопытненькое.

Гусры

Он помолчал, довольный произведенным эффектом, — все обернулись к нему.

— Не томите, Антон Иванович, говорите, — не вытерпел крутолобый толстяк, по виду адвокат из преуспевающих.

— Да-да, не томите, — подхватили остальные.

— Не просто застрелился, а через «американскую рулетку» — мне сегодня в канцелярии генерал-губернатора шепнули, — значительно сообщил гладкий. — Знаете, что это такое?

— Известное дело, — пожал плечами Ипполит. — Берешь револьвер, вставляешь патрон. Глупо, но горячит. Жалко, что американцы, а не наши додумались.

— А при чем здесь рулетка, граф? — не понял старик со звездой.

— Чет или нечет, красное или черное, только б не зеро! — выкрикнул Ахтырцев и неестественно расхохотался, глядя на Амалию Казимировну с вызовом (так во всяком случае показалось Фандорину).

— Я предупреждала: кто об этом болтать будет, выгоню! — не на шутку рассердилась хозяйка. — И от дома откажу раз и навсегда! Нашли тему для сплетен!

Повисло нескладное молчание.

— Однако ж мне отказать от дома вы не посмеете, — все тем же развязным тоном заявил Ахтырцев. — Я, кажется, заслужил право говорить все, что думаю.

— Это чем же, позвольте узнать? — вскинулся коренастый капитан в гвардейском мундире.

— А тем, что налакался, молокосос, — решительно повел дело на скандал Ипполит, которого старик назвал «графом». — Позвольте, Amelie, я его проветриться отправлю.

— Когда мне понадобится ваше заступничество, Ипполит Александрович, я вас непременно об этом извещу, — не без яда ответила на это Клеопатра, и конфронтация была подавлена в самом зародыше. — А лучше вот что, господа. Коли интересного разговора от вас не дождешься, давайте в фанты играть. В прошлый раз забавно получилось — как Фрол Лукич, проигравшись, цветочек на пяльцах вышивал, да все пальцы себе иголкой истыкал!

Все радостно засмеялись кроме стриженного кружком бородатого господина, на котором фрак сидел довольно косо.

— И то, матушка Амалия Казимировна, потешились над купчиной. Так мне, дураку, и надо, — смиренно проговорил он, напирая на

«о». — Да только при честной торговле долг платежом красен. Намедни мы перед вами рисковали, а нынче неплохо бы и вам рискнуть.

— А ведь прав коммерции советник! — воскликнул адвокат. — Голова! Пускай и Амалия Казимировна смелость явит. Господа, предлагаю! Тот из нас, кто вытащит фант, потребует от нашей лучезарной… ну… чего-нибудь особенного.

— Правильно! Браво! — раздалось со всех сторон.

— Никак бунт? Пугачевщина? — засмеялась ослепительная хозяйка. — Чего ж вы от меня хотите?

— Я знаю! — встрял Ахтырцев. — Откровенного ответа на любой вопрос. Чтоб не вилять, в кошки-мышки не играть. И непременно с глазу на глаз.

— Зачем с глазу на глаз? — запротестовал капитан. — Всем будет любопытно послушать.

— Когда «всем», то откровенно не получится, — сверкнула глазами Бежецкая. — Ладно, поиграем в откровенность, будь по-вашему. Да только не побоится счастливец правду от меня услышать? Невкусной может получиться правда-то.

Граф насмешливо вставил, картавя на истинно парижский манер:

— J'en ai le frisson que d'y penser[7]. Ну ее, правду, господа. Кому она нужна? Может, лучше сыграем в американскую рулетку? Как, не соблазняет?

— Ипполит, я, кажется, предупредила! — метнула в него молнию богиня. — Повторять не буду! Про то ни слова!

Ипполит немедленно умолк и даже руки вскинул — мол, нем как рыба.

А проворный капитан тем временем уж собирал в фуражку фанты. Эраст Петрович положил батистовый отцовский платок с монограммой П.Ф.

Тянуть поручили гладкому Антону Ивановичу.

Первым делом он достал из фуражки сигару, которую сам туда положил, и вкрадчиво спросил:

— Что сему фанту?

— От баранки дыру, — ответила отвернувшаяся к стене Клеопатра, и все кроме гладкого злорадно расхохотались.

— А сему? — безразлично извлек Антон Иванович капитанов серебристый карандаш.

— Прошлогоднего снегу.

Далее последовали часы-медальон («от рыбы

---

[7] Примечания: 1.7
Дрожу при одной мысли (фр.)

уши»), игральная карта («mes condoleances»[8]), фосфорные спички («правый глаз Кутузова»), янтарный мундштук («пустые хлопоты»), сторублевая ассигнация («три раза ничего»), черепаховый гребешок («четыре раза ничего»), виноградина («шевелюру Ореста Кирилловича» — продолжительный смех в адрес абсолютно лысого господина с Владимиром в петлице), гвоздика («этому — никогда и ни за что»). В фуражке остались всего два фанта — платок Эраста Петровича и золотой перстень Ахтырцева. Когда в пальцах объявляющего искристо сверкнул перстень, студент весь подался вперед, и Фандорин увидел, как на прыщавом лбу выступили капельки пота.

— Этому, что ли отдать? — протянула Амелия Казимировна, которой, видно прискучило развлекать публику. Ахтырцев приподнялся и, не веря своему счастью, сдернул с носа пенсне. — Да нет, пожалуй, не ему, а последнему, — закончила мучительница.

Все обернулись к Эрасту Петровичу, впервые приглядываясь к нему всерьез. Он же последние несколько минут, по мере увеличения шансов, все лихорадочнее обдумывал, как быть в случае

---

[8] Примечания: 1.8
мои соболезнования (фр.)

удачи. Что ж, сомнения разрешились. Стало быть, судьба.

Тут, сорвавшись с места, к нему подбежал Ахтырцев, горячо зашептал:

— Уступите, умоляю. Вам что… вы здесь впервые, а у меня судьба… Продайте, в конце концов. Сколько? Хотите пятьсот, тысячу, а? Больше?

С удивительной для самого себя спокойной решительностью Эраст Петрович отстранил шепчущего, поднялся, подошел к хозяйке и с поклоном спросил:

— Куда прикажете?

Она смотрела на Фандорина с веселым любопытством. От этого взгляда в упор закружилась голова.

— Да вот хоть туда, в угол. А то боюсь я с вами, таким храбрым, уединяться-то.

Не обращая внимания на насмешливый хохот остальных, Эраст Петрович последовал за ней в дальний угол залы и опустился на диван с резной спинкой. Амалия Казимировна вложила пахитоску в серебряный мундштучок, прикурила от свечи и сладко затянулась.

— Ну, и сколько вам за меня Николай Степаныч предлагал? Я же знаю, что он вам нашептывал.

— Тысячу рублей, — честно ответил Фандо-

рин. — Предлагал и больше.

Агатовые глаза Клеопатры недобро блеснули:

— Ого, как ему не терпится. Вы что же, миллионщик?

— Нет, я небогат, — скромно произнес Эраст Петрович. — Но торговать удачей почитаю низким.

Гостям надоело прислушиваться к их беседе — все равно ничего не было слышно, — и они, разделившись на группки, завели какие-то свои разговоры, хоть каждый нет-нет да и посматривал в дальний угол.

А Клеопатра с откровенной насмешкой изучала своего временного повелителя.

— О чем желаете спросить?

Эраст Петрович колебался.

— Ответ будет честным?

— Честность — для честных, а в наших играх чести немного, — с едва уловимой горечью усмехнулась Бежецкая. — Но откровенность обещаю. Только не разочаруйте, глупостей не спрашивайте. Я вас за любопытный экземпляр держу.

И Фандорин очертя голову устремился в атаку:

— Что вам известно о смерти Петра Александровича Кокорина?

Хозяйка не испугалась, не вздрогнула, но Эрас-

ту Петровичу показалось, будто глаза ее на миг чуть сузились.

Жан-Леон Жером. «Клеопарта и Цезарь»

— А вам зачем?

— Это я после объясню. Сначала ответьте.

— Что ж, скажу. Кокорина убила одна очень жестокая дама. — Бежецкая на миг опустила густые черные ресницы и обожгла из-под них быстрым, как удар шпаги, взглядом. — А зовут эту даму «любовь».

— Любовь к вам? Ведь он бывал здесь?

— Бывал. А кроме меня тут, по-моему, влюбиться не в кого. Разве в Ореста Кирилловича. — Она засмеялась.

— И вам Кокорина совсем не жаль? — подивился такой черствости Фандорин.

Царица египетская равнодушно пожала плечами:

— Всяк сам хозяин своей судьбы. Но не хватит ли вопросов?

— Нет! — заторопился Эраст Петрович. — А какое касательство имел Ахтырцев? И что означает завещание на леди Эстер?

Гул голосов стал громче, и Фандорин досадливо обернулся.

— Не нравится мой тон? — громогласно вопрошал Ипполит, напирая на нетрезвого Ахтырцева. — А вот это тебе, стручок, понравится? — И он толкнул студента ладонью в лоб, вроде бы

несильно, но плюгавый Ахтырцев отлетел к креслу, плюхнулся в него и остался сидеть, растерянно хлопая глазами.

— Позвольте, граф, так нельзя! — ринулся вперед Эраст Петрович. — Если вы сильнее, это еще не дает вам права…

Однако его сбивчивые речи, на которые граф едва оглянулся, были заглушены звенящим голосом хозяйки:

— Ипполит, поди вон! И чтоб ноги твоей здесь не было, пока не протрезвишься!

Граф, чертыхнувшись, загрохотал к выходу. Прочие гости с любопытством разглядывали обмякшего Ахтырцева, который был совсем жалок и не делал ни малейших попыток подняться.

— Вы здесь один на человека похожи, — шепнула Амалия Казимировна Фандорину, направляясь в коридор. — Уведите его. Да не бросайте.

Почти сразу же появился верзила Джон, сменивший ливрею на черный сюртук и накрахмаленную манишку, помог довести студента до дверей и нахлобучил ему на голову цилиндр. Бежецкая попрощаться не вышла, и, посмотрев в угрюмую физиономию дворецкого, Эраст Петрович понял, что надо уходить.

Глава пятая, в которой героя подстерегают серьезные неприятности

На улице, вдохнув свежего воздуха, Ахтырцев несколько ожил — на ногах стоял крепко, не качался, и Эраст Петрович счел возможным более его под локоть не поддерживать.

— Пройдемся до Сретенки, — сказал он. — Там я посажу вас на извозчика. Далеко ли вам до дому?

— До дому? — В неровном свете керосинового фонаря бледное лицо студента казалось маской. — Нет, домой ни за что! Поедемте куда-нибудь, а? Поговорить хочется. Вы же видели… что они со мной делают. Как вас зовут? Помню, Фандорин, смешная фамилия. А я Ахтырцев. Николай Ахтырцев.

Эраст Петрович слегка поклонился, решая сложную моральную проблему: порядочно ли будет воспользоваться ослабленным состоянием Ахтырцева, чтобы выведать у него необходимые сведения, благо «зутулый», кажется, и сам не прочь пооткровенничать.

Решил, что ничего, можно. Уж очень сыскной

азарт разбирал.

— Тут «Крым» близко, — сообразил Ахтырцев. — И ехать не надо, пешком дойдем. Вертеп, конечно, но вина приличные. Пойдемте, а? Я вас приглашаю.

Фандорин ломаться не стал, и они медленно (все-таки студента слегка покачивало) побрели по темному переулку туда, где вдали светились огни Сретенки.

— Вы, Фандорин, меня, верно, трусом считаете? — чуть заплетаясь языком проговорил Ахтырцев. — Что я графа-то не вызвал, оскорбление снес да пьяным притворился? Я не трус, я вам, может, такое расскажу, что вы убедитесь… Ведь он нарочно провоцировал. Это, поди, она его подговорила, чтобы от меня избавиться и долг не отдавать… О, это такая женщина, вы ее не знаете!… А Зурову человека убить, что муху раздавить. Он каждое утро по часу из пистолета упражняется. Говорят, с двадцати шагов пулю в пятак кладет. Разве это дуэль? Ему и риска никакого. Это убийство, только называется красиво. И, главное, не будет ему ничего, выкрутится. Он уж не раз выкручивался. Ну, за границу покататься поедет. А я теперь жить хочу, я заслужил.

Они свернули со Сретенки в другой переулок,

невидный собой, но все-таки уже не с керосиновыми, а с газовыми фонарями, и впереди показался трехэтажный дом с ярко освещенными окнами. Должно быть, это и есть «Крым», с замиранием сердца подумал Эраст Петрович, много слышавший про это известное на Москве злачное заведение.

У широкого, с яркими лампами крыльца их никто не встретил. Ахтырцев привычным жестом толкнул высокую узорчатую дверь, она легко подалась, и навстречу дохнуло теплом, кухней и спиртным, накатило гулом голосов и визгом скрипок.

Оставив в гардеробе цилиндры, молодые люди попали в лапы бойкого малого в алой рубахе, который именовал Ахтырцева «сиятельством» и обещал самый лучший, специально сбереженный столик.

Столик оказался у стены и, слава богу, далеко от сцены, где голосил и звенел бубнами цыганский хор.

Крамской. «В ресторане»

Эраст Петрович, впервые попавший в настоящий вертеп разврата, крутил головой во все стороны. Публика тут была самая пестрая, но трезвых, кажется, не наблюдалось совсем. Тон задавали купчики и биржевики с напомаженными проборами — известно, у кого нынче деньги-то, но попадались и господа несомненно барского вида, где-то даже блеснул золотом флигель-адъютантский вензель на погоне. Но главный интерес у коллежского регистратора вызвали девицы, подсаживавшиеся к столам по первому же жесту. Декольте у них были такие, что Эраст Петрович

покраснел, а юбки — с разрезами, сквозь которые бесстыдно высовывались круглые коленки в ажурных чулках.

— Что, на девок загляделись? — ухмыльнулся Ахтырцев, заказав официанту вина и горячего. — А я после Амалии их и за особ женского пола не держу. Вам сколько лет, Фандорин?

— Двадцать один, — ответил Эраст Петрович, набавив годик.

— А мне двадцать три, я уже много чего повидал. Не пяльтесь вы на продажных, не стоят они ни денег, ни времени. Да и противно потом. Уж если любить, так царицу! Хотя что я вам толкую… Вы ведь неспроста к Амалии заявились? Приворожила? Это она любит, коллекцию собирать, и чтоб

непременно экспонаты обновлялись. Как поется в оперетке, elle ne pense qu'a exciter les hommes[9]... Но всему есть цена, и я свою цену заплатил. Хотите расскажу одну историю? Что-то нравитесь вы мне, больно хорошо молчите. И вам полезно узнать, что это за женщина. Может, опомнитесь, пока не засосало, как меня. Или уж засосало, а, Фандорин? Что вы ей там нашептывали?

Эраст Петрович потупил взор.

— Так слушайте, — приступил к рассказу Ахтырцев. — Вы вот давеча меня в трусости подозревали, что я Ипполиту спустил, на поединок не вызвал. А у меня такая дуэль была, что Ипполиту вашему и не снилось. Слыхали, как она про Кокорина говорить не велела? Еще бы! На ее совести кровь, на ее. Ну, и на моей, разумеется. Только я свой грех смертным страхом искупил. Кокорин — это однокурсник мой, тоже к Амалии ходил. Дружили мы с ним когда-то, а из-за нее врагами стали. Кокорин поразвязней меня, да и на лицо смазлив, но, entre nous[10], купчина всегда купчина, плебей, хоть бы и в университете учился. Довольно Амалия с нами натешилась — то одного

---

[9] Примечания: 1.9
Она лишь кружит головы мужские (фр.)

[10] Примечания: 1.10
Между нами (фр.)

приблизит, то другого. Зовет Nicolas да на «ты», вроде как в фавориты к ней попадаешь, а потом за какую-нибудь ерунду в опалу отправит: запретит неделю на глаза казаться, и снова на «вы», снова «Николай Степаныч». Политика у нее такая, кто на удочку попал, не сорвется.

— А этот Ипполит ей что? — осторожно спросил Фандорин.

— Граф Зуров? Точно не знаю, но есть меж ними что-то особенное… То ли он над ней власть имеет, то ли она над ним… Да он не ревнив, не в нем дело. Такая никому не позволит себя ревновать. Одно слово — царица!

Он замолчал, потому что за соседним столиком шумно загалдела компания подвыпивших коммерсантов — собирались уходить и заспорили, кто будет платить. Официанты в два счета унесли грязную скатерть, застелили новую, и через минуту за освободившимся столом уже сидел сильно подгулявший чиновник с белесыми, почти прозрачными (должно быть, от пьянства) глазами. К гуляке подпорхнула сдобная шатенка, обхватила за плечо и картинно закинула ногу на ногу — Эраст Петрович так и загляделся на туго обтянутую красным фильдеперсом коленку.

А студент, осушив полный бокал рейнского и

потыкав вилкой в кровавый бифстек, продолжил:

— Вы думаете, Пьер Кокорин от несчастной любви руки на себя наложил? Как бы не так! Это я его убил.

Л. Соломаткин «Пирушка »

— Что?! — не поверил своим ушам Фандорин.

— Что слышали, — с гордым видом кивнул Ахтырцев. — Я вам все расскажу, только сидите тихо и с вопросами не встревайте.

Да, я убил его, и ничуть об этом не жалею. По-честному убил, на дуэли. Да, по-честному! Потому что дуэли честнее нашей испокон веку не бывало. Когда двое стоят у барьера, тут почти всегда обман — один стреляет лучше, другой хуже, или один толстый и в него попасть легче, или ночь провел бессонную и руки трясутся. А у нас с Пьером все было без обману. Она говорит — в Сокольниках это было, на кругу, катались мы втроем в экипаже — говорит: «Надоели вы мне оба, богатые, испорченные мальчишки. Хоть бы поубивали друг друга, что ли». А Кокорин, скотина, ей: «И убью, если мне за это награда от вас будет». Я говорю: «За награду и я убью. Награда такая, говорю, что на двоих не поделишь. Стало быть, одному прямая дорожка в сырую землю, если сам не отступится». Вот до чего у нас с Кокориным уже доходило-то. «Что, будто так уж любите меня?» — спрашивает. Он: «Больше жизни». И я тоже подтвердил. «Ладно, — говорит она, — я в людях одну только смелость ценю, прочее все подделать можно. Слушайте мою волю. Если один из вас и вправду убьет другого, будет ему за смелость награда, сами знаете, какая». И смеется. «Только болтуны, говорит, вы оба. Никого вы не убьете. Нет в вас ничего интересного

кроме родительских капиталов». Я вспылил. «За Кокорина, сказал, не поручусь, а только я ради такой награды ни своей, ни чужой жизни не пожалею». А она, сердито так: «Ну вот что, надоели вы мне своим кукареканьем. Решено, будете стреляться, да не на дуэли, а то потом скандала не оберешься. И неверная она, дуэль. Продырявит один другому руку, да и заявится ко мне победителем. Нет, пусть будет одному смерть, а другому любовь. Как судьба рассудит. Жребий бросьте. Кому выпадет — пусть застрелится. И записку пусть напишет такую, чтобы не подумали, будто из-за меня. Что, струсили? Если струсили, так хоть бывать у меня от стыда перестанете — все польза». Пьер посмотрел на меня и говорит: «Не знаю, как Ахтырцев, а я не струшу»… Так и порешили…

Студент замолчал, повесив голову. Потом, встряхнувшись, налил бокал до краев и залпом выпил. За соседним столиком заливисто расхохоталась девица в красных чулках — белоглазый что-то нашептывал ей на ухо.

— Но как же завещание? — спросил Эраст Петрович и прикусил язык, ибо про это знать ему вроде бы не полагалось. Но поглощенный воспоминаниями Ахтырцев лишь вяло кивнул:

— А, завещание… Это она придумала. «Вы меня

деньгами купить хотели? — говорит. — Хорошо же, пусть будут деньги, только не сто тысяч, как Николай Степаныч сулил (было, сунулся я к ней раз — чуть не выгнала). И не двести. А все, что у вас есть. Кому смерть выпадет, пускай на тот свет голым идет. Только мне, говорит, ваши деньги не нужны, я сама кого хочешь одарю. Пусть деньги на какое-нибудь хорошее дело пойдут — святой обители или еще куда. На отмоление смертного греха. Как, говорит, Петруша, верно, толстая свечка из твоего миллиона-то выйдет?» А Кокорин атеист был, из воинствующих. Так и вскинулся. «Только не попам, говорит. Лучше завещаю падшим девкам, пусть каждая по швейной машинке купит и ремесло поменяет. Не останется на Москве ни одной уличной, вот и будет по Петру Кокорину память». Ну, Амалия и скажи: «Кто беспутной стала, уж не переделаешь. Раньше надо было, в невинном возрасте». Кокорин рукой махнул: «Ну, на детей, сирот каких-нибудь, Воспитательному дому». Она вся прямо засветилась: «А вот за это, Петруша, тебе многое простилось бы. Иди, поцелую тебя». Меня злость взяла. «Разворуют твой миллион в Воспитательном, говорю. Читал, что про казенные приюты в газетах пишут? Да и много им больно.

Лучше англичанке отдать, баронессе Эстер, она не уворует». Амалия и меня поцеловала — давайте, мол, утрите нос нашим патриотам. Это одиннадцатого было, в субботу. В воскресенье мы с Кокориным встретились и все обговорили. Чудной разговор получился. Он все хорохорился, ерничал, я больше отмалчивался, а в глаза друг другу не смотрели. Я словно в отупении был… Вызвали стряпчего, составили завещания по всей форме. Пьер у меня свидетель и душеприказчик, я у него. Стряпчему дали по пять тысяч каждый, чтоб держал язык за зубами. Да ему и невыгодно болтать-то. А с Пьером договорились так — он сам предложил. Встречаемся в десять утра у меня на Таганке (я на Гончарной живу). У каждого в кармане шестизарядный револьвер с одним патроном в барабане. Идем порознь, но чтобы видеть друг друга. Кому жребий выпадет — пробует первый. Кокорин где-то про американскую рулетку прочитал, понравилось ему. Сказал, из-за нас с тобой, Коля, ее в русскую переименуют, вот увидишь. И еще говорит, скучно дома стреляться, устроим себе напоследок моцион с аттракционом. Я согласился, мне все равно было. Признаться, скис я, думал, что проиграю. И в мозгу стучит: понедельник, тринадцатое,

понедельник, тринадцатое. Ночь не спал совсем, хотел было за границу уехать, но как подумаю, что он с ней останется и смеяться надо мной будут… В общем, остался.

А утром было так. Пришел Пьер — франтом, в белом жилете, сильно веселый. Он везучий был, видно, надеялся, что и тут повезет. Метнули кости у меня в кабинете. У него девять, у меня три. Я уж к этому готов был. «Не пойду никуда, — говорю. — Лучше тут умру». Вертанул барабан, дуло к сердцу приставил. «Стой! — Это он мне. — В сердце не стреляй. Если пуля криво пройдет, долго мучиться будешь. Лучше в висок или в рот». «Спасибо за заботу», — говорю и ненавидел его в эту минуту так, что, кажется, застрелил бы безо всякой дуэли. Но совета послушал. Никогда не забуду тот щелчок, самый первый. Так возле уха брякнуло, что…

Ахтырцев передернулся и налил себе еще. Певица, толстая цыганка в золотистой шали, завела низким голосом что-то протяжное, переворачивающее душу.

— …Слышу голос Пьера: «Ну, теперь мой черед. Пойдем на воздух». Только тогда и понял, что живой. Пошли мы на Швивую горку, откуда вид на город.

Кокорин впереди, я шагов на двадцать сзади. Он постоял немного над обрывом, лица его я не видел. Потом поднял руку с пистолетом, чтоб мне видно было, покрутил барабан и быстро так к виску — щелк. А я знал, что ему ничего не будет, и не надеялся даже. Снова кинули кости — снова мне выпало. Спустился к Яузе, народу ни души. Залез у моста на тумбу, чтоб после сразу в воду упасть… Опять пронесло. Отошли в сторонку, Пьер и говорит: «Что-то скучно становится. Попугаем обывателей?» Держался он молодцом, отдаю должное. Вышли в переулок, а там уже люди, экипажи ездят. Я встал на другой стороне. Кокорин снял шляпу, направо-налево поклонился, руку

вверх, крутанул барабан — ничего. Ну, оттуда пришлось быстро ноги уносить. Крик, шум, дамы визжат. Завернули в подворотню, это уж на Маросейке. Метнули кости, и что вы думаете? Опять мне! У него две шестерки, у меня двойка, честное слово! Все, думаю, finito[11], уж символичней не бывает. Одному все, другому ничего. В третий раз стрелялся я подле Косьмы и Дамиана, меня там крестили. Встал на паперти, где нищие, дал каждому по рублю, снял фуражку… Открываю глаза — живой. А один юродивый мне говорит: «В душе свербит — Господь простит». В душе свербит — Господь простит, я запомнил. Ладно, убежали мы оттуда. Кокорин выбрал место пошикарней, прямо возле Галофтеевского Пассажа. В Неглинном зашел в кондитерскую, сел, я снаружи за стеклом стою. Сказал он что-то даме за соседним столиком, она улыбнулась. Он револьвер достает, нажимает на спуск — я вижу. Дама пуще смеется. Он пистолет убрал, с ней еще о чем-то поболтал, выпил кофею. Я уже в оцепенении, ничего не чувствую. В голове только одно: сейчас снова жребий кидать.

Метнули в Охотном, возле гостиницы «Лоскут-

---

[11] Примечания: 1.11
Кончено (ит.)

ная», и тут уж выпало первому ему. Мне семерка, ему шестерка. Семерка и шестерка — всего очко разницы. Дошли до Гуровского трактира вместе, а там, где Исторический музей строят, разошлись — он в Александровский сад, по аллее двинул, а я по тротуару, за оградой. Последнее, что он мне сказал: «Дураки мы с тобой, Коля. Если сейчас пронесет — пошлю все к черту». Я хотел остановить его, ей-богу хотел, но не остановил. Почему — сам не знаю. Вру, знаю… Мыслишка возникла подлая. Пусть еще разок барабан повертит, а там видно будет. Может, и пошабашим… Только вам, Фандорин, признаюсь. Я сейчас как на духу…

Ахтырцев выпил еще, глаза под пенсне у него были красные и мутные. Фандорин ждал, затаив дыхание, хотя дальнейшие события ему, в общем, были известны. Николай Степанович вынул из кармана сигару и, подрагивая рукой, зажег спичку. Длинная, толстая сигара удивительно не шла к его некрасивому мальчишескому лицу. Отмахнув от глаз облако дыма, Ахтырцев резко поднялся.

— Официант, счет! Не могу здесь больше. Шумно, душно. — Он рванул на горле шелковый галстук. — Поедем еще куда-нибудь. Или так пройдемся.

На крыльце они остановились. Переулок был мрачен и пустынен, во всех домах кроме «Крыма» окна погасли. В ближнем фонаре трепетал и мигал газ.

— Или вшо-таки домой? — прокартавил Ахтырцев с зажатой в зубах сигарой. — Тут жа углом лихачи должны быч.

Раскрылась дверь, на крыльцо вышел недавний сосед, белоглазый чиновник в сдвинутой набекрень фуражке. Громко икнув, полез в карман вицмундира, достал сигару.

— Па-азвольте огоньком одолжиться? — спросил он, приблизившись к молодым людям. Фандорину послышался легкий акцент, не то остзейский, не то чухонский.

Ахтырцев похлопал по карману, потом по другому — брякнули спички. Эраст Петрович терпеливо ждал. Неожиданно во внешности белоглазого произошло какое-то непонятное изменение. Он вроде бы стал чуть ниже ростом и слегка завалился набок. В следующий миг в его левой руке как бы само собой выросло широкое короткое лезвие, и чиновник экономным, гуттаперчевым движением ткнул клинок в правый бок Ахтырцеву.

Последующие события произошли очень быст-

ро, в две-три секунды, но Эрасту Петровичу померещилось, что время застыло. Он многое успевал заметить, о многом успевал подумать, только вот двинуться никак не было возможности, будто загипнотизировал его отблеск света на полоске стали.

Сначала Эраст Петрович подумал: это он его в печень, и в памяти откуда ни возьмись выпрыгнуло предложение из гимназического учебника биологии — «Печень — черево в животном теле, отделяющее кровь от желчи». Потом он увидел, как умирает Ахтырцев. Эраст Петрович никогда раньше не видел, как умирают, но почему-то сразу понял, что Ахтырцев именно умер. Глаза у него будто остекленели, губы судорожно вспучились, и из них прорвалась наружу струйка темно-вишневой крови. Очень медленно и даже, как показалось Фандорину, изящно чиновник выдернул лезвие, которое уже не блестело, тихо-тихо обернулся к Эрасту Петровичу, и его лицо оказалось совсем близко: светлые глаза с черными точками зрачков, тонкие бескровные губы. Губы шевельнулись и отчетливо произнесли: «Азазель». И тут растяжение времени закончилось, время сжалось пружиной и, распрямившись, обжигающе ударило Эраста Петровича в правый

бок, да так сильно, что он упал навзничь и больно ударился затылком о край крылечного парапета. Что это? Какой еще «азазель»? — подумал Фандорин. Сплю я, что ли? И еще подумал: Это он ножом в «Лорда Байрона» угодил. Китовый ус. Талия в дюйм.

Двери рывком распахнулись, и на крыльцо с хохотом вывалилась шумная компания.

— Ого, господа, да тут цельное Бородино! — весело крикнул нетрезвый купеческий голос. — Ослабели, сердешные! Пить не умеют!

Эраст Петрович приподнялся, держась рукой за горячий и мокрый бок, чтобы посмотреть на белоглазого.

Но, странное дело, никакого белоглазого не было. Ахтырцев лежал, где упал — лицом вниз поперек ступенек; поодаль валялся откатившийся цилиндр, а вот чиновник исчез бесследно, растворился в воздухе. И на всей улице не было видно ни души, только тускло светили фонари.

Вдруг фонари повели себя чудно — завертелись, закружились, и стало сначала очень ярко, а потом совсем темно.

Глава шестая, в которой появляется человек будущего

— Да лежите, голубчик, лежите, — сказал с порога Ксаверий Феофилактович, когда Фандорин сконфуженно спустил ноги с жесткого дивана. — Вам что доктор велел? Все знаю, справлялся. Две недели после выписки постельный режим, чтоб порез как следует зарос и сотрясенные мозги на место встали, а вы и десяти дней еще не отлежали.

Он сел и вытер клетчатым платком багровую лысину.

— Уф, пригревает солнышко, пригревает. Вот я вам марципан принес и черешни свежей, угощайтесь. Куда положить-то?

Пристав оглядел щелеобразную каморку, где квартировал коллежский регистратор. Узелок с гостинцами положить было некуда: на диване лежал хозяин, на стуле сидел сам Ксаверий Феофилактович, на столе громоздились книжки. Другой мебели в комнатке не имелось, даже шкафа — многочисленные предметы гардероба

висели на вбитых в стены гвоздях.

— Что, побаливает?

— Совсем нет, — немножко соврал Эраст Петрович. — Хоть завтра швы снимай. Только по ребрам слегка проехало, а так ничего. И голова в полном порядке.

— Да чего там, хворали бы себе, жалованье-то идет. — Ксаверий Феофилактович виновато нахмурился. — Вы уж не сердитесь, душа моя, что я к вам долго не заглядывал. Поди, плохо про старика думали — мол, как рапорт записывать, так сразу в больницу прискакал, а потом, как не нужен стал, так и носу не кажет. Я к врачу посы-

лал справляться, а к вам никак не мог выбраться. У нас в управлении такое творится, днюем и ночуем, право слово. — Пристав покачал головой и доверительно понизил голос. — Ахтырцев-то ваш не просто так оказался, а родной внук его светлости канцлера Горчакова, не более и не менее.

— Да что вы! — ахнул Фандорин.

— Отец у него посланником в Голландии, женат вторым браком, а ваш знакомец в Москве у тетки проживал, княжны Горчаковой, собственный палаццо на Гончарной улице. Княжна в прошлый год преставилась, все состояние ему отписала, а у него и от матери-покойницы много чего было. Ох, и началась у нас свистопляска, доложу я вам. Перво-наперво дело на личный контроль к генерал-губернатору, самому князю Долгорукому затребовали. А дела-то никакого и нет, и подступиться неоткуда. Убийцу никто кроме вас не видел. Бежецкой, как я вам в прошлый раз уже говорил, след простыл. Дом пустой. Ни слуг, ни бумаг. Ищи ветра в поле. Кто такая — непонятно, откуда взялась — неизвестно. По пашпорту виленская дворянка. Послали запрос в Вильно — там таких не значится. Ладно. Вызывает меня неделю назад его превосходительство. «Не обессудь, говорит, Ксаверий, я тебя давно

знаю и добросовестность твою уважаю, но тут дело не твоего масштаба. Приедет из Петербурга специальный следователь, чиновник особых поручений при шефе жандармов и начальнике Третьего отделения его высокопревосходительстве генерал-адъютанте Мизинове Лаврентии Аркадьевиче. Чуешь, какая птица? Из новых, из разночинцев, человек будущего. Все по науке делает. Мастер по хитрым делам, не нам с тобой чета». — Ксаверий Феофилактович сердито хмыкнул. — Он, значит, человек будущего, а Грушин — человек прошлого. Ладно. Третьего дня утром прибывает. Это, стало быть, в среду, двадцать второго. Звать — Иван Францевич Бриллинг, статский советник. В тридцать-то лет! Ну и началось у нас. Вот сегодня суббота, а с девяти утра на службе. И вчера до одиннадцати вечера все совещались, схемы чертили. Помните буфетную, где чай пили? Там теперь заместо самовара телеграфный аппарат и круглосуточно телеграфист дежурит. Можно депешу хоть во Владивосток, хоть в Берлин послать, и тут же ответ придет. Агентов половину выгнал, половину своих из Питера привез, слушаются только его. Меня обо всем дотошно расспросил и выслушал внимательно. Думал, в отставку отправит, ан нет,

сгодился пока пристав Грушин. Я, собственно, что к вам, голубчик, приехал-то, — спохватился Ксаверий Феофилактович. — Предупредить хочу. Он к вам нынче сам собирался быть, хочет лично допросить. Вы не тушуйтесь, вины на вас нет. Даже рану получили при исполнении. И уж того, не подведите старика. Кто же знал, что так дело повернется?

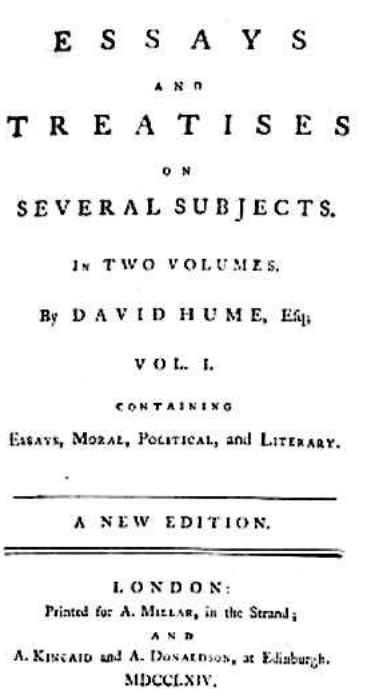
Эраст Петрович тоскливо оглядел свое убогое жилище. Хорошее же представление составит о нем большой человек из Петербурга.

— А может, я лучше сам в управление приеду? Мне, честное слово, уже совсем хорошо.

— И не думайте! — замахал руками пристав. — Выдать хотите, что я к вам предварить заезжал? Лежите уж. Он ваш адрес записал, сегодня беспременно будет.

«Человек будущего» прибыл вечером, в седьмом часу, и Эраст Петрович успел основательно подготовиться. Сказал Аграфене Кондратьевне, что приедет генерал, так пусть Малашка в прихожей пол помоет, сундук трухлявый уберет и главное чтоб не вздумала щи варить. У себя в комнате раненый произвел капитальную уборку: одежду на гвоздях перевесил поавантажней, книги убрал под кровать, оставил на столе только

французский роман, «Философические эссе» Давида Юма на английском и «Записки парижского сыщика» Жана Дебрэ.



ESSAYS

AND

TREATISES

ON

SEVERAL SUBJECTS.

IN TWO VOLUMES.

By DAVID HUME, Esq;

VOL. I.

CONTAINING

Essays, Moral, Political, and Literary.

A NEW EDITION.

LONDON:

Printed for A. Millar, in the Strand;

AND

A. Kincaid and A. Donaldson, at Edinburgh.

MDCCLXIV.

Потом Дебрэ убрал и положил вместо него «Наставление по правильному дыханию на-

стоящего индийского брамина г-на Чандры Джонсона», по которому каждое утро делал укрепляющую дух гимнастику. Пусть видит мастер хитрых дел, что здесь живет человек бедный, но не опустившийся. Чтобы подчеркнуть тяжесть своего ранения, Эраст Петрович поставил на стул подле дивана пузырек с какой-то микстурой (одолжил у Аграфены Кондратьевны), а сам лег и обвязал голову белым кашне. Кажется, получилось то, что надо — скорбно и мужественно.

Наконец, когда лежать уже сильно надоело, в дверь коротко постучали, и тут же, не дожидаясь отклика, вошел энергичный господин, одетый в легкий, удобный пиджак, светлые панталоны и вовсе без головного убора. Аккуратно расчесанные русые волосы открывали высокий лоб, в уголках волевого рта пролегли две насмешливые складочки, от бритого, с ямочкой подбородка так и веяло самоуверенностью. Проницательные серые глаза в миг обозрели комнату и остановились на Фандорине.

— Я вижу, мне представляться не надо, — весело сказал гость. — Основное про меня вы уже знаете, хоть и в невыгодном свете. На телеграф-то Грушин нажаловался?

Эраст Петрович захлопал глазами и ничего на это не сказал.

— Это дедуктивный метод, милейший Фандорин. Восстановление общей картины по некоторым мелким деталям. Тут главное — не зарваться, не прийти к некорректному выводу, если имеющаяся информация допускает различные толкования. Но об этом мы еще поговорим, время будет. А насчет Грушина, это совсем просто. Ваша хозяйка поклонилась мне чуть не до пола и назвала «превосходительством» — это раз. Я, как видите, на «превосходительство» никак не похож, да оным пока и не являюсь, ибо мой чин относится всего лишь к разряду «высокоблагородий» — это два. Никому кроме Грушина о своем намерении навестить вас я не говорил — это три. Ясно, что о моей деятельности господин следственный пристав может отзываться только нелестно — это четыре. Ну, а телеграф, без которого в современном сыске, согласитесь, совершенно невозможно, произвел на все ваше управление поистине неизгладимое впечатление, и умолчать о нем наш сонный Ксаверий Феофилактович никак не мог — это пять. Так?

— Так, — постыдно предал добрейшего Ксаверия Феофилактовича потрясенный Фандорин.

— У вас что, в таком юном возрасте уже геморрой? — спросил бойкий гость, переставляя

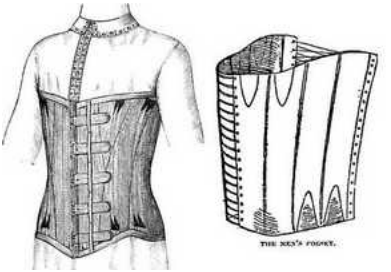
микстуру на стол и усаживаясь.

— Нет! — бурно покраснел Эраст Петрович и заодно отрекся уж и от Аграфены Кондратьевны. — Это… Это хозяйка перепутала. Она, ваше высокоблагородие, вечно все путает. Такая баба бестолковая…

— Понятно. Зовите меня Иваном Францевичем, а еще лучше просто «шеф», ибо работать будем вместе. Читал ваше донесение, — без малейшего перехода продолжил Бриллинг. — Толково. Наблюдательно. Результативно. Приятно удивлен вашей интуицией — это в нашем деле драгоценнее всего. Еще не знаешь, как разовьется ситуация, а чутье подсказывает принять меры. Как вы догадались, что визит к Бежецкой может быть опасен? Почему сочли необходимым надеть защитный корсет? Браво!

Эраст Петрович запунцовел еще пуще прежнего.

— Да, придумано славно. От пули, конечно, не убережет, но от холодного оружия очень даже неплохо. Я распоряжусь, чтобы закупили партию таких корсетов для агентов, отправляющихся на опасные задания. Какая марка?



Фандорин застенчиво ответил:

— «Лорд Байрон».

— «Лорд Байрон», — повторил Бриллинг, делая запись в маленькой кожаной книжечке. — А теперь скажите мне, когда вы могли бы приступить к работе? У меня на вас особые виды.

— Господи, да хоть завтра! — пылко воскликнул Фандорин, влюбленно глядя на нового начальника, то есть шефа. — Сбегаю утром к доктору, сниму швы, и можете мной располагать.

— Вот и славно. Ваша характеристика Бежецкой?

Эраст Петрович законфузился и, помогая себе обильной жестикуляцией, начал довольно нескладно:

— Это… Это редкостная женщина. Клеопатра. Кармен… Красоты неописуемой, но дело даже не в красоте… Магнетический взгляд. Нет, и взгляд

не то… Вот главное: в ней ощущается огромная сила. Такая сила, что она со всеми будто играет. И игра с какими-то непонятными правилами, но жестокая игра. Эта женщина, по-моему, очень порочна и в то же время… абсолютно невинна. Ее будто не так научили в детстве. Я не знаю, как объяснить… — Фандорин порозовел, понимая, что несет вздор, но все же договорил. — Мне кажется, она не такая плохая, как хочет казаться.

Статский советник испытующе взглянул на молодого человека и озорно присвистнул:

— Вон оно что… Так я и подумал. Теперь я вижу, что Амалия Бежецкая — особа и впрямь опасная… Особенно для юных романтиков в период полового созревания.

Довольный эффектом, который эта шутка произвела на собеседника, Иван Францевич поднялся и еще раз посмотрел вокруг.

— За конурку рублей десять платите?

— Двенадцать, — с достоинством ответил Эраст Петрович.

— Знакомая декорация. Сам так жил во время оно. Гимназистом в славном городе Харькове. Я, видите ли, вроде вас — в раннем возрасте остался без родителей. Ну, да это для оформления личности даже полезно. Жалованье-то тридцать

пять целковых, согласно табели? — опять без малейшего перехода поинтересовался статский советник.

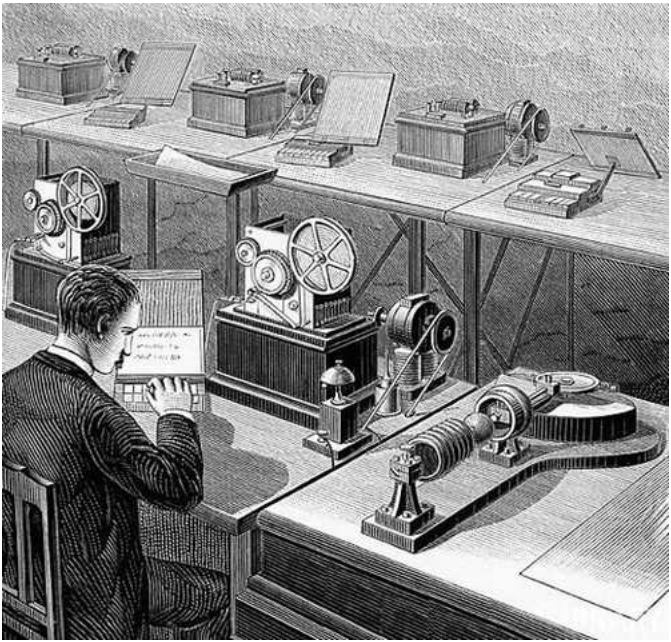
— И квартальная надбавка за сверхурочные.

— Я распоряжусь, чтобы вам из особого фонда выдали пятьсот рублей премиальных. За усердие и перенесенную опасность. Итак, до завтра. Приходите, будем работать с версиями.

И дверь за удивительным посетителем закрылась.

* * *

Управление сыскной полиции и в самом деле было не узнать. По коридорам деловито рысили какие-то незнакомые господа с папками подмышкой, и даже прежние сослуживцы ходили уже не вперевалочку, а резво, подтянуто. В курительной — о чудо — не было ни души. Эраст Петрович из любопытства заглянул в бывшую буфетную, и точно — вместо самовара и чашек на столе стоял аппарат Бодо, а телеграфист в форменной тужурке посмотрел на вошедшего строго и вопросительно.



Следственный штаб расположился в кабинете начальника управления, ибо господин полковник со вчерашнего дня был от дел отставлен. Эраст Петрович, еще немного бледный после болезненной процедуры снятия швов, постучался и заглянул внутрь. Кабинет тоже изменился: покойные кожаные кресла исчезли, вместо них появилось три ряда простых стульев, а у стены

стояли две школьных доски, сплошь исчерченные какими-то схемами. Похоже, только что закончилось совещание — Бриллинг вытирал тряпкой испачканные мелом руки, а чиновники и агенты, озабоченно переговариваясь, тянулись к выходу.

— Входите, Фандорин, входите, не топчитесь на пороге, — поторопил заробевшего Эраста Петровича новый хозяин кабинета. — Залатались? Вот и отлично. Вы будете работать непосредственно со мной. Стола не выделяю — сидеть все равно не придется. Жалко, поздно пришли, у нас тут была интереснейшая дискуссия по поводу «Азазеля» из вашего рапорта.

— Так есть такой? Я не ослышался? — навострил уши Эраст Петрович. — А то уж боялся, что примерещилось.

— Не примерещилось. Азазель — это падший ангел. У вас по Закону Божию какая отметка? Про козлов отпущения помните? Так вот, их, если вы запамятовали, было два. Один во искупление грехов предназначался Богу, а второй — Азазелю, чтоб не прогневался. У евреев в «Книге Еноха» Азазель учит людей всякой дряни: мужчин воевать и делать оружие, женщин — красить лицо и вытравливать плод. Одним словом, мятежный

демон, дух изгнанья.

— Но что это может значить?

— Один коллежский асессор из ваших московских тут целую гипотезу развернул.

Про тайную иудейскую организацию. И про

жидовский Синедрион[12] рассказал, и про кровь христианских младенцев.

[12] Примечания: 1.12

Синедрион — Верховный орган политической, религиозной и юридической власти у евреев. Согласно Новому Завету, Синедрион во главе с первосвященниками Анной и Каиафой осудил на смерть Иисуса Христа; этот приговор, после первоначальных колебаний, был утверждён римским префектом Понтием Пилатом.

Синедрион

У него Бежецкая получилась дщерью Израилевой, а Ахтырцев — агнцем, принесенным на жертвенный алтарь еврейского бога. В общем, чушь. Мне эти юдофобские бредни по Петербургу слишком хорошо знакомы. Если приключилась

беда, а причины неясны — сразу Синедрион поминают.

— А что предполагаете вы, … шеф? — не без внутреннего трепета произнес Фандорин непривычное обращение.

— Извольте взглянуть сюда. — Бриллинг подошел к одной из досок. — Вот эти четыре кружка наверху — четыре версии. Первый кружок, как видите, с вопросом. Это самая безнадежная версия: убийца действовал в одиночку, и вы с Ахтырцевым были его случайными жертвами. Возможно, маньяк, помешанный на демонизме. Тут мы в тупике, пока не произойдет новых сходных преступлений. Я отправил запросы по телеграфу во все губернии, не было ли похожих убийств. В успехе сомневаюсь — если б такой маньяк проявил себя раньше, я бы об этом знал. Второй кружок с буквами АБ — это Амалия Бежецкая. Она безусловно подозрительна. От ее дома вас с Ахтырцевым легко могли проследить до «Крыма». Опять же бегство. Однако непонятен мотив убийства.

— Сбежала, значит, замешана, — горячо сказал Фандорин. — И получается, что белоглазый никакой не одиночка.

— Не факт, отнюдь не факт. Мы знаем, что

Бежецкая самозванка и жила по подложному паспорту. Вероятно, авантюристка. Вероятно, жила за счет богатых покровителей. Но убивать, да еще руками такого ловкого господина? Судя по вашему донесению, это был не какой-нибудь дилетант, а вполне профессиональный убийца. Каков удар в печень — ювелирная работа. Я ведь был в морге, Ахтырцева осматривал. Если б не корсет, лежали б там сейчас и вы, а полиция считала бы, что ограбление или пьяная драка. Но вернемся к Бежецкой. Она могла узнать о происшествии от кого-то из челяди — «Крым» в нескольких минутах ходьбы от ее дома. Шуму было много — полиция, разбуженные зеваки. Кто-то из прислуги или, скажем, дворник опознал в убитом гостя Бежецкой и сообщил ей. Она, резонно опасаясь полицейского дознания и неминуемого разоблачения, немедленно скрывается. Времени у нее для этого предостаточно — ваш Ксаверий Феофилактович нагрянул с ордером лишь на следующий день после полудня. Знаю-знаю, вы были с сотрясением, не сразу пришли в сознание. Пока диктовали донесение, пока начальство в затылке чесало… В общем, Бежецкую я объявил в розыск. В Москве ее, скорее всего, уже нет. Думаю, что и в России нет — шутка ли, десять дней

прошло. Составляем список бывавших у нее, но это по большей части весьма солидные люди, тут деликатность нужна. Серьезные подозрения у меня вызывает только один.

Иван Францевич ткнул указкой в третий кружок, на котором было написано ГЗ.

— Граф Зуров, Ипполит Александрович. Очевидно, любовник Бежецкой. Человек без каких-либо нравственных устоев, игрок, бретер, сумасброд. Тип Толстого-Американца. Имеются косвенные улики. Ушел в сильном раздражении после ссоры с убитым — это раз. Имел возможность и подстеречь, и выследить, и подослать убийцу — это два. Дворник показал, что домой Зуров вернулся только под утро — это три. Мотив, хоть и хилый, тоже есть: ревность или болезненная мстительность. Возможно, было что-то еще. Главное сомнение: Зуров не из тех людей, кто убивает чужими руками. Впрочем, по агентурным сведениям, вокруг него вечно вьются всякие темные личности, так что версия представляется перспективной. Вы, Фандорин, именно ею и займетесь. Зурова разрабатывает целая группа агентов, но вы будете действовать в одиночку, у вас хорошо получается. Подробности задания обговорим позже, а сейчас перейдем к последнему кружку. Им я

занимаюсь сам.

Эраст Петрович наморщил лоб, пытаясь сообразить, что могут означать буквы НО.

— Нигилистическая организация, — пояснил шеф. — Тут есть кое-какие приметы заговора, да только не иудейского, а посерьезней. Потому, собственно, я и прислан. То есть, конечно, меня просил и князь Горчаков — как вам известно, Николай Ахтырцев сын его покойной дочери. Однако здесь все может оказаться очень даже непросто. Наши российские революционеры на грани раскола. Наиболее решительным и нетерпеливым из этих робеспьеров надоело просвещать мужика — дело долгое, кропотливое, одной жизни не хватит. Бомба, кинжал и револьвер куда как интересней. Я жду в самое ближайшее время большого кровопролития. То, что было до сих пор — цветочки. Террор против правящего класса может стать массовым. С некоторых пор я веду в Третьем отделении дела по самым оголтелым и законспирированным террористическим группам. Мой патрон, Лаврентий Аркадьевич Мизинов, возглавляющий корпус жандармов и Третье отделение, дал мне поручение разобраться, что это в Москве за «Азазель» такой объявился. Демон — символ весьма

революционный. Тут ведь, Фандорин, судьба России на карту поставлена. — От обычной насмешливости Бриллинга не осталось и следа, в голосе зазвучало ожесточение. — Если опухоль в самом зародыше не прооперировать, эти романтики нам лет через тридцать, а то и ранее такой революсьон закатят, что французская гильотина милой шалостью покажется. Не дадут нам с вами спокойно состариться, помяните мое слово. Читали роман «Бесы» господина Достоевского? Зря. Там красноречиво спрогнозировано.

«Бесы ». Рукопись.

— Стало быть, четыре версии? — нерешительно спросил Эраст Петрович.

— Мало? Мы что-то упускаем из виду? Говорите-говорите, я в работе чинов не признаю, — подбодрил его шеф. — И не бойтесь смешным предстать — это у вас по молодости лет. Лучше сказать глупость, чем упустить важное.

Фандорин, сначала смущаясь, а потом все более горячо заговорил:

— Мне кажется, ваше высоко..., то есть, шеф, что вы зря оставляете в стороне леди Эстер. Она, конечно, весьма почтенная и уважаемая особа, но... но ведь миллионное завещание! Бежецкой от этого выгоды никакой, графу Зурову тоже, нигилистам — разве что в смысле общественного блага... Я не знаю, при чем здесь леди Эстер, может, вовсе и не при чем, но для порядка следовало бы... Ведь вот и следственный принцип есть — cui prodest, «ищи, кому выгодно».

— Мерси за перевод, — поклонился Иван Францевич, и Фандорин стушевался. — Замечание совершенно справедливое, однако в рассказе Ахтырцева, который приведен в вашем донесении, все исчерпывающе разъяснено. Имя баронессы Эстер возникло по случайности. Я не включил ее в список подозреваемых, во-первых, потому что

время дорого, а во-вторых, еще и потому, что я эту даму немного знаю, имел счастье встречаться. — Бриллинг по-доброму улыбнулся. — Впрочем вы, Фандорин, формально правы. Не хочу навязывать вам своих выводов. Думайте собственной головой, никому не верьте на слово. Наведайтесь к баронессе, расспросите ее о чем сочтете нужным. Уверен, что это знакомство кроме всего прочего доставит вам еще и удовольствие. В службе городского дежурного вам сообщат московский адрес леди Эстер. И вот еще что, перед выходом зайдите в костюмную, пусть снимут с вас мерку. На службу в мундире больше не приходите. Баронессе поклон, а когда вернетесь поумневшим, займемся делом, то бишь графом Зуровым.

Глава седьмая, в которой утверждается, что педагогика — главнейшая из наук

Прибыв по адресу, полученному от дежурного, Эраст Петрович увидел капитальное трехэтажное здание, на первый взгляд несколько похожее на казарму, но окруженное садом и с гостеприимно распахнутыми воротами. Это и был новооткрытый эстернат английской баронессы. Из полосатой будки выглянул служитель в нарядном синем сюртуке с серебряным позументом и охотно объяснил, что госпожа миледи квартируют не здесь, а во флигеле, вход из переулка, поворотя за правый угол.

Фандорин увидел, как из дверей здания выбежала стайка мальчишек в синих мундирчиках и с дикими криками принялась носиться по газону, играя в салки. Служитель и не подумал призвать шалунов к порядку. Поймав удивленный взгляд Фандорина, он пояснил:

— Не возбраняется. На переменке хоть колесом ходи, только имущества не порти. Такой порядок.

В. Маковский. «Гимназист»

Что ж, сиротам здесь, кажется, было привольно, не то что ученикам Губернской гимназии, к числу которых еще совсем недавно принадлежал наш коллежский регистратор. Порадовавшись за бедняжек, Эраст Петрович зашагал вдоль ограды в указанном направлении.

За поворотом начинался тенистый переулок, каких здесь, в Хамовниках, было без счета: пыльная мостовая, сонные особнячки с палисад-

никами, раскидистые тополя, с которых скоро полетит белый пух. Двухэтажный флигель, где остановилась леди Эстер, соединялся с основным корпусом длинной галереей. Возле мраморной доски с надписью «Первый Московский Эстернат. Дирекция» грелся на солнышке важный швейцар с лоснящимися расчесанными бакенбардами. Таких сановитых швейцаров, в белых чулках и треугольной шляпе с золотой кокардой Фандорин не видывал и подле генерал-губернаторской резиденции.

— Нынче приема нету, — выставил шлагбаумом руку сей янычар. — Завтра приходьте. По казенным делам с десяти до двенадцати, по личным с двух до четырех.

Нет, положительно не складывались у Эраста

Петровича отношения с швейцарским племенем. То ли вид у него был несолидный, то ли в лице что не так.

— Сыскная полиция. К леди Эстер, срочно, — процедил он, мстительно предвкушая, как сейчас закланяется истукан в золотых галунах.

Но истукан и ухом не повел.

— К ее сиятельству и думать нечего, не пущу. Если желаете, могу доложить мистеру Каннингему.

— Не надо мне никакого Каннингема, — окрысился Эраст Петрович. — Немедля доложи баронессе, скотина, а то будешь у меня в околотке ночевать! Да так и скажи — из Сыскного управления по срочному, государственному делу!

Швейцар смерил сердитого чиновничка полным сомнения взглядом, но все же исчез за дверью. Правда, войти, мерзавец, не предложил.

Ждать пришлось довольно долго, Фандорин уж собирался вторгнуться без приглашения, когда из-за двери снова выглянула хмурая рожа с бакенбардами.

— Принять примут, но они по-нашему не очень, а мистеру Каннингему переводить недосуг, заняты. Разве что если по-французски объясняетесь… — По голосу было понятно, что в такую

возможность швейцар верит мало.

— Могу и по-английски, — сухо кинул Эраст Петрович. — Куда идти?

— Провожу. За мной следуйте.

Через чистенькую, обитую штофом прихожую, через светлый, залитый солнцем коридор с чередой высоких голландских окон проследовал Фандорин за янычаром к белой с золотом двери.

Разговора на английском Эраст Петрович не боялся. Он вырос на попечении у нэнни Лисбет (в строгие минуты — миссис Джейсон), настоящей английской няни. Это была сердечная и заботливая, но крайне чопорная старая дева, которую тем не менее полагалось называть не «мисс», а «миссис» — из уважения к ее почтенной профессии. Лисбет приучила своего питомца вставать в половине седьмого летом и половине восьмого зимой, делать гимнастику до первого пота и потом обтираться холодной водой, чистить зубы пока не досчитаешь до двухсот, никогда не есть досыта, а также массе других абсолютно необходимых джентльмену вещей.

На стук в дверь мягкий женский голос откликнулся:

— Come in! Entrez![13]

Эраст Петрович отдал швейцару фуражку и вошел.

Он оказался в просторном, богато обставленном кабинете, где главное место занимал широченный письменный стол красного дерева. За столом сидела седенькая дама не просто приятной, а какой-то чрезвычайно уютной наружности. Ее ярко-голубые глазки за золотым пенсне так и светились живым умом и приветливостью. Некрасивое, подвижное лицо с утиным носиком и широким, улыбчатым ртом Фандорину сразу понравилось.

Он представился по-английски, но о цели своего визита пока умолчал.

— У вас славное произношение, сэр, — похвалила леди Эстер на том же языке, чеканно выговаривая каждый звук. — Я надеюсь, наш грозный Тимоти… Тимофэй не слишком вас запугал? Признаться, я сама его побаиваюсь, но в дирекцию часто приходят должностные лица, и тут Тимофэй незаменим, лучше английского лакея. Да вы садитесь, молодой человек. Лучше вон туда, в кресло, там вам будет удобней. Зна-

---

[13] Примечания: 1.13
Войдите! (англ.) Войдите! (фр.)

чит, служите в криминальной полиции? Должно быть, очень интересное занятие. А чем занимается ваш отец?

— Он умер.

— Очень сожалею, сэр. А матушка?

— Тоже, — буркнул Фандорин, недовольный поворотом беседы.

— Бедный мальчик. Я знаю, как вам одиноко. Вот уже сорок лет я помогаю таким бедным мальчикам избавиться от одиночества и найти свой путь.

— Найти путь, миледи? — не совсем понял Эраст Петрович.

— О да, — оживилась леди Эстер, видимо, садясь на любимого конька. — Найти свой путь — самое главное в жизни любого человека. Я глубоко убеждена, что каждый человек неповторимо талантлив, в каждом заложен божественный дар. Трагедия человечества в том, что мы не умеем, да и не стремимся этот дар в ребенке обнаружить и выпестовать. Гений у нас — редкость и даже чудо, а ведь кто такой гений? Это просто человек, которому повезло. Его судьба сложилась так, что жизненные обстоятельства сами подтолкнули человека к правильному выбору пути. Классический пример — Моцарт. Он родился в семье

музыканта и с раннего детства попал в среду, идеально питавшую заложенный в нем от природы талант. А теперь представьте себе, дорогой сэр, что Вольфганг Амадей родился бы в семье крестьянина. Из него получился бы скверный пастух, развлекающий коров волшебной игрой на дудочке. Родись он в семье солдафона — вырос бы бездарным офицериком, обожающим военные марши. О, поверьте мне, молодой человек, каждый, каждый без исключения ребенок таит в себе сокровище, только до этого сокровища надобно уметь докопаться! Есть очень милый североамериканский писатель, которого зовут Марк Туэйн. Я подсказала ему идею рассказа, в котором людей оценивают не по их реальным достижениям, а по тому потенциалу, по тому таланту, который был в них заложен природой. И тогда выяснится, что самый великий полководец всех времен — какой-нибудь безвестный портной, никогда не служивший в армии, а самый великий художник так и не взял в руки кисть, потому что всю жизнь проработал сапожником. Моя система воспитания построена на том, чтобы великий полководец непременно попал на военную службу, а великий художник вовремя получил доступ к краскам. Мои педагоги пытливо

и терпеливо прощупывают душевное устройство каждого питомца, отыскивая в нем божью искру, и в девяти случаях из десяти ее находят!

— Ага, так все-таки не во всех она есть! — торжествующе поднял палец Фандорин.

— Во всех, милый юноша, абсолютно во всех, просто мы, педагоги, недостаточно искусны. Или же в ребенке заложен талант, которому в современном мире нет употребления. Возможно, этот человек был необходим в первобытном обществе или же его гений будет востребован в отдаленном будущем — в такой сфере, которую мы сегодня и представить себе не можем.

— Про будущее — ладно, судить не берусь, — заспорил Фандорин, против воли увлеченный беседой. — Но про первобытное общество что-то непонятно. Какие же это таланты вы имеете в виду?

— Сама не знаю, мой мальчик, — обезоруживающе улыбнулась леди Эстер. — Ну, предположим, дар угадывать, где под землей вода. Или дар чуять в лесу зверя. Может быть, способность отличать съедобные коренья от несъедобных. Знаю только одно, что в те далекие времена именно такие люди были главными гениями, а мистер Дарвин или герр Шопенгауэр, родись они в пещере, остались

бы в племени на положении дурачков. Кстати говоря, те дети, которых сегодня считают умственно недоразвитыми, тоже обладают даром. Это, конечно, талант не рационального свойства, но оттого не менее драгоценный. У меня в Шеффилде есть специальный эстернат для тех, от кого отказалась традиционная педагогика. Боже, какие чудеса гениальности обнаруживают эти мальчики! Там есть ребенок, к тринадцати годам едва выучившийся говорить, но он вылечивает прикосновением ладони любую мигрень. Другой — он и вовсе бессловесен — может задерживать дыхание на целых четыре с половиной минуты. Третий взглядом нагревает стакан с водой, представляете?

— Невероятно! Но отчего же только мальчики? А девочки?

Леди Эстер вздохнула, развела руками.

— Вы правы, друг мой. Надо, конечно, работать и с девочками. Однако опыт подсказывает мне, что таланты, заложенные в женскую натуру, часто бывают такого свойства, что мораль современного общества не готова их должным образом воспринимать. Мы живем в век мужчин, и с этим приходится считаться. В обществе, где заправляют мужчины, незаурядная, талантливая

женщина вызывает подозрение и враждебность. Я бы не хотела, чтобы мои воспитанницы чувствовали себя несчастными.

— Однако как устроена ваша система? Как производится, так сказать, сортировка детей? — с живейшим любопытством спросил Эраст Петрович.

— Вам правда интересно? — обрадовалась баронесса. — Пойдемте в учебный корпус и увидите сами.

Она с удивительной для ее возраста проворностью вскочила, готовая вести и показывать.

Фандорин поклонился, и миледи повела молодого человека сначала коридором, а потом длинной галереей в основное здание.

По дороге она рассказывала:

— Здешнее заведение совсем новое, три недели как открылось, и работа еще в самом начале. Мои люди взяли из приютов, а подчас и прямо с улицы сто двадцать мальчиков-сирот в возрасте от четырех до двенадцати лет. Если ребенок старше, с ним уже трудно что-либо сделать — личность сформировалась. Для начала мальчиков разбили на возрастные группы, и в каждой свой учитель, специалист по данному возрасту. Главная обязанность учителя — присматриваться к детям и

исподволь давать им разные несложные задания. Задания эти похожи на игру, но с их помощью легко определить общую направленность натуры. На первом этапе нужно угадать, что в данном ребенке талантливее — тело, голова или интуиция. Затем дети будут поделены на группы уже не по возрастному, а по профильному принципу: рационалисты, артисты, умельцы, лидеры, спортсмены и так далее. Постепенно профиль все более сужается, и мальчиков старшего возраста нередко готовят уже индивидуально. Я работаю с детьми сорок лет, и вы не представляете, сколь многого достигли мои питомцы — в самых различных сферах.

— Это грандиозно, миледи! — восхитился Эраст Петрович. — Но где же взять столько искусных педагогов?

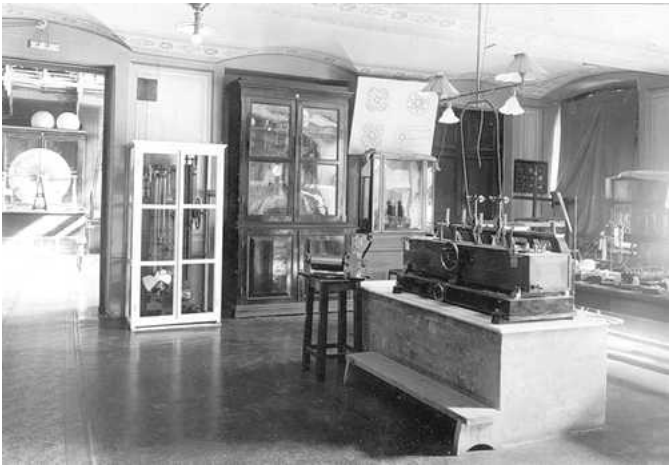
— Я очень хорошо плачу своим учителям, ибо педагогика — главнейшая из наук, — с глубоким убеждением сказала баронесса. — Кроме того многие из моих бывших воспитанников выражают желание остаться в эстернатах воспитателями. Это так естественно, ведь эстернат — единственная семья, которую они знали.

Они вошли в широкую рекреационную залу, куда выходили двери нескольких классных

комнат.

— Куда же вас отвести? — задумалась леди Эстер. — Да вот хотя бы в физический. Там сейчас дает показательный урок мой славный доктор Бланк, выпускник Цюрихского эстерната, гениальный физик. Я заманила его в Москву, устроив ему здесь лабораторию для опытов с электричеством. А заодно он должен показывать детям всякие хитрые физические фокусы, чтобы вызвать интерес к этой науке.

Баронесса постучала в одну из дверей, и они заглянули в класс. За партами сидели десятка полтора мальчиков лет одиннадцати-двенадцати в синих мундирах с золотой литерой Е на воротнике. Все они, затаив дыхание, смотрели, как хмурый молодой господин с преогромными бакенбардами, в довольно неряшливом сюртуке и не слишком свежей рубашке крутит какое-то стеклянное колесо, пофыркивающее голубыми искорками.



— Ich bin sehr beschaftigt, milady! — сердито крикнул доктор Бланк. — Spater, spater![14] — И, перейдя на ломаный русский, сказал, обращаясь к детям. — Зейчас, мои господа, вы видеть настоящий маленький радуга! Название — Blank Regenbogen, «Радуга Бланка». Это я придумать, когда такой молодой, как вы.

От странного колеса к столу, уставленному всевозможными физическими приборами, внезапно протянулась маленькая, необычайно яркая радуга-семицветка, и мальчики восторженно

---

[14] Примечания: 1.14
Я очень занят, миледи! После, после! (нем.)

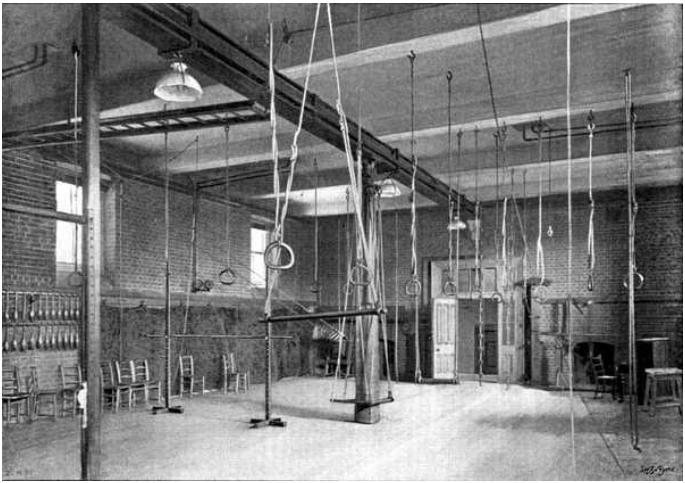
загудели.

— Немножко сумасшедший, но настоящий гений, — прошептала Фандорину леди Эстер.

В этот миг из соседнего класса донесся громкий детский крик.

— Боже! — схватилась за сердце миледи. — Это из гимнастического! Скорей туда!

Она выбежала в коридор, Фандорин за ней. Вместе они ворвались в пустую, светлую аудиторию, пол которой почти сплошь был устлан кожаными матами, а вдоль стен располагались разнообразнейшие гимнастические снаряды: шведские стенки, кольца, толстые канаты, трамплины. Рапиры и фехтовальные маски соседствовали с боксерскими перчатками и гирями.



Стайка мальчуганов лет семи-восьми сгрудилась вокруг одного из матов. Раздвинув детей, Эраст Петрович увидел корчащегося от боли мальчика, над которым склонился молодой мужчина лет тридцати в гимнастическом трико. У него были огненно-рыжие кудри, зеленые глаза и волевое, сильно веснушчатое лицо.

— Ну-ну, милый, — говорил он по-русски с легким акцентом. — Покажи ножку, не бойся. Я тебе больно не сделаю. Будь мужчина, потерпи. Fell from the rings, m'lady, — пояснил он баронессе. — Weak hands. I am afraid, the ankle is broken. Would

you please tell Mr. Izyumoff[15]?

Миледи молча кивнула и, поманив за собой Эраста Петровича, быстро вышла из класса.

— Схожу за доктором, мистером Изюмовым, — скороговоркой сообщила она. — Такая неприятность случается часто — мальчики есть мальчики…Это был Джеральд Каннингем, моя правая рука. Выпускник Лондонского эстерната. Блестящий педагог. Возглавляет весь российский филиал. За полгода выучил ваш трудный язык, который мне никак не дается. Минувшей осенью Джеральд открыл эстернат в Петербурге, теперь временно здесь, помогает наладить дело. Без него я как без рук.

У двери с надписью «Врач» она остановилась.

— Прошу извинить, сэр, но нашу беседу придется прервать. В другой раз, ладно? Приходите завтра, и мы договорим. У вас ведь ко мне какое-то дело?

— Ничего важного, миледи, — покраснел Фандорин. — Я и в самом деле… как-нибудь потом. Желаю успеха на вашем благородном поприще.

Он неловко поклонился и поспешно зашагал прочь. Эрасту Петровичу было очень стыдно.

---

[15] Примечания: 1.15

Упал с колец, миледи. Слабые руки. Боюсь, сломана лодыжка. Скажите, пожалуйста, господину Изюмову. (англ.)

* * *

— Ну что, взяли злодейку с поличным? — весело приветствовал посрамленного Фандорина начальник, подняв голову от каких-то мудреных диаграмм. Шторы в кабинете были задвинуты, на столе горела лампа, ибо за окном уже начинало темнеть. — Дайте угадаю. Про мистера Kokorin миледи в жизни не слышала, про мисс Bezhetskaya тем паче, весть о завещании самоубийцы ее ужасно расстроила. Так?

Эраст Петрович только вздохнул.

— Я эту особу встречал в Петербурге. Ее просьба о педагогической деятельности в России рассматривалась у нас в Третьем. Про гениальных дебилов она вам рассказывала? Ладно, к делу. Садитесь к столу, — поманил Фандорина шеф. — У вас впереди увлекательная ночь.

Эраст Петрович ощутил приятно-тревожное щекотание в груди — такое уж воздействие производило на него общение с господином статским советником.

— Ваша мишень — Зуров. Вы его уже видели, некоторое представление имеете. Попасть к графу легко, рекомендаций не требуется. У него дома что-то вроде игорного притона, не больно-то и

законспирированного. Тон принят этакий гусарско-гвардейский, но всякой швали таскается достаточно. Такой же дом Зуров держал в Питере, а после визита полиции перебрался в Москву. Господин он вольный, по полку уже третий год числится в бессрочном отпуске. Излагаю вашу задачу. Постарайтесь подобраться к нему поближе, присмотритесь к его окружению. Не встретится ли там ваш белоглазый знакомец? Только без самодеятельности, в одиночку вам с таким не справиться. Впрочем, вряд ли он там будет… Не исключаю, что граф сам вами заинтересуется — ведь вы встречались у Бежецкой, к которой Зуров, очевидно, неравнодушен. Действуйте по ситуации. Только не зарывайтесь. С этим господином шутки плохи. Играет он нечестно, как говорят у этой публики, «берет на зихер», а если уличат — лезет на скандал. Имеет на счету с десяток дуэлей, да еще не про все известно. Может и без дуэли череп раскроить. Например, в семьдесят втором на нижегородской ярмарке повздорил за картами с купцом Свищовым, да и выкинул бородатого в окно. Со второго этажа. Купчина расшибся, месяц без языка лежал, только мычал. А графу ничего, выкрутился. Имеет влиятельных родственников в сферах. Это что такое? — как

обычно, без перехода спросил Иван Францевич, кладя на стол колоду игральных карт.

— Карты, — удивился Фандорин.

— Играете?

— Совсем не играю. Папенька запрещал в руки брать, говорил, что он наигрался и за себя, и за меня, и за три поколения Фандориных вперед.

— Жаль, — озаботился Бриллинг. — Без этого вам у графа делать нечего. Ладно, берите бумагу, записывайте…

Четверть часа спустя Эраст Петрович мог уже без запинки различить масти и знал, какая карта старше, а какая младше, только с картинками немного путался — все забывал, кто старше, дама или валет.

— Вы безнадежны, — резюмировал шеф. — Но это нестрашно. В преферанс и прочие умственные игры у графа все равно не играют. Там любят самый примитив, чтоб побыстрее и денег побольше. Агенты доносят, что Зуров предпочитает штосс, причем упрощенный. Объясняю правила. Тот, кто сдает карты, называется банкомет. Второй — понтер. У того и у другого своя колода. Понтер выбирает из своей колоды карту — скажем, девятку. Кладет себе рубашкой кверху.

— Рубашка — это узор на обороте? — уточнил

Фандорин.

— Да. Теперь понтер делает ставку — предположим, десять рублей. Банкомет начинает «метать»: открывает из колоды верхнюю карту направо (она называется «лоб»), вторую — налево (она называется «сонник»).

«Лоб — пр., сонник — лев.», — старательно записывал в блокноте Эраст Петрович.

— Теперь понтер открывает свою девятку. Если «лоб» тоже оказался девяткой, неважно какой масти, — банкомет забирает ставку себе. Это называется «убить девятку». Тогда банк, то есть сумма, на которую идет игра, возрастает. Если девяткой окажется «сонник», то есть вторая карта, — это выигрыш понтера, он «нашел девятку».

— А если в паре девятки нет?

— Если в первой паре девятки не оказалось, банкомет выкладывает следующую пару карт. И так до тех пор, пока не выскочит девятка. Вот и вся игра. Элементарно, но можно проиграться в прах, особенно если вы понтер и все время играете на удвоение. Поэтому усвойте, Фандорин: вы должны играть только банкометом. Это просто — мечете карту направо, карту налево; карту направо, карту налево. Банкомет больше первоначальной ставки не проиграет. В понтеры не

садитесь, а если выпадет по жребию, назначайте игру по маленькой. В штосс можно делать не более пяти заходов, потом весь остаток банка переходит банкомету. Сейчас получите в кассе двести рублей на проигрыш.

— Целых двести? — ахнул Фандорин.

— Не «целых двести», а «всего двести». Постарайтесь, чтобы вам этой суммы хватило на всю ночь. Если быстро проиграетесь, сразу уходить не обязательно, можете какое-то время там потолкаться. Но не вызывая подозрений, ясно? Будете играть каждый вечер, пока не добьетесь результата. Даже если выяснится, что Зуров не замешан, — что ж, это тоже результат. Одной версией меньше.

Эраст Петрович шевелил губами, глядя в шпаргалку.

— «Черви» — это красные сердечки?

— Да. Еще их иногда называют «черти» или «керы», от coeur[16]. Ступайте в костюмную. Вам по мерке подготовили наряд, а завтра к обеду скроят и целый гардероб на все случаи жизни. Марш-марш, Фандорин, у меня и без вас дел довольно. Сразу после Зурова сюда. В любое время.

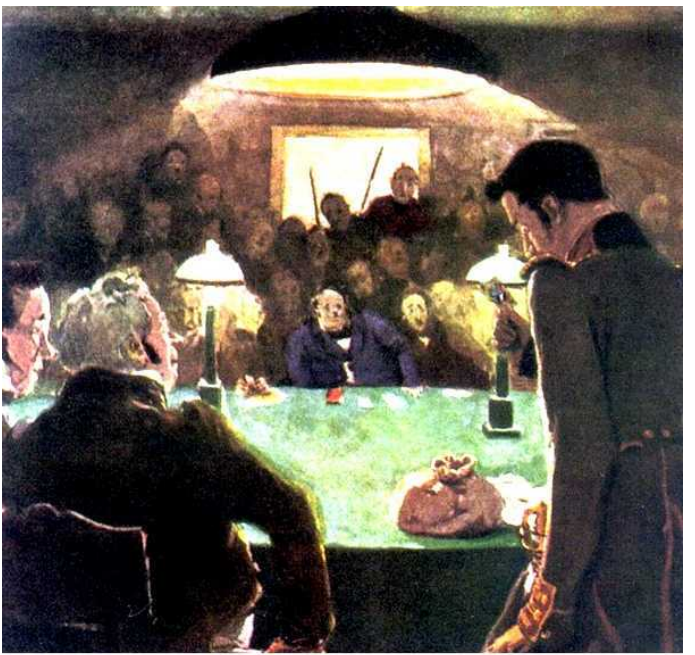
---

[16] Примечания: 1.16
Сердце (фр.)

Я сегодня ночую в управлении.

И Бриллинг уткнулся носом в свои бумаги.

Глава восьмая, в которой некстати вылезает пиковый валет



Бенуа. «Игроки »

В прокуренной зале играли за шестью зелеными ломберными столами — где кучно, человека по четыре, где по двое. У каждого стола еще топтались зрители: где игра шла по маленькой, — поменьше, где «шпиль» зарывался вверх — погуще.

Вина и закусок у графа не подавали, желающие могли выйти в гостиную и послать лакея в трактир, но посылали только за шампанским, по поводу какого-нибудь особенного везения. Отовсюду раздавались отрывистые, мало понятные неигроку восклицания:

— Je coupe![17]

— Je passe.[18]

— Второй абцуг.

— Retournez la carte![19]

— Однако, господа, прометано!

— Шусточка убита! — и прочее.

Больше всего толпились у того стола, где шла игра по-крупному, один на один. Метал сам хозяин, понтировал потный господин в модном,

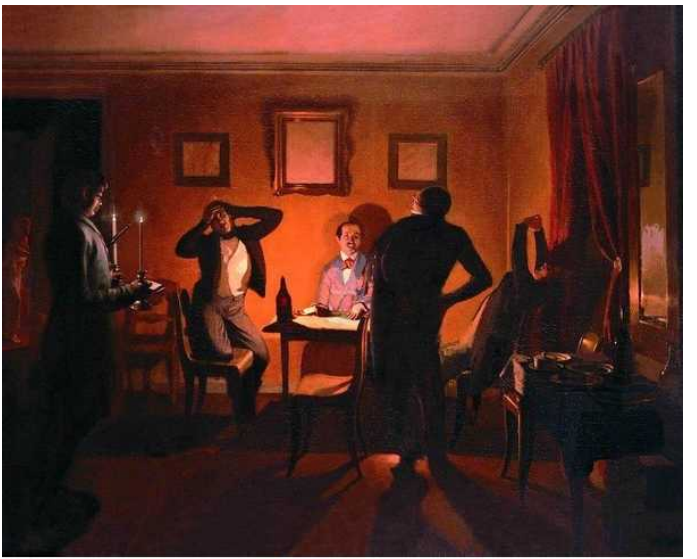
---

[17] Примечания: 1.17
Бью! (фр.)

[18] Примечания: 1.18
Пасую (фр.)

[19] Примечания: 1.19
Откройте карту! (фр.)

чрезвычайно узком сюртуке. Понтеру, видно, не везло — он покусывал губы, горячился, зато граф был само хладнокровие и лишь сахарно улыбался из-под черных усов, затягиваясь дымом из гнутого турецкого чубука.



Федотов. «Игроки»

Холеные сильные пальцы в сверкающих перстнях ловко откидывали карты — одну направо, одну налево.

Среди зрителей, скромно держась чуть сзади, находился черноволосый молодой человек с румяной, совсем не игроцкой физиономией. Опытному человеку сразу было видно, что юноша из хорошей семьи, на банк забрел впервые и всего здесь дичится. Несколько раз тертые господа с брильянтиновыми проборами предлагали ему «прометнуть карточку», но были разочарованы — ставил юноша исключительно по пятерочке и «заводиться» решительно не желал. Бывалый шпильмейстер Громов, которого знала вся играющая Москва, даже дал мальчишке «наживку» — проиграл ему сотню, но деньги пропали зря. Глаза у румяного не разгорелись и руки не задрожали. Клиент получался неперспективный, настоящий «хлюзда».

А между тем Фандорин (ибо это, разумеется, был он) считал, что скользит по залу невидимой тенью, не обращая на себя ничьего внимания. Наскользил он пока, правда, немного. Один раз увидел, как очень почтенного вида господин потихоньку прибрал со стола золотой полуимпериал и с большим достоинством отошел в сторонку. Двое офицериков громким шепотом ссорились в коридоре, но Эраст Петрович ничего из их разговора не понял: драгунский поручик

горячо уверял, что он не какой-нибудь юлальщик и с друзьями арапа не заправляет, а гусарский корнет пенял ему каким-то «зихером».

Зуров, подле которого Фандорин нет-нет, да и оказывался, явно чувствовал себя в этом обществе как рыба в воде, да и, пожалуй, не просто рыба, а главная рыбина. Одного его слова было достаточно, чтобы в зародыше подавить намечающийся скандал, а один раз по жесту хозяина двое молодцов-лакеев взяли под локти не желавшего успокоиться крикуна и в два счета вынесли за дверь. Эраста Петровича граф решительно не узнавал, хотя несколько раз Фандорин ловил на себе его быстрый, недобрый взгляд.

— Пятый, сударь мой, — объявил Зуров, и это сообщение почему-то до крайности разволновало понтера.

— Загибаю утку! — дрогнувшим голосом выкрикнул он и загнул на своей карте два угла.

Среди зрителей прошел шепоток, а потный, откинув со лба прядь волос, бросил на стол целый ворох радужных бумажек.

— Что такое «утка»? — застенчиво спросил Эраст Петрович вполголоса у красноносого старичка, показавшегося ему самым безобидным.

— Сие означает учетверение ставки, — охотно

пояснил сосед. — Желают на последнем абцуге полный реванш взять.

Граф равнодушно выпустил облачко дыма и открыл направо короля, налево шестерку.

Понтер показал червового туза.

Зуров кивнул и тут же метнул черного туза направо, красного короля налево.

Фандорин слышал, как кто-то восхищенно шепнул:

— Ювелир!

На потного господина было жалко смотреть. Он проводил взглядом груду ассигнаций, перекочевавших под локоть к графу, и робко спросил:

— Не угодно ли под должок?

— Не угодно, — лениво ответил Зуров. — Кто еще желает, господа?

Неожиданно взгляд его остановился на Эрасте Петровиче.

— Мы, кажется, встречались? — с неприятной улыбкой спросил хозяин. — Господин Федорин, если не ошибаюсь?

— Фандорин, — поправил Эраст Петрович, мучительно краснея.

— Пардон. Что же вы все лорнируете? У нас тут не театр. Пришли — так играйте. Милости прошу. — Он показал на освободившийся стул.

— Выберите колоды сам, — прошелестел Фандорину на ухо добрый старичок.

Эраст Петрович сел и, следуя инструкции, весьма решительно сказал:

— Только уж позвольте, ваше сиятельство, мне самому банк держать. На правах новичка. А колоды я бы предпочел… вон ту и вот ту. — И он взял с подноса нераспечатанных колод две самые нижние.

Зуров улыбнулся еще неприятнее:

— Что ж, господин новичок, условие принято, но только уговор: банк сорву — не убегать. Дайте уж и мне потом метнуть. Ну-с, какой куш?

Фандорин замялся, решительность покинула его столь же внезапно, как и посетила.

— Сто рублей? — робко спросил он.

— Шутите? Здесь вам не трактир.

— Хорошо, триста. — И Эраст Петрович положил на стол все свои деньги, включая и выигранную ранее сотню.

— Le jeu n'en vaut pas la chandelle[20], — пожал плечами граф. — Ну да для начала сойдет.

Он вынул из своей колоды карту, небрежно бросил на нее три сотенных бумажки.

---

[20] Примечания: 1.20
Игра не стоит свеч (фр.)

— Иду на весь.

«Лоб» направо, вспомнил Эраст Петрович и аккуратно положил направо даму с красными сердечками, а налево — пиковую семерку.

Ипполит Александрович двумя пальцами перевернул свою карту и слегка поморщился. То была бубновая дама.

— Ай да новичок, — присвистнул кто-то. — Ловко даму причесал.

Фандорин неловко перемешал колоду.

— На весь, — насмешливо сказал граф, кидая на стол шесть ассигнаций. — Эх, не лезь на рожон — не будешь поражен.

Как карта налево-то называлась? — не мог вспомнить Эраст Петрович. Вот эта «лоб», а вторая… черт. Неудобно. А ну как спросит? Подглядывать в шпаргалку было несолидно.

— Браво! — зашумели зрители. — Граф, c'est un jeu interessant[21], не находите?

Эраст Петрович увидел, что снова выиграл.

— Извольте-ка не французить! Что, право, за дурацкая привычка втыкать в русскую речь по пол французской фразки, — с раздражением оглянулся Зуров на говорившего, хотя сам то и

---

[21] Примечания: 1.21
игра-то интересная (фр.)

дело вставлял французские обороты. — Сдавайте, Фандорин, сдавайте. Карта не лошадь, к утру повезет. На весь.

Направо — валет, это «лоб», налево — восьмерка, это…

У Ипполита Александровича вскрылась десятка. Фандорин убил ее с четвертого захода.

Стол уже обступили со всех сторон, и успех Эраста Петровича был оценен по заслугам.

— Фандорин, Фандорин, — рассеянно бормотал Ипполит Александрович, барабаня пальцами по колоде. Наконец вынул карту, отсчитал две тысячи четыреста.

Шестерка пик легла под «лоб» с первого же абцуга.

— Да что за фамилия такая! — воскликнул граф, свирепея. — Фандорин! Из греков, что ли? Фандораки, Фандоропуло!

— Почему из греков? — обиделся Эраст Петрович, в памяти которого еще были живы издевательства шалопаев-одноклассников над его древней фамилией (гимназическая кличка Эраста Петровича была «Фундук»). — Наш род, граф, такой же русский, как и ваш. Фандорины еще Алексею Михайловичу служили.

— Как же-с, — оживился давешний красно-

носый старичок, доброжелатель Эраста Петровича. — При Екатерине Великой был один Фандорин, любопытнейшие записки оставил.

— Записки, записки, сегодня я в риске, — хмуро срифмовал Зуров, сложив целый холмик из купюр. — На весь банк! Мечите карту, черт бы вас побрал!

— Le dernier coup, messieurs[22]! — пронеслось в толпе.

Все жадно смотрели на две равновеликие кучи мятых кредиток: одна лежала перед банкометом, вторая перед понтером.

В полнейшей тишине Фандорин вскрыл две свежие колоды, думая все о том же. Малинник? Лимонник?

Направо туз, налево тоже туз. У Зурова король. Направо дама, налево десятка. Направо валет, налево дама (что все-таки старше — валет или дама?). Направо семерка, налево шестерка.

— В затылок мне не сопеть! — яростно крикнул граф, от него отшатнулись.

Направо восьмерка, налево девятка. Направо король, налево десятка. Король!

Вокруг выли и хохотали. Ипполит Александро-

---

[22] Примечания: 1.22
Последний заход, господа! (фр.)

вич сидел, словно остолбенев.

Сонник! — вспомнил Эраст Петрович и обрадованно улыбнулся. Карта влево — это сонник. Странное какое название.

Вдруг Зуров перегнулся через стол и стальными пальцами сдвинул губы Фандорина в трубочку.

— Ухмыляться не сметь! Сорвали куш, так имейте воспитание вести себя цивильно! — бешеным голосом прошипел граф, придвинувшись вплотную. Его налитые кровью глаза были страшны. В следующий миг он толкнул Фандорина в подбородок, откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

— Граф, это уж чересчур! — воскликнул один из офицеров.

— Я, кажется, не убегаю, — процедил Зуров, не сводя глаз с Фандорина. — Если кто чувствует себя уязвленным, готов соответствовать.

Воцарилось поистине могильное молчание.

В ушах у Эраста Петровича ужасно шумело, и боялся он сейчас только одного — не струсить бы. Впрочем, еще боялся, что предательски дрогнет голос.

— Вы бесчестный негодяй. Вы просто платить не желаете, — сказал Фандорин, и голос все-таки дрогнул, но это было уже все равно. — Я вас

вызываю.

— На публике геройствуете? — скривил губы Зуров. — Посмотрим, как под дулом попляшете. На двадцати шагах, с барьерами. Стрелять кто когда захочет, но потом непременно пожалуйте на барьер. Не страшно?

Страшно, подумал Эраст Петрович. Ахтырцев говорил, он с двадцати шагов в пятак попадает, не то что в лоб. Или, того паче, в живот. Фандорин передернулся. Он никогда не держал в руках дуэльного пистолета. Один раз Ксаверий Феофилактович водил в полицейский тир из «кольта» пострелять, да ведь это совсем другое. Убьет, ни за понюх табаку убьет. И ведь чисто сработает, не подкопаешься. Свидетелей полно. Ссора за картами, обычное дело. Граф посидит месяц на гауптвахте и выйдет, у него влиятельные родственники, а у Эраста Петровича никого. Положат коллежского регистратора в дощатый гроб, зароют в землю, и никто на похороны не придет. Может, только Грушин да Аграфена Кондратьевна. А Лизанька прочтет в газете и подумает мимоходом: жаль, такой деликатный был полицейский, и молодой совсем. Да нет, не прочтет — ей, наверно, Эмма газет не дает. А шеф, конечно, скажет: я в него, дурака, поверил, а он

попался, как глупый щенок. Стреляться вздумал, дворянские мерихлюндии разводить. И еще сплюнет.

— Что молчите? — с жестокой улыбкой спросил Зуров. — Или расхотелось стреляться?

А у Эраста Петровича как раз возникла спасительная идея. Стреляться-то придется не сейчас, самое раннее — завтра с утра. Конечно, бежать и жаловаться шефу — мерзость и недостойно. Но Иван Францевич говорил, что по Зурову и другие агенты работают. Очень даже возможно, что и здесь, в зале, есть кто-нибудь из людей шефа. Вызов можно принять, честь соблюсти, а если, к примеру, завтра на рассвете сюда нагрянет полиция и арестует графа Зурова за содержание притона, так Фандорин в этом не виноват. Он и знать ничего не будет — Иван Францевич без него догадается, как поступить.

Спасение было, можно сказать, в кармане, но голос Эраста Петровича вдруг обрел самостоятельную, не зависящую от воли хозяина жизнь, понес что-то несусветное и, удивительное дело, больше не дрожал:

— Не расхотелось. Только отчего же завтра? Давайте прямо сейчас. Вы, граф, говорят, с утра до вечера по пятакам упражняетесь, и как раз

на двадцати шагах? (Зуров побагровел.) Давайте мы лучше с вами по-другому поступим, коли не струсите. — Вот когда рассказ Ахтырцева кстати пришелся! И придумывать ничего было не надо. Все уж придумано. — Бросим жребий, и кому выпадет — пойдет на двор да застрелится. Безо всяких барьеров. И неприятностей потом самый минимум. Проигрался человек, да и пулю в лоб — обычное дело. А господа слово чести дадут, что все в тайне останется. Верно, господа?

Господа зашумели, причем мнение их разделилось: одни выражали немедленную готовность дать слово чести, другие же предлагали предать ссору забвению и выпить мировую. Один пышноусый майор даже воскликнул: «А мальчишка-то молодцом!» — это еще больше придало Эрасту Петровичу задора.

— Так что, граф? — воскликнул он с отчаянной дерзостью, окончательно срываясь с узды. — Неужто в пятак легче попасть, чем в собственный лоб? Или промазать боитесь?

Зуров молчал, с любопытством глядя на храбреца и вид у него был такой, будто он что-то высчитывал.

— Что ж, — молвил он наконец с необычайным хладнокровием. — Условия приняты. Жан!

К графу в миг подлетел расторопный лакей. Ипполит Александрович сказал:

— Револьвер, свежую колоду и бутылку шампанского. — И еще шепнул что-то на ухо.

Через две минуты Жан вернулся с подносом. Ему пришлось протискиваться, ибо теперь вокруг стола собрались решительно все посетители салона.

Зуров ловким, молниеносным движением откинул барабан двенадцатизарядного «лефоше», показал, что все пули на месте.

— Вот колода. — Его пальцы со смачным хрустом вскрыли плотную обертку. — Теперь моя очередь метать. — Он засмеялся, кажется, пребы-

вая в отличном расположении духа. — Правила простые: кто первым вытянет карту черной масти, тот и пустит себе пулю в череп. Согласны?

Фандорин молча кивнул, уже начиная понимать, что обманут, чудовищно обведен вокруг пальца и, можно сказать, убит — еще вернее, чем на двадцати шагах. Переиграл его ловкий Ипполит, вчистую переиграл! Чтоб этакий умелец нужную карту не вытянул, да еще на собственной колоде! У него, поди, целый склад крапленых карт.

Тем временем Зуров, картинно перекрестившись, метнул верхнюю карту. Выпала бубновая дама.

— Сие Венера, — нагло улыбнулся граф. — Вечно она меня спасает. Ваш черед, Фандорин.

Протестовать и торговаться было унизительно, требовать другую колоду — поздно. И медлить стыдно.

Эраст Петрович протянул руку и открыл пикового валета.

Глава девятая, в которой у Фандорина открываются хорошие виды на карьеру

— Сие Момус, то есть дурачок, — пояснил Ипполит и сладко потянулся. — Однако поздновато. Выпьете для храбрости шампанского или сразу на двор?

Эраст Петрович сидел весь красный. Его душила злоба — не на графа, а на себя, полнейшего идиота. Такому и жить незачем.

— Я прямо тут, — в сердцах буркнул он, решив, что хоть напакостит хозяину напоследок. — Ваш ловкач пусть потом пол помоет. А от шампанского увольте — у меня от него голова болит.

Все так же сердито, стараясь ни о чем не думать, Фандорин схватил тяжелый револьвер, взвел курок и, секунду поколебавшись — куда стрелять, — а, все равно, вставил дуло в рот, мысленно сосчитал «три, два, один» и нажал на спусковой крючок так сильно, что больно прищемил дулом язык. Выстрела, впрочем, не последовало — только сухо щелкнуло. Ничего не

понимая, Эраст Петрович нажал еще раз — снова щелкнуло, только теперь металл противно скрежетнул по зубу.

— Ну будет, будет! — Зуров отобрал у него пистолет и хлопнул его по плечу. — Молодчага! И стрелялся-то без куражу, не с истерики. Хорошее поколение подрастает, а, господа? Жан, разлей шампанское, мы с господином Фандориным на брудершафт выпьем.

Эраст Петрович, охваченный странным безволием, был послушен: вяло выпил пузырчатую влагу до дна, вяло облобызался с графом, который велел отныне именовать его просто Ипполитом. Все вокруг галдели и смеялись, но их голоса до Фандорина долетали как-то неотчетливо. От шампанского закололо в носу, и на глаза навернулись слезы.

— Жан-то каков? — хохотал граф. — За минуту все иголки вынул. Ну не ловок ли, Фандорин, скажи?

— Ловок, — безразлично согласился Эраст Петрович.

— То-то. Тебя как зовут?

— Эраст.

— Пойдем, Эраст Роттердамский, посидим у меня в кабинете, выпьем коньяку. Надоели мне

эти рожи.

— Эразм, — механически поправил Фандорин.

— Что?

— Не Эраст, а Эразм.

— Виноват, не дослышал. Пойдем, Эразм.

Фандорин послушно встал и пошел за хозяином. Они проследовали темной анфиладой и оказались в круглой комнате, где царил замечательный беспорядок — валялись чубуки и трубки, пустые бутылки, на столе красовались серебряные шпоры, в углу зачем-то лежало щегольское английское седло. Почему это помещение называлось «кабинетом», Фандорин не понял — ни книг, ни письменных принадлежностей нигде не наблюдалось.

— Славное седлецо? — похвастал Зуров. — Вчера на пари выиграл.

Он налил в стаканы бурого вина из пузатой бутылки, сел рядом с Эрастом Петровичем и очень серьезно, даже задушевно сказал:

— Ты прости меня, скотину, за шутку. Скучно мне, Эразм. Народу вокруг много, а людей нет. Мне двадцать восемь лет, Фандорин, а будто шестьдесят. Особенно утром, когда проснусь. Вечером, ночью еще ладно — шумлю, дурака валяю. Только противно. Раньше ничего, а нынче что-то

все противней и противней. Веришь ли, давеча, когда жребий-то тянули, я вдруг подумал — не застрелиться ли по-настоящему? И так, знаешь, соблазнительно стало… Ты что все молчишь? Ты брось, Фандорин, не сердись. Я очень хочу, чтоб ты на меня зла не держал. Ну что мне сделать, чтоб ты меня простил, а, Эразм?

И тут Эраст Петрович скрипучим, но совершенно отчетливым голосом произнес:

— Расскажи мне про нее. Про Бежецкую.

Зуров откинул со лба пышную прядь.

— Ах да, я забыл. Ты же из «шлейфа».

— Откуда?

— Это я так называл. Амалия, она ведь королева, ей шлейф нужен, из мужчин. Чем длиннее, тем лучше. Послушай доброго совета, выкинь ее из головы, пропадешь. Забудь про нее.

— Не могу, — честно ответил Эраст Петрович.

— Ты еще сосунок, Амалия тебя беспременно в омут утащит, как многих уже утащила. Она и ко мне-то, может, прикипела, потому что за ней в омут не пожелал. Мне без надобности, у меня свой омут есть. Не такой глубокий, как у нее, но ничего, мне с головкой хватит.

— Ты ее любишь? — в лоб спросил Фандорин на правах обиженного.

— Я ее боюсь, — мрачно усмехнулся Ипполит. — Больше, чем люблю. Да и не любовь это вовсе. Ты опиум курить не пробовал?

Фандорин помотал головой.

— Раз попробуешь — всю жизнь тянуть будет. Вот и она такая. Не отпускает она меня! И ведь вижу — презирает, ни в грош не ставит, но что-то она во мне усмотрела. На мою беду! Знаешь, я рад, что она уехала, ей-богу. Иной раз думал — убить ее, ведьму. Задушу собственными руками, чтоб не мучила. И она это хорошо чувствовала. О, брат, она умная! Я тем ей и дорог был, что она со мной, как с огнем, игралась — то раздует, то задует, да еще все время помнит, что может пожар разгореться, и тогда ей головы не сносить. А иначе зачем я ей?

Эраст Петрович с завистью подумал, что красавца Ипполита, бесшабашную голову, очень даже есть за что полюбить и без всякого пожара. Такому молодцу, наверно, от женщин отбоя нет. И как только людям этакое счастье выпадает? Однако это соображение к делу не относилось. Спрашивать нужно было о деле.

— Кто она, откуда?

— Не знаю. Она про себя не любит распространяться. Знаю только, что росла где-то за границей.

Кажется, в Швейцарии, в каком-то пансионе.

— А где она сейчас? — спросил Эраст Петрович, впрочем, не очень-то рассчитывая на удачу.

Однако Зуров явно медлил с ответом, и у Фандорина внутри все замерло.

— Что, так прижало? — хмуро поинтересовался граф, и мимолетная недобрая гримаса исказила его красивое, капризное лицо.

— Да!

— М-да, если мотылька на свечку манит, все равно сгорит…

Ипполит порылся на столе среди карточных колод, мятых платков и магазинных счетов.

— Где оно, черт? А, вспомнил. — Он открыл японскую лаковую шкатулку с перламутровой бабочкой на крышке. — Держи. По городской почте пришло.

Эраст Петрович с дрожью в пальцах взял узкий конверт, на котором косым, стремительным почерком было написано «Его сиятельству графу Ипполиту Зурову, Яково-Апостольский переулок, собственный дом». Судя по штемпелю, письмо было отправлено 16 мая — в тот день, когда исчезла Бежецкая.

Внутри оказалась короткая, без подписи записка по-французски:

«Вынуждена уехать не попрощавшись. Пиши в Лондон, Gray Street, отель „Winter Queen“, для Ms. Olsen. Жду. И не смей меня забывать».

— А я посмею, — запальчиво погрозил Иппо-

лит, но немедленно сник. — Во всяком случае, попробую… Бери, Эразм. Делай с этим что хочешь… Ты куда?

— Пойду, — сказал Фандорин, пряча конверт в карман. — Торопиться надо.

— Ну-ну, — с жалостью покивал граф. — Валяй, лети на огонь. Твоя жизнь, не моя.

Во дворе Эраста Петровича нагнал Жан с каким-то узлом в руке.

— Вот, сударь, забыли-с.

— Что это? — досадливо оглянулся спешивший Фандорин.

— Шутите-с? Ваш выигрыш. Их сиятельство велели беспременно догнать и вручить.

* * *

Эрасту Петровичу снился чудной сон.

Он сидел в классной комнате за партой, в своей Губернской гимназии. Такие сны, обычно тревожные и неприятные, снились ему довольно часто — будто он снова гимназист и «плавает» у доски на уроке физики или алгебры, но на сей раз было не просто тоскливо, а по-настоящему страшно. Фандорин никак не мог понять причину этого страха. Он был не у доски, а за партой, вокруг сидели одноклассники: Иван Францевич,

Ахтырцев, какой-то пригожий молодец с высоким бледным лбом и дерзкими карими глазами (про него Эраст Петрович знал, что это Кокорин), две гимназистки в белых фартуках и еще кто-то, повернутый спиной. Повернутого Фандорин боялся и старался на него не смотреть, а все выворачивал шею, чтобы получше разглядеть девочек — одну черненькую, одну светленькую. Они сидели за партой, прилежно сложив перед собой тонкие руки. Одна оказалась Амалией, другая Лизанькой. Первая обжигающе взглянула черными глазищами и показала язык, зато вторая застенчиво улыбнулась и опустила пушистые ресницы. Тут Эраст Петрович увидел, что у доски стоит леди Эстер с указкой в руке, и все разъяснилось: это новейшая английская метода воспитания, по которой мальчиков и девочек обучают вместе. И очень даже хорошо. Словно подслушав его мысли, леди Эстер грустно улыбнулась и сказала: «Это не совместное обучение, это мой класс сироток. Вы все сиротки, и я должна вывести вас на путь». «Позвольте, миледи, — удивился Фандорин, — мне, однако же, доподлинно известно, что Лизанька не сирота, а дочь действительного

тайного советника». «Ах, my sweet boy,[23] — еще печальней улыбнулась миледи. — Она невинная жертва, а это все равно что сиротка». Страшный, что сидел впереди, медленно обернулся и, глядя в упор белесыми, прозрачными глазами, зашептал: «Я, Азазель, тоже сирота. — Заговорщически подмигнул и, окончательно распоясавшись, сказал голосом Ивана Францевича. — И поэтому, мой юный друг, мне придется вас убить, о чем я искренне сожалею… Эй, Фандорин, не сидите, как истукан. Фандорин!»

— Фандорин! — Кто-то тряс мучимого кошмаром Эраста Петровича за плечо. — Да просыпайтесь, утро уже!

Он встрепенулся, вскинулся, завертел головой. Оказывается, спал он в кабинете шефа, сморило прямо за столом. В окно через раздвинутые шторы лился радостный утренний свет, а рядом стоял Иван Францевич, почему-то одетый мещанином: в картузе с матерчатым козырьком, кафтане в сборочку и заляпанных грязью сапогах гармошкой.

— Что, сомлели, не дождались? — весело спросил шеф. — Пардон за маскарад, пришлось тут

---

[23] Примечания: 1.23
мой милый мальчик (англ.)

ночью отлучиться по спешному делу. Да умойтесь вы, хватит глазами хлопать. Марш-марш!

Пока Фандорин ходил умываться, ему вспомнились события минувшей ночи, вспомнилось, как он, сломя голову, несся от дома Ипполита, как вскочил в пролетку к дремлющему ваньке и велел гнать на Мясницкую. Так не терпелось рассказать шефу об удаче, а Бриллинга на месте не оказалось. Эраст Петрович сначала сделал некое спешное дело, потом сел в кабинете дожидаться, да и не заметил, как провалился в сон.

Когда он вернулся в кабинет, Иван Францевич уже переоделся в светлую пиджачную пару и пил чай с лимоном. Еще один стакан в серебряном подстаканнике дымился напротив, на подносе лежали бублики и сайки.

— Позавтракаем, — предложил шеф, — а заодно и потолкуем. Ваши ночные приключения мне в целом известны, но есть вопросы.

— Откуда известны? — огорчился Эраст Петрович, предвкушавший удовольствие от рассказа и, честно говоря, намеревавшийся опустить некоторые детали.

— У Зурова был мой агент. Я уже с час, как вернулся, да вас будить было жалко. Сидел, читал отчет. Увлекательное чтение, даже переодеться

не успел.

Он похлопал рукой по мелко исписанным листкам.

— Толковый агент, но ужасно цветисто пишет. Воображает себя литературным талантом, в газетки пописывает под псевдонимом «Maximus Зоркий», мечтает о карьере цензора. Вот послушайте-ка, вам интересно будет. Где это… А, вот. «Описание объекта. Имя — Эразм фон Дорн или фон Дорен (определено на слух). Возраст — не более, чем лет двадцати. Словесный портрет: рост двух аршин восьми вершков; телосложение худощавое; волосы черные прямые; бороды и усов нет и непохоже, чтобы брился; глаза голубые, узко посаженные, к углам немного раскосые; кожа белая, чистая; нос тонкий, правильный; уши прижатые, небольшие, с короткими мочками. Особая примета — на щеках не сходит румянец. Личные впечатления: типичный представитель порочной и разнузданной золотой молодежи с незаурядными задатками бретера. После вышеизложенных событий удалился с Игроком в кабинет последнего. Беседовали двадцать две минуты. Говорили тихо, с паузами. Из-за двери было почти ничего не слышно, но отчетливо разобрал слово „опиум“ и еще что-то про огонь.

Счел необходимым перенести слежку на фон Дорена, однако тот, очевидно, меня раскрыл — весьма ловко оторвался и ушел на извозчике. Предлагаю…» Ну, дальше неинтересно. — Шеф с любопытством посмотрел на Эраста Петровича. — Так что вы там про опиум обсуждали? Не томите, я сгораю от нетерпения.

Фандорин коротко изложил суть беседы с Ипполитом и показал письмо. Бриллинг выслушал самым внимательным образом, задал несколько уточняющих вопросов и замолчал, уставившись в окно. Пауза продолжалась долго, с минуту. Эраст Петрович сидел тихо, боялся помешать мыслительному процессу, хотя имел и собственные соображения.

— Я вами очень доволен, Фандорин, — молвил шеф, вернувшись к жизни. — Вы продемонстрировали блестящую результативность. Во-первых, совершенно ясно, что Зуров к убийству непричастен и о роде вашей деятельности не догадывается. Иначе разве отдал бы он вам адрес Амалии? Это освобождает нас от версии три. Во-вторых, вы сильно продвинулись по версии Бежецкой. Теперь мы знаем, где искать эту даму. Браво. Я намерен подключить всех освободившихся агентов, в том числе и вас, к версии четыре, которая пред-

ставляется мне основной. — Он ткнул пальцем в сторону доски, где в четвертом кружке белели меловые буквы НО.

— То есть как? — заволновался Фандорин. — Но позвольте, шеф…

— Минувшей ночью мне удалось выйти на очень привлекательный след, который ведет на некую подмосковную дачу, — с видимым удовлетворением сообщил Иван Францевич (вот и заляпанные сапоги объяснились). — Там собираются революционеры, причем крайне опасные. Кажется, тянется ниточка и к Ахтырцеву. Будем работать. Тут мне все люди понадобятся. А версия Бежецкой, по-моему, бесперспективна. Во всяком случае, это не к спеху. Пошлем запрос англичанам по дипломатическим каналам, попросим задержать эту мисс Ольсен до выяснения, да и дело с концом.

— Вот этого-то как раз делать ни в коем случае нельзя! — вскричал Фандорин, да так запальчиво, что Иван Францевич даже опешил.

— Отчего же?

— Неужто вы не видите, здесь все один к одному сходится! — Эраст Петрович заговорил очень быстро, боясь, что перебьют. — Я про нигилистов не знаю, очень может быть, и важность понимаю,

но тут тоже важность, и тоже государственная! Вы смотрите, Иван Францевич, какая картина получается. Бежецкая скрылась в Лондон — это раз (он и сам не заметил, как перенял у шефа манеру выражаться). Дворецкий у нее англичанин, и очень подозрительный, такой прирежет — не поморщится. Это два. Белоглазый, что Ахтырцева убил, с акцентом говорил и тоже на англичанина похож — это три. Теперь четыре: леди Эстер, конечно, преблагородное существо, но тоже англичанка, а наследство Кокорина все-таки, что ни говорите, ей досталось! Ведь очевидно, что Бежецкая нарочно подводила своих воздыхателей, чтобы они духовную на англичанку составили!

— Стоп, стоп, — поморщился Бриллинг. — Вы к чему, собственно, клоните? К шпионажу?

— Но ведь это очевидно! — всплеснул руками Эраст Петрович. — Английские происки. Сами знаете, какие сейчас с Англией отношения. Я про леди Эстер ничего такого сказать не хочу, она, наверно, и знать ничего не знает, но ее заведение могут использовать как прикрытие, как троянского коня, чтоб проникнуть в Россию!

— Ну да, — иронически улыбнулся шеф. — Королеве Виктории и господину Дизраэли мало золота Африки и алмазов Индии, им подавай

суконную фабрику Петруши Кокорина да три тысячи десятин Николеньки Ахтырцева.

Тут-то Фандорин и выдал свой главный козырь:

— Не фабрику и не деньги даже! Вы опись их имущества помните? Я тоже не сразу обратил внимание! У Кокорина-то среди прочих предприятий судостроительный завод в Либаве, а там военные заказы размещают — я справлялся.

— Когда ж это вы успели?

— Пока вас дожидался. Послал запрос по телеграфу в военно-морское министерство. Там тоже ночью дежурят.

— Так, ну-ну. Что дальше?

Баку. Нефтяные вышки.

— А то, что у Ахтырцева помимо десятин, домов и капиталов имелся еще нефтяной прииск в Баку, от тетушки остался. Я ведь читал в газетах, как англичане мечтают к каспийской нефти подобраться.

А тут пожалуйста — самым законным порядком! И ведь как беспроигрышно задумано: либо завод в Либаве, либо нефть, в любом случае англичанам что-нибудь да достается! Вы как хотите, Иван Францевич, — разгорячился Фандорин, — а только я этого так не оставлю. Все ваши задания исполню, а после службы буду сам копать. И докопаюсь!

Шеф снова уставился в окно, и на сей раз молчал дольше прежнего. Эраст Петрович весь извертелся от нервов, но характер выдержал.

Наконец Бриллинг вздохнул и заговорил — медленно, с запинкой, что-то еще додумывая на ходу.

— Скорее всего чушь. Эдгар По, Эжен Сю. Пустые совпадения. Однако в одном вы правы — к англичанам обращаться не будем… Через нашу резидентуру в лондонском посольстве тоже нельзя. Если вы ошибаетесь — а вы наверняка ошибаетесь — выставим себя полными дураками. Если же предположить, что вы правы, посольство все равно ничего сделать не сможет — англичане спрячут Бежецкую или наврут что-нибудь… Да и руки у наших посольских связаны — на виду они больно… Решено! — Иван Францевич энергично взмахнул кулаком. — Конечно, Фандорин, вы бы пригодились мне и здесь, но, как говорят в народе, насильно мил не будешь. Читал ваше дело, знаю, что владеете не только французским и немецким, но и английским. Бог с вами, поезжайте в Лондон к вашей femme fatale[24]. Инструкций не навязываю — верю в вашу интуицию. Дам в

---

[24] Примечания: 1.24
роковая женщина (фр.)

посольстве одного человечка, Пыжов фамилия. Служит скромным письмоводителем, вроде вас, но занимается другими делами. По министерству иностранных диел числится губернским секретарем, но по нашей линии имеет и другое, более высокое звание. Разносторонних талантов господин. Прибудете — сразу к нему. Весьма расторопен. Впрочем, убежден, что съездите вхолостую. Но, в конце концов, вы заслужили право на ошибку. Посмотрите на Европу, покатаетесь за казенный счет. Хотя вы теперь, кажется, при собственных средствах? — Шеф покосился на узел, что бесприютно лежал на стуле.

Оторопевший от услышанного Эраст Петрович встрепенулся:

— Виноват, это мой выигрыш. Девять тысяч шестьсот рублей, я посчитал. Хотел сдать в кассу, да закрыто было.

— Ну вас к черту, — отмахнулся Бриллинг. — Вы в своем уме? Что кассир, по-вашему, в приходной книге напишет? Поступление от игры в штосс коллежского регистратора Фандорина?… Хм, постойте-ка. Несолидно как-то регистраторишке в заграничную командировку ехать.

Он сел за стол, обмакнул перо в чернильницу и стал писать, проговаривая вслух:

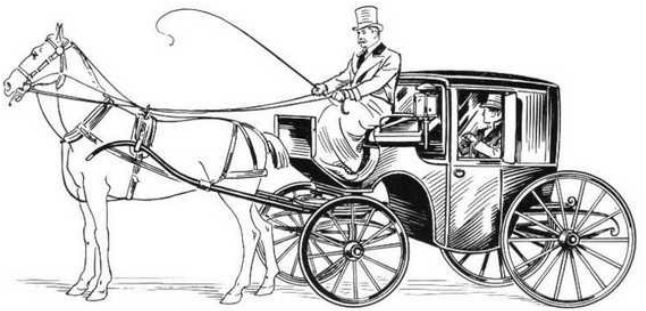
— Так-с. «Срочная телеграмма. Князю Александру Михайловичу Горчакову, лично. Копия генерал-адъютанту Лаврентию Аркадьевичу Мизинову. Ваше высокопревосходительство, в интересах известного Вам дела, а также в признание исключительных заслуг прошу вне всякой очереди и без учета выслуги произвести коллежского регистратора Эраста Петрова Фандорина…» Эх, была не была, прямо в титулярные. Тоже, конечно, невелика птица, но все же. «… в титулярные советники. Прошу также временно числить Фандорина по ведомству министерства иностранных дел в должности дипломатического курьера первой категории». Это чтобы на границе не задерживали, — пояснил Бриллинг. — Так. Число, подпись. — Кстати, дипломатическую почту вы по дороге, действительно, развезете — в Берлин, Вену, Париж. Для конспирации, чтоб не вызывать лишних подозрений. Возражений нет? — Глаза Ивана Францевича озорно блеснули.

— Никак нет, — пролепетал Эраст Петрович, не поспевая мыслью за событиями.

— А из Парижа, уже в виде инкогнито, переправитесь в Лондон. Как бишь гостиница-то называется?

— «Уинтер квин», «Зимняя королева».

Глава десятая, в которой фигурирует синий портфель



28 июня по западному стилю, а по-русскому 16-го, ближе к вечеру, перед гостиницей «Уинтер квин» что на Грей-стрит, остановилась наемная карета. Кучер в цилиндре и белых перчатках соскочил с козел, откинул ступеньку и с поклоном распахнул черную лаковую дверцу с надписью:

Dunster&Dunster

Since 1848

London Regal Tours[25]

Сначала из дверцы высунулся сафьяновый дорожный сапог, окованный серебряными гвоздиками, а потом на тротуар ловко спрыгнул цветущий юный джентльмен с пышными усами, удивительно не шедшими к его свежей физиономии, в тирольской шляпе с перышком и широком альпийском плаще. Молодой человек огляделся по сторонам, увидел тихую, ничем не примечательную улочку и с волнением воззрился на здание отеля. Это был довольно невзрачный четырехэтажный особняк в георгианском стиле, явно знававший лучшие времена.

Немного помедлив, джентльмен проговорил по-русски:

— Эх, была не была.

После этой загадочной фразы он поднялся по ступенькам и вошел в вестибюль.

Буквально в следующую секунду из паба, расположенного напротив, вышел некто в черном

---

[25] Примечания: 1.25

«Данстер и Данстер. С 1848 года. Лондонские королевские туры». (англ.)

плаще и, надвинув на самые глаза высокий картуз с блестящим козырьком, принялся прохаживаться мимо дверей гостиницы.

Однако это примечательное обстоятельство ускользнуло от внимания приезжего, который уже стоял возле стойки, разглядывая тусклый портрет какой-то средневековой дамы в пышном жабо — должно быть, той самой «Зимней королевы». Дремавший за стойкой портье довольно равнодушно приветствовал иностранца, но, увидев, как тот дает бою, всего лишь поднесшему саквояж, целый шиллинг, поздоровался еще раз, гораздо приветливей, причем теперь назвал приезжего уже не просто sir, а your honour[26].

Молодой человек спросил, есть ли свободные номера, потребовал самый лучший, с горячей водой и газетами, и записался в книге постояльцев Эразмусом фон Дорном из Гельсингфорса. После этого портье ни за что ни про что получил полсоверена и стал называть полоумного чужестранца your lordship[27].

Между тем «господин фон Дорн» пребывал в нешуточных сомнениях. Трудно было себе пред-

---

[26] Примечания: 1.26
ваша честь (англ.)

[27] Примечания: 1.27
ваша светлость (англ.)

ставить, чтобы блестящая Амалия Казимировна остановилась в этой третьеразрядной гостинице. Что-то здесь было явно не так.

В растерянности он даже спросил у изогнувшегося от усердия портье, нет ли в Лондоне другой гостиницы с таким же названием, и получил клятвенное заверение, что не только нет, но никогда и не было, если не считать той «Уинтер квин», что стояла на этом же самом месте и сгорела дотла более ста лет назад.

Неужели все впустую — и двадцатидневное кружное путешествие через Европу, и приклеенные усы, и роскошный экипаж, нанятый на вокзале Ватерлоо вместо обычного кэба, и, наконец, зря потраченный полсоверен?

Ну уж бакшиш-то ты мне, голубчик, отработаешь, подумал Эраст Петрович (будем именовать его так, несмотря на инкогнито).

— Скажите-ка, любезный, не останавливалась ли тут одна особа, некая мисс Ольсен? — с фальшивой небрежностью спросил он, облокачиваясь на стойку.

Ответ, хоть и вполне предсказуемый, заставил сердце Фандорина тоскливо сжаться:

— Нет, милорд, леди с таким именем у нас не живет и не жила.

Прочтя в глазах постояльца смятение, портье выдержал эффектную паузу и целомудренно сообщил:

— Однако упомянутое вашей светлостью имя мне не вполне незнакомо.

Эраст Петрович покачнулся и выудил из кармана еще один золотой.

— Говорите.

Портье наклонился вперед и, обдав запахом дешевой кельнской воды, шепнул:

— На имя этой особы к нам поступает почта. Каждый вечер в десять часов приходит некий мистер Морбид, по виду слуга или дворецкий, и забирает письма.

— Огромного роста, с большими светлыми бакенбардами и такое ощущение, что никогда в жизни не улыбался? — быстро спросил Эраст Петрович.

— Да, милорд, это он.

— И часто приходят письма?

— Часто, милорд, почти каждый день, а бывает, что и не одно. Сегодня, например, — портье многозначительно оглянулся на шкаф с ячейками, — так целых три.

Намек был сразу понят.

— Я бы взглянул на конверты — просто так, из

любопытства, — заметил Фандорин, постукивая по стойке очередным полсовереном.

Глаза портье зажглись лихорадочным блеском: творилось нечто невероятное, непостижимое рассудку, но чрезвычайно приятное.

— Вообще-то это строжайше запрещено, милорд, но… Если только взглянуть на конверты…

Эраст Петрович жадно схватил письма, но его ждало разочарование — конверты были без обратного адреса. Кажется, третий золотой был потрачен зря. Шеф, правда, санкционировал любые траты «в пределах разумного и в интересах дела»… А что там на штемпелях?

Штемпели заставили Фандорина задуматься: одно письмо было из Штутгарта, другое из Вашингтона, а третье аж из Рио-де-Жанейро. Однако!

— И давно мисс Ольсен получает здесь корреспонденцию? — спросил Эраст Петрович, мысленно высчитывая, сколько времени плывут письма через океан. И еще ведь надо было в Бразилию здешний адрес сообщить! Получалось как-то странно. Ведь Бежецкая могла прибыть в Англию самое раннее недели три назад.

Ответ был неожиданным:

— Давно, милорд. Когда я начал здесь служить

— а тому четыре года, — письма уже приходили.

— Как так?! Вы не путаете?

— Уверяю вас, милорд. Правда, мистер Морбид служит у мисс Ольсен недавно, пожалуй, с начала лета. Во всяком случае до него за корреспонденцией приходил мистер Мебиус, а еще раньше мистер… м-м, виноват, запамятовал, как его звали. Такой был неприметный джентльмен и тоже не из разговорчивых.

Ужасно хотелось заглянуть в конверты. Эраст Петрович испытующе посмотрел на информатора. Пожалуй, не устоит. Однако тут новоиспеченному титулярному советнику и дипломатическому курьеру первой категории пришла в голову идея получше.

— Так говорите, этот мистер Морбид приходит каждый вечер в десять?

— Как часы, милорд.

Эраст Петрович выложил на стойку четвертый полсоверен и, перегнувшись, зашептал счастливцу-портье на ухо.

Время, остававшееся до десяти часов, было использовано наипродуктивнейшим образом.

Первым делом Эраст Петрович смазал и зарядил свой курьерский «кольт».

Затем отправился в туалетную комнату и, попеременно нажимая на педали горячей и холодной воды, за каких-нибудь пятнадцать минут наполнил ванну. Полчаса он нежился, а когда вода остыла, план дальнейших действий был уже окончательно составлен.

Снова приклеив усы и немного полюбовавшись на себя в зеркало, Фандорин оделся неприметным англичанином: черный котелок, черный пиджак, черные брюки, черный галстук. В Москве его, пожалуй, приняли бы за гробовщика, но в Лондоне он, надо полагать, сойдет за невидимку. Да и ночью будет в самый раз — прикрой лацканами рубашку на груди, подтяни манжеты, и растворишься в объятьях темноты, а это для плана было крайне важно.

Осталось еще часа полтора на ознакомитель-

ную прогулку по окрестностям. Эраст Петрович свернул с Грей-стрит на широкую улицу, всю заполненную экипажами, и почти сразу же очутился у знаменитого театра «Олд-Вик», подробно описанного в путеводителе. Прошел еще немного и — о чудо! — увидел знакомые очертания вокзала Ватерлоо, откуда карета везла его до «Зимней королевы» добрых сорок минут — кучер, пройдоха, взял пять шиллингов.

Вокзал Ватерлоо.

А затем показалась и серая, неуютная в вечерних сумерках Темза. Глядя на ее грязные воды, Эраст Петрович поежился, и его почему-то охватило мрачное предчувствие. В этом чужом городе

он вообще чувствовал себя неуютно. Встречные смотрели мимо, ни один не взглянул в лицо, что, согласитесь, в Москве было бы абсолютно невообразимо. Но при этом Фандорина не покидало странное чувство, будто в спину ему уперт чей-то недобрый взгляд. Несколько раз молодой человек оглядывался и однажды вроде бы заметил, как за театральную тумбу отшатнулась фигура в черном. Тут Эраст Петрович взял себя в руки, обругал за мнительность и более не оборачивался. Все нервы проклятые. Он даже заколебался — не подождать ли с осуществлением плана до завтрашнего вечера? Тогда можно будет утром наведаться в посольство и встретиться с таинственным письмоводителем Пыжовым, про которого говорил шеф. Но трусливая осторожность — чувство постыдное, да и времени терять не хотелось. И так уж без малого три недели на пустяки ушли.

Путешествие по Европе оказалось менее приятным, чем полагал вначале окрыленный Фандорин. Территория, расположенная по ту сторону пограничного Вержболова, удручила его разительной несхожестью с родными скромными просторами. Эраст Петрович смотрел в окно вагона и все ждал, что чистенькие деревеньки и

игрушечные городки закончатся и начнется нормальный пейзаж, но чем дальше от российской границы отъезжал поезд, тем домики становились белее, а городки живописней. Фандорин все суровел и суровел, но разнюниться себе не позволял. В конце концов, не все золото, что блестит, говорил он себе, но на душе все равно сделалось как-то тошновато.

Потом ничего, пообвыкся и уже казалось, что в Москве не намного грязней, чем в Берлине, а Кремль и золотые купола церквей у нас такие, что немцам и не снилось. Мучило другое — военный агент русского посольства, которому Фандорин передал пакет с печатями, велел пока дальше не ехать и ждать секретной корреспонденции для передачи в Вену. Ожидание растянулось на неделю, и Эрасту Петровичу надоело слоняться по тенистой Унтер-ден-Линден, надоело умиляться на упитанных лебедей в берлинских парках.

То же самое повторилось и в Вене, только теперь пришлось пять дней дожидаться пакета, предназначенного для военного агента в Париже. Эраст Петрович нервничал, представляя, что «мисс Ольсен», не дождавшись весточки от своего Ипполита, съехала из отеля, и теперь ее вовек не сыскать. От нервов Фандорин подолгу сиживал в кафе, ел много миндальных пирожных и литрами пил крем-соду.

Зато в Париже он взял инициативу в свои руки: в российское представительство заглянул на пять

минут, вручил посольскому полковнику бумаги и безапелляционно заявил, что имеет особое задание и задерживаться не может ни единого часа. В наказание за бесплодно потраченное время даже Париж смотреть не стал, только проехал в фиакре по новым, только что проложенным бароном Османом бульварам — и на Северный вокзал. Потом, на обратном пути, еще будет время.

Без четверти десять, закрывшись номером «Таймс» с проверченной для обзора дыркой, Эраст Петрович уже сидел в фойе «Зимней королевы». На улице дожидался предусмотрительно нанятый кэб.

Согласно полученной инструкции, портье демонстративно не смотрел в сторону не полетнему одетого постояльца и даже норовил отвернуться в противоположную сторону.

В три минуты одиннадцатого звякнул колокольчик, дверь распахнулась и вошел исполинского роста мужчина в серой ливрее. Он, «Джон Карлыч»! Фандорин вплотную припал глазом к странице с описанием бала у принца Уэльского.

Портье воровато покосился на некстати зачитавшегося мистера фон Дорна и еще, подлец, мохнатыми бровями вверх-вниз задвигал, но объект, по счастью, этого не заметил или счел ниже своего достоинства оборачиваться.

Кэб оказался кстати. Выяснилось, что дворецкий не пришел пешком, а приехал на «эгоистке» — одноместной коляске, в которую был запряжен крепкий вороной конек. Кстати был и зарядивший дождик — «Джон Карлыч» поднял кожаный верх и теперь при всем желании не смог бы обнаружить слежку.

Приказу следовать за человеком в серой ливрее кэбмен ничуть не удивился, щелкнул длинным кнутом, и план вступил в свою первую фазу.

Стемнело. На улицах горели фонари, но не знавший Лондона Эраст Петрович очень скоро

потерял ориентацию, запутавшись в одинаковых каменных кварталах чужого, угрожающе безмолвного города. Некоторое время спустя дома стали пониже и пореже, во мраке вроде бы поплыли очертания деревьев, а еще минут через пятнадцать потянулись окруженные садами особняки. У одного из них «эгоистка» остановилась, от нее отделился гигантский силуэт и отворил высокие решетчатые ворота. Высунувшись из кэба, Фандорин увидел, как коляска въезжает в ограду, после чего ворота снова закрылись.

Сообразительный кэбмен сам остановил лошадь, обернулся и спросил:

— Должен ли я сообщить об этой поездке в полицию, сэр?

— Вот вам крона и решите этот вопрос сами, — ответил Эраст Петрович, решив, что не будет просить извозчика подождать — уж больно шустер. Да и неизвестно еще, когда ехать назад. Впереди ждала полная неизвестность.

Ограду перемахнуть оказалось нетрудно, в гимназические годы преодолевались и не такие.

Сад пугал тенями и негостеприимно тыкал в лицо сучьями. Впереди сквозь деревья смутно белели очертания двухэтажного дома под горбатой крышей. Фандорин, стараясь потише

хрустеть, подобрался к самым последним кустам (от них пахло сиренью — вероятно, это и была какая-нибудь английская сирень) и произвел рекогносцировку. Не просто дом, а, пожалуй, вилла. У входа фонарь. На первом этаже окна горят, но там, похоже, расположены службы. Гораздо интереснее зажженное окно на втором этаже (здесь вспомнилось, что у англичан он почему-то называется «первым»), но как туда подобраться? К счастью, неподалеку водосточная труба, а стена обросла чем-то вьющимся и на вид довольно ухватистым. Навыки недавнего детства опять могли оказаться кстати.

Эраст Петрович черной тенью переметнулся к самой стене и потряс водосток. Вроде бы крепкий и не дребезжит. Поскольку жизненно важно было не грохотать, подъем шел медленней, чем хотелось бы. Наконец, нога нащупала приступку, очень удачно опоясывавшую весь второй этаж, и Фандорин, осторожно уцепившись за плющ, дикий виноград, лианы — черт его знает, как назывались эти змееобразные стебли, — стал мелкими шажочками подбираться к заветному окну.

В первый миг охватило жгучее разочарование — в комнате никого не было. Лампа под розовым

абажуром освещала изящное бюро с какими-то бумагами, в углу, кажется, белела постель. Не поймешь — то ли кабинет, то ли спальня. Эраст Петрович подождал минут пять, но ничего не происходило, только на лампу, подрагивая мохнатыми крылышками, села жирная ночная бабочка. Неужто придется лезть обратно? Или рискнуть и пробраться внутрь? Он слегка толкнул раму, и она приоткрылась. Фандорин заколебался, браня себя за нерешительность и промедление, но выяснилось, что медлил он правильно — дверь отворилась и в комнату вошли двое, женщина и мужчина.

При виде женщины у Эраста Петровича чуть не вырвался торжествующий вопль — это была Бежецкая! С гладко зачесанными черными волосами, перетянутыми алой лентой, в кружевном пеньюаре, поверх которого была накинута цветастая цыганская шаль, она показалась ему ослепительно прекрасной. О, такой женщине можно простить любые прегрешения!

Обернувшись к мужчине, — его лицо оставалось в тени, но судя по росту это был мистер Морбид, — Амалия Казимировна сказала на безупречном английском (шпионка, наверняка шпионка!):

— Так это наверняка он?

— Да, мэм. Ни малейших сомнений.

— Откуда такая уверенность? Вы что, его видели?

— Нет, мэм. Сегодня там дежурил Франц. Он доложил, что мальчишка прибыл в седьмом часу. Описание совпало в точности, вы даже про усы угадали.

Бежецкая звонко рассмеялась.

— Однако нельзя его недооценивать, Джон. Мальчик из породы счастливчиков, а я этот тип людей хорошо знаю — они непредсказуемы и очень опасны.

У Эраста Петровича екнуло под ложечкой. Уж не о нем ли речь? Да нет, не может быть.

— Пустяки, мэм. Вам стоит только распорядиться… Съездим с Францем, и покончим разом. Номер пятнадцать, второй этаж.

Так и есть! Как раз в пятнадцатом номере, на третьем этаже (по-английски втором), Эраст Петрович и остановился. Но как узнали?! Откуда?! Фандорин рывком, невзирая на боль, оторвал свои постыдные, бесполезные усы.

Амалия Казимировна, или как там ее звали на самом деле, нахмурилась, в голосе зазвучал металл:

— Не сметь! Сама виновата, сама и исправлю свою ошибку. Один раз в жизни доверилась мужчине… Меня удивляет только, почему из посольства нам не дали знать о его приезде?

Фандорин весь обратился в слух. Так у них свои люди в русском посольстве! Ну и ну! А Иван Францевич еще сомневался! Скажи, кто, скажи!

Однако Бежецкая заговорила о другом:

— Письма есть?

— Сегодня целых три, мэм. — И дворецкий с поклоном передал конверты.

— Хорошо, Джон, можете идти спать. Сегодня вы мне больше не понадобитесь. — Она подавила зевок.

Когда за мистером Морбидом закрылась дверь, Амалия Казимировна небрежно бросила письма на бюро, а сама подошла к окну. Фандорин отпрянул за выступ, сердце у него бешено колотилось. Невидяще глядя огромными глазами в моросящую тьму, Бежецкая (если б не стекло, до нее можно было бы дотронуться рукой) задумчиво пробормотала по-русски:

— Вот скучища-то, прости Господи. Сиди тут, кисни…

Затем она повела себя очень странно: подошла к игривому настенному бра в виде Амура

и нажала малолетнему богу любви пальцем на бронзовый пупок. Висевшая рядом гравюра (кажется, что-то охотничье) бесшумно отъехала в сторону, обнажив медную дверцу с круглой ручкой. Бежецкая выпростала из воздушного рукава тонкую голую руку, повертела рукоятку туда-сюда, и дверца, мелодично тренькнув, открылась. Эраст Петрович прижался носом к стеклу, боясь пропустить самое важное.

Амалия Казимировна, как никогда похожая на царицу египетскую, грациозно потянулась, достала что-то из сейфа и обернулась. В руках у нее был синий бархатный портфель.

Она села к бюро, вынула из портфеля большой желтый конверт, а оттуда какой-то мелко исписанный лист. Взрезала ножом полученные письма и что-то переписала из них на листок. Это заняло не более двух минут. Потом, снова вложив письма и листки в портфель, Бежецкая зажгла пахитоску, и несколько раз глубоко затянулась, задумчиво глядя куда-то в пространство.

У Эраста Петровича затекла рука, которой он держался за стебли, в бок больно впивалась рукоятка «кольта», да еще начали ныть неудобно вывернутые ступни. Долго в таком положении ему было не простоять.

Наконец Клеопатра загасила пахитоску, встала и удалилась в дальний, слабо освещенный угол комнаты, открылась какая-то невысокая дверь, снова закрылась и донесся звук льющейся воды. Очевидно, там находилась ванная.

На бюро соблазнительно лежал синий портфель, а женщины, как известно, вечерним туалетом занимаются подолгу… Фандорин толкнул створку окна, поставил колено на подоконник и в два счета оказался в комнате. То и дело поглядывая в сторону ванной, где по-прежнему ровно шумела вода, он принялся потрошить портфель.

Внутри оказалась большая стопка писем и давешний желтый конверт. На конверте адрес: «Mr. Nickolas M. Croog, Poste restante, l'Hotel des postes, S. — Petersbourg, Russie»[28]. Так, уже неплохо. Внутри лежали разграфленные листки, исписанные по-английски хорошо знакомым Эрасту Петровичу косым почерком. В первом столбце какой-то номер, во втором название страны, в третьем чин или должность, в четвертом дата, в пятом тоже дата — разные числа июня по возрастающей. Например, самые последние три записи, судя по чернилам, только что сделанные,

---

[28] Примечания: 1.28

«Г-ну Николя М. Кроогу, до востребования, Главный почтамт, С.-Петербург, Россия» (фр.)

выглядели так:

> N.1053F, Бразилия, начальник личной охраны императора, отправлено 30 мая, получено 28 июня 1876;
>
> N.852F, Североамериканские Соединенные Штаты, заместитель председателя сенатского комитета, отправлено 10 июня, получено 28 июня 1876;
>
> N.354F, Германия, председатель окружного суда, отправлено 25 июня, получено 28 июня 1876.

Стоп! Письма, пришедшие сегодня в гостиницу на имя мисс Ольсен, были из Рио-де-Жанейро, Вашингтона и Штутгарта. Эраст Петрович порылся в стопке писем, разыскал бразильское. Внутри был листок без обращения и подписи, всего одна строчка: 30 мая, начальник личной охраны императора, N.1053F. Итак, Бежецкая зачем-то переписывает содержание получаемых ею писем на листки, которые затем отправляет в Петербург какому-то мсье Николя Кроогу или, скорее, мистеру Николасу Кроогу. Зачем? Почему в Петербург? Что это вообще все значит?

Вопросы толкались локтями, налезая один на другой, но разбираться с ними было некогда — в

ванной перестала литься вода. Фандорин наскоро запихнул бумаги и письма обратно в портфель, но ретироваться к окну не успел. В дверном проеме застыла тонкая белая фигура.

Эраст Петрович выхватил из-за пояса револьвер и свистящим шепотом приказал:

— Госпожа Бежецкая, один звук, и я вас застрелю! Подойдите и сядьте! Живо!

Она молча приблизилась, зачарованно смотря на него бездонными мерцающими глазами, села возле бюро.

— Что, не ждали? — язвительно поинтересовался Эраст Петрович. — За дурачка меня держали?

Амалия Казимировна молчала, взгляд ее был внимательным и немного удивленным, словно она видела Фандорина впервые.

— Что означают сии списки? — спросил он, тряхнув «кольтом». — При чем здесь Бразилия? Кто скрывается под номерами? Ну же, отвечайте!

— Повзрослел, — неожиданно проговорила Бежецкая тихим, задумчивым голосом. — И, кажется, возмужал.

Она уронила руку, и пеньюар сполз с округлого плеча, такого белого, что Эраст Петрович сглотнул.

— Смелый, задиристый дурачок, — сказала она все так же негромко и посмотрела ему прямо в глаза. — И очень, очень хорошенький.

— Если вы вздумали меня соблазнять, то попусту тратите время, — краснея пробормотал он. — Не такой уж я дурачок, как вы воображаете.

Амалия Казимировна грустно молвила:

— Вы — бедный мальчик, который даже не понимает, во что ввязался. Бедный красивый мальчик. И мне вас теперь не спасти…

— Подумали бы сначала о собственном спасении! — Эраст Петрович старался не смотреть на проклятое плечо, которое заголилось еще больше. Разве бывает такая сияющая, снежно-молочная кожа?

Бежецкая порывисто поднялась, и он отпрянул, выставив вперед дуло.

— Сидите!

— Не бойтесь, глупенький. Какой вы румяный. Можно потрогать?

Она протянула руку и слегка коснулась пальцами его щеки.

— Горячий… Что же мне с вами делать?

Вторая ее рука нежно легла на его пальцы, сжимавшие револьвер. Матовые немигающие

глаза были так близко, что Фандорин увидел в них два маленьких розовых отражения лампы. Странная пассивность охватила молодого человека, он вспомнил, как Ипполит предупреждал про мотылька, но вспомнил как-то отстраненно, словно и не его касалось.

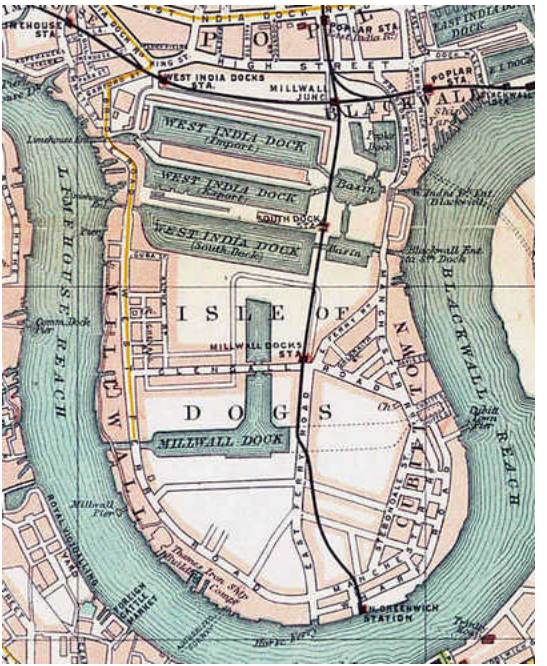
А дальше произошло вот что. Левой рукой Бежецкая отвела «кольт» в сторону, правой же схватила Эраста Петровича за воротник и рванула на себя, одновременно ударив его лбом в нос. От острой боли Фандорин ослеп, а впрочем он все равно ничего не увидел бы, потому что лампа с грохотом полетела на пол, и воцарилась кромешная тьма. От следующего удара — коленом в пах — молодой человек согнулся пополам, пальцы его судорожно сжались, и комнату озарило вспышкой, разодрало выстрелом. Амалия судорожно вдохнула воздух, полувсхлипнула-полувскрикнула, и никто больше не бил Эраста Петровича, никто не сжимал ему запястье. Раздался звук падающего тела. В ушах звенело, по подбородку в два ручья стекала кровь, из глаз лились слезы, а в низу живота было так скверно, что хотелось только одного — сжаться в комок и переждать, перетерпеть, перемычать эту невыносимую боль. Но мычать было некогда — снизу доносились

громкие голоса, грохот шагов.

Фандорин схватил со стола портфель, кинул его в окно, полез через подоконник и чуть не сорвался, потому что рука все еще сжимала пистолет. Он не помнил, как слез по трубе, очень боялся не найти в темноте портфель, однако тот был хорошо виден на белом гравии. Эраст Петрович подобрал его и побежал напролом через кусты, скороговоркой бормоча под нос: «Хорош дипломатический курьер… Женщину убил… Господи, что делать-то, что делать… Сама виновата… Я и не хотел вовсе… Куда теперь… Полиция будет искать… Или эти… Убийца… В посольство нельзя… Бежать из страны, скорей… Тоже нельзя… На вокзалах, в портах будут искать… За свой портфель они землю перевернут… Затаиться… Господи, Иван Францевич, что же делать, что делать?…» Фандорин на бегу оглянулся и увидел такое, что споткнулся и чуть не упал. В кустах неподвижно стояла черная фигура в длинном плаще. В лунном свете белело застывшее, странно знакомое лицо. Граф Зуров!

Взвизгнув, вконец ошалевший Эраст Петрович перемахнул через ограду, метнулся вправо, влево (откуда кэб-то приехал?), и решив, что все равно, побежал направо.

Глава одиннадцатая, в которой описана очень длинная ночь



На Собачьем острове, в узких улочках за Миллуолскими доками, ночь наступает быстро.

Не успеешь оглянуться, а сумерки из серых

уже стали коричневыми, и редкие фонари горят через один. Грязно, уныло, от Темзы потягивает сыростью, от помоек гнилью. И пусто на улицах, только у подозрительных пабов и дешевых меблирашек копошится какая-то нехорошая, опасная жизнь.

В номерах «Ферри-роуд» живут списанные на берег матросы, мелкие аферисты и стареющие портовые шлюхи. Плати шесть пенсов в день и живи себе в отдельной комнате с кроватью — никто не сунет нос в твои дела. Но уговор: за порчу мебели, драку и крики по ночам хозяин, Жирный Хью, оштрафует на шиллинг, а кто откажется платить — выгонит взашей. Жирный Хью с утра до вечера за конторкой, у входа. Стратегическое место — видно, кто пришел, кто ушел, кто что принес или, наоборот, хочет вынести. Публика пестрая, от такой жди всякого.

Лондонские трущёбы

Вот, например, рыжий патлатый художник-француз, только что прошмыгнувший мимо хозяина в угловой номер. Деньги у лягушатника водятся — без споров заплатил за неделю вперед, не пьет, сидит взаперти, первый раз за все время отлучился. Хью, конечно, воспользовался случаем, заглянул к нему, и что вы думаете? Художник, а в номере ни красок, ни холстов. Может, убийца какой, кто его знает — иначе зачем глаза за темными очками прятать? Констеблю, что ли, сказать? Деньги-то все равно вперед уплачены…

А рыжий художник, не ведая о том, какое опасное направление приняли мысли Жирного Хью, запер дверь на ключ и повел себя, в самом деле, более чем подозрительно. Перво-наперво плотно

задвинул занавески. Потом положил на стол покупки — булку, сыр и бутылку портера, вынул из-за пояса револьвер и сунул под подушку. На этом разоружение странного француза не закончилось. Он вытащил из-за голенища дерринджер — маленький однозарядный пистолетик, какими обычно пользуются дамы и политические убийцы, — пристроил это игрушечное на вид оружие возле бутылки портера.

Из рукава постоялец извлек узкий, короткий стилет и воткнул его в булку. Лишь после этого он зажег свечу, снял синие очки, устало потер глаза. Оглянулся на окно — не отходят ли шторы — и, сдернув с головы рыжий парик, оказался никем иным как Эрастом Петровичем Фандориным.

С трапезой было покончено в пять минут — видно, имелись у титулярного советника и беглого убийцы дела поважнее. Смахнув со стола

крошки, Эраст Петрович вытер руки о длинную богемную блузу, подошел к стоявшему в углу драному креслу, пошарил в обшивке и достал маленький синий портфель. Не терпелось продолжить работу, которой Фандорин занимался весь день и которая уже привела его к очень важному открытию.

После трагических событий минувшей ночи Эраст Петрович все же был вынужден заглянуть к себе в гостиницу, чтобы захватить хотя бы деньги и паспорт. Пускай теперь любезный друг Ипполит, мерзавец, Иуда, ищет со своими прихвостнями «Эразмуса фон Дорна» по вокзалам и портам. Кого заинтересует бедный французский художник, поселившийся в самой клоаке лондонских трущоб? Ну, а если все же пришлось рискнуть и совершить вылазку на почту, так на то была особая причина.

Но каков Зуров! Его роль в этой истории была не вполне ясна, но в любом случае неблаговидна. Непрост его сиятельство, ох непрост. Затейливые кренделя выписывает бравый гусар, открытая душа. Как ловко адресок подсунул, как все рассчитал! Одно слово — шпильмейстер. Знал, что клюнет глупый пескарь, проглотит наживку вместе с крючком. Или нет, его сиятельство что-то

такое про мотылька аллегоризировал. Полетел мотылек на огонь, полетел как миленький. И чуть было не сгорел. Так дураку и надо. Ведь ясно было, что у Бежецкой и Ипполита имеется некий общий интерес. Только такой романтический болван, как один титулярный советник (кстати, произведенный в это звание в обход других более достойных людей) мог всерьез поверить в роковую страсть на кастильский манер. Да еще Ивану Францевичу голову заморочил. Стыд-то какой! Ха-ха! Красиво излагал граф Ипполит Александрович: «Люблю и боюсь ее, ведьму, задушу собственными руками!» Вот, наверно, потешался над сосунком! И как ювелирно сработал, не хуже чем в тот раз, с дуэлью. Расчет был прост и безошибочен: занимай пост у гостиницы «Уинтер квин» и спокойно жди себе, пока глупый мотылек «Эразм» на свечку прилетит. Тут тебе не Москва — ни сыскной, ни жандармов, бери Эраста Фандорина голыми руками. И концы в воду. Уж не Зуров ли и есть тот самый «Франц», про которого дворецкий поминал? У, гнусные конспираторы. Кто у них там главный — Зуров или Бежецкая? Похоже, все-таки она… Эраст Петрович поежился, вспомнив события минувшей ночи и жалобный вскрик, с которым рухнула застреленная Амалия.

Может, ранена, не убита? Но тоскливый холодок под сердцем подсказывал, что убита, убита прекрасная царица, и жить Фандорину с этим тяжким грузом до конца своих дней.

Правда, вполне возможно, что конец этот совсем близко. Зуров знает, кто убийца, видел. Наверняка уже охота идет по всему Лондону, по всей Англии. Но почему Зуров упустил его ночью, дал уйти? Пистолета в руке испугался? Загадка…

Однако была загадка и позамысловатей — содержимое портфеля. Долгое время Фандорин никак не мог взять в толк, что означает таинственный список. Сверка показала, что записей на листках ровно столько же, сколько писем, и все данные совпадают. Только кроме числа, указанного в письме, Бежецкая дописывала еще и дату получения.

Всего записей было сорок пять. Самая ранняя датирована 1 июня, последние три появились при Эрасте Петровиче. Порядковые номера в письмах были указаны все разные; наименьший — N.47F (Бельгийское королевство, директор департамента, получено 15 июня), наибольший — N.2347F (Италия, драгунский лейтенант, получено 9 июня). Стран отправления насчиталось девять. Чаще всего попадались Англия и

Франция. Россия только однажды (N.994F, действительный статский советник, получено 26 июня, на конверте петербургский штемпель от 7 июня. Уф, не запутаться бы с календарями: 7 июня — это по-европейскому будет 19-ое. Стало быть, за неделю дошло). Должности и чины в основном упоминались высокие — генералы, старшие офицеры, один адмирал, один сенатор, даже один португальский министр, но попадалась и мелкая сошка вроде лейтенанта из Италии, судебного следователя из Франции или капитана пограничной стражи из Австро-Венгрии.

В общем, выглядело так, будто Бежецкая являлась посредницей, передаточным звеном, живым почтовым ящиком, в обязанности которого входило регистрировать поступающие сведения и переправлять их дальше — очевидно, мистеру Николасу Кроогу в Петербург. Резонно предположить, что списки переправлялись раз в месяц. Ясно и то, что до Бежецкой роль «мисс Ольсен» исполняла какая-то другая особа, о чем гостиничный портье не подозревал.

На этом очевидное исчерпывалось и возникала жгучая потребность в дедуктивном методе. Эх, был бы здесь шеф, он моментально перечислил бы возможные версии, все само разлеглось бы

по полочкам. Но шеф был далеко, а вывод напрашивался такой: прав Бриллинг, тысячу раз прав. Налицо разветвленная тайная организация с членами во многих странах — это раз. Королева Виктория и Дизраэли тут не при чем (иначе к чему отправлять донесения в Петербург?) — это два. Насчет английских шпионов Эраст Петрович сел в лужу, и пахнет здесь именно нигилистами — это три. Да и ниточки тянутся не куда-нибудь, а именно в Россию, где водятся самые страшные и непримиримые нигилисты — это четыре. И среди них подлый оборотень Зуров.

Пускай шеф прав, однако и Фандорин не зря подорожные переводил. Ивану Францевичу, поди, и в кошмарном сне не приснилось бы, с какой могущественной гидрой он ведет войну. Тут не студенты и не истеричные барышни с бомбочками и пистолетиками, тут целый тайный орден, в котором участвуют министры, генералы, прокуроры и даже какой-то действительный статский советник из Петербурга!

Вот когда на Эраста Петровича снизошло озарение (это было уже после полудня). Действительный статский советник — и нигилист? Как-то не укладывалось в голове. С начальником бразильской императорской охраны еще

ничего — в Бразилии Эраст Петрович отроду не бывал и тамошних порядков не представлял, но представить себе русского статского генерала с бомбой воображение решительно отказывалось. Одного действительного статского Фандорин знавал довольно близко — Федора Трифоновича Севрюгина, директора Губернской гимназии, где отучился без малого семь лет. Чтоб он был террористом? Чушь!

И вдруг сердце у Эраста Петровича сжалось. Никакие это не террористы, все эти солидные и респектабельные господа! Они — жертвы террора! Это нигилисты из разных стран, зашифрованные каждый под своим номером, доносят центральному революционному штабу о совершенных террористических актах!

Хотя нет, в июне в Португалии министров вроде бы не убивали — об этом непременно написали бы все газеты… Ну, значит, это кандидаты в жертвы, вот что! «Номера» испрашивают позволения у своего штаба о проведении террористического акта. А имена не указаны из конспирации.

И все встало на свои места, все прояснилось. Ведь говорил Иван Францевич что-то о ниточке, которая тянулась от Ахтырцева на какую-то подмосковную дачу, но не дослушал шефа Фандорин,

распаленный своими шпионскими бреднями.

Стоп. А драгунский-то лейтенант зачем им понадобился? Уж больно мелкая сошка. И очень просто, тут же ответил себе Эраст Петрович. Видать, перешел им дорогу безвестный итальянец. Так же как в свое время перешел дорогу белоглазому душегубу один юный коллежский регистратор из московской сыскной полиции.

Что же делать? Он тут отсиживается, а столько достойных людей под смертью ходит! Особенно жалко было Фандорину безвестного петербургского генерала. Наверно, достойный человек, и немолодой, заслуженный, дети малые… И ведь похоже, что карбонарии эти каждый месяц свои злодейские реляции высылают. То-то по всей Европе что ни день кровь льется! А нити не куда-нибудь, в Питер ведут. И вспомнились Эрасту Петровичу слова, некогда сказанные шефом: «Тут судьба России на карту поставлена». Эх, Иван Францевич, эх, господин статский советник, не только судьба России — всего цивилизованного мира.

Известить письмоводителя Пыжова. Тайно, чтобы посольский предатель не разнюхал. Но как? Ведь предателем может оказаться кто угодно, да и опасно Фандорину возле посольства

появляться, хоть бы и рыжим французом в художничьей блузе… Придется рискнуть. Послать городской почтой на имя губернского секретаря Пыжова и приписать «в собственные руки». Ничего лишнего — только свой адрес и поклон от Ивана Францевича. Умный человек, сам все поймет. А городская почта здесь, говорят, письмо адресату чуть ли не за два часа доставляет…

Так и поступил Фандорин и вот теперь, вечером, ждал — не раздастся ли осторожный стук в дверь.

Стука не было. Все произошло совсем иначе.

Поздно вечером, уже заполночь, сидел Эраст Петрович в ободранном кресле, где был спрятан синий портфель, и клевал носом в полудреме. На столе почти догорела свеча, в углах комнаты сгустился недобрый сумрак, за окном тревожно погромыхивала приближающаяся гроза. В воздухе было тоскливо и душно, будто кто-то грузный, невидимый сел на грудь и не дает вдохнуть. Фандорин покачивался где-то на неопределенной грани между явью и сном. Важные, деловые мысли вдруг вязли в какой-нибудь ненужной чуши, и тогда молодой человек, спохватившись, тряс головой, чтоб не уволокло в сонный омут.

Во время одного из таких просветлений про-

изошло странное. Сначала раздался непонятный тонкий писк. Потом, не веря собственным глазам, Эраст Петрович увидел, как ключ, торчавший в замочной скважине, стал сам по себе поворачиваться. Дверь, противненько скрипнув, поползла створкой внутрь, и на пороге возникло диковинное видение: маленький щуплый господин неопределенного возраста с бритым, круглым личиком и узкими, в лучиках мелких морщин глазами.

Фандорин, дернувшись, схватил со стола дерринджер, а видение, сладко улыбнувшись и удовлетворенно кивнув, проворковало чрезвычайно приятным, медовым тенорком:

— Ну вот и я, милый отрок. Порфирий Мартынов сын Пыжов, господний раб и губернский секретарь. Прилетел по первому же мановению. Как ветр на зов Эола.

— Как вы открыли дверь? — испуганно прошептал Эраст Петрович. — Я ведь помню, что повернул ключ на два оборота.

— А вот-с, магнитная отмычка, — охотно объяснил долгожданный гость и показал какой-то продолговатый брусок, впрочем тут же исчезнувший в его кармане. — Удобнейшая вещица. Позаимствовал у одного татя из местных. По

роду занятий приходится вступать в сношения с ужасными субъектами, обитателями самого дна общества. Совершеннейшие мизерабли, уверяю вас. Господину Юго такие и не снились. Но ведь тоже души человеческие, и к ним можно подходец сыскать.

Я их, извергов, даже люблю и отчасти коллекционирую. Сказано у поэта: всяк развлекается как может, но всех стреножит смерть одна. Или, как говорит немчура, йедес тирхен хат зайн плезирхен — у каждой зверушки свои игрушки.

По всей видимости, странный человечек обладал способностью без малейших затруднений молоть языком на любую тему, но его цепкие глазки времени даром не теряли — основательно обшарили и самого Эраста Петровича, и убранство убогой каморки.

— Я — Эраст Петрович Фандорин. От господина Бриллинга. По крайне важному делу, — сказал молодой человек, хотя первое и второе было указано в письме, а о третьем Пыжов без сомнения догадался и сам. — Только вот он мне никакого пароля не дал. Забыл, наверно.

Эраст Петрович с тревогой посмотрел на Пыжова, от которого теперь зависело его спасение, но тот только всплеснул короткопалыми ручками:

— И не нужно никакого пароля. Вздор и детские забавы. Что ж, русский русского не распознает? Да мне довольно в глазки ваши ясные посмотреть (Порфирий Мартынович придвинулся вплотную), и я вижу все, как на ладони. Юноша чистый, смелый, благородных устремлений и патриот

отечества. А как же, у нас в заведении других не держат.

Фандорин насупился — ему показалось, что губернский секретарь дурачится, держит его за несмышленыша. Поэтому свою историю Эраст Петрович изложил коротко и сухо, без эмоций. Тут выяснилось, что Порфирий Мартынович умеет не только балаболить, но и внимательнейше слушать — по этой части у него был просто талант. Пыжов присел на кровать, ручки сложил на животе, глаза, и без того в щелочку, совсем зажмурил, и его будто не стало. То есть он в буквальном смысле обратился в слух. Ни разу не перебил Пыжов говорившего, ни разу не шелохнулся. Однако временами, в ключевые моменты рассказа, высверкивало из-под закрытых век острой искоркой.

Своей гипотезой по поводу писем Эраст Петрович делиться не стал — приберег для Бриллинга, а напоследок сказал:

— И вот, Порфирий Мартынович, перед вами беглец и невольный убийца. Мне нужно срочно переправиться на континент. В Москву мне нужно, к Ивану Францевичу.

Пыжов пожевал губами, подождал, не будет ли сказано еще чего-нибудь, потом тихонько

спросил:

— А портфельчик? Не переправить ли с дипломатической? Так оно обстоятельней получится. Неровен час… Господа, по всему видать, серьезные, они ведь вас и в Европе искать станут. Через проливчик я вас, ангел мой, конечно, переправлю — дело небольшое. Если не побрезгуете утлым рыбацким челном, завтра же поплывете себе с Богом. Ловя под парус ветр ревущий.

Что у него все «ветр» да «ветр», сердито подумал Эраст Петрович, которому, по правде сказать, ужасно не хотелось расставаться с портфелем, доставшимся такой дорогой ценой. А Порфирий Мартынович, словно бы и не заметив колебаний собеседника, продолжил:

— Я не в свои дела не лезу. Ибо скромен и нелюбопытен. Однако вижу, что многого мне недосказываете. И правильно, персиковый мой, слово серебро, а молчание золото. Бриллинг Иван Францевич — птица высокого полета. Можно сказать, орел прегордый меж дроздами, абы кому важного дела не доверит. Так как же-с?

— В каком смысле?

— Насчет портфельчика-то? Я бы его со всех сторон сургучом обляпал, дал бы курьеру посмышленней, вмиг бы до Москвы долетел, как на

троечке с бубенцами. А уж я бы и телеграммку шифрованную заслал — встречайте, мол, владык небесных дар бесценный.

Видит Бог, не почестей жаждал Эраст Петрович, не ордена и даже не славы. Отдал бы он Пыжову портфель ради пользы дела, ведь с курьером и вправду надежней. Но воображение уже столько раз рисовало ему картину триумфального возвращения к шефу, с эффектным вручением драгоценного портфеля и захватывающим рассказом о перенесенных приключениях… Неужто ничего этого не будет?

И смалодушничал Фандорин. Сказал строго:

— Портфель спрятан в надежном тайнике. И доставлю его я сам. Головой за него отвечаю. Вы уж, Порфирий Мартынович, не обижайтесь.

— Ну что ж, ну что ж, — не стал настаивать Пыжов. — Воля ваша. Мне же и спокойней. Ну их, чужие секреты, мне и своих хватает. В тайнике так в тайнике. — Он поднялся, скользнул взглядом по голым стенам комнатенки. — Вы пока отдохните, дружочек. Младость сна требует. А у меня, старика, все равно бессонница, так я покамест насчет лодочки распоряжусь. Завтра (а получается, что уже сегодня) чуть светочек буду у вас. Доставлю к морскому брегу, облобызаю на

прощанье и перекрещу. А сам останусь на чужбине сиротой бесприютным прозябать. Ох, тошно Афонюшке на чужой сторонушке.

Тут Порфирий Мартынович, видно, и сам понял, что пересиропил и виновато развел руками:

— Каюсь, заболтался. Соскучился по живой русской речи, все, знаете, на витиеватость тянет. Наши умники посольские больше по-французски изъясняются, не с кем душу отвести.

За окном загрохотало уже нешуточно, кажется, и дождь пошел. Пыжов засуетился, засобирался.

— Пойду. Ой-е-ей, там бурны дышат непогоды.

В дверях обернулся, напоследок обласкал Фандорина взглядом и, низко поклонившись, растаял во мраке коридора.

Эраст Петрович запер дверь на засов и зябко передернул плечами — громовой раскат ударил чуть не в самую крышу.

Темно и жутко в убогой комнатке, что выходит единственным окном в голый, без единой травинки каменный двор. Там ненастно, там ветер и дождь, но по черно-серому, в рваных тучах небу рыщет луна. Желтый луч через щель в шторах рубит конуренку надвое, рассекает до самой кровати, где мечется в холодном поту одолеваемый кошмаром Фандорин. Он полностью одет, обут

и вооружен, только револьвер по-прежнему под подушкой.

Отягощенная убийством совесть посылает бедному Эрасту Петровичу страшное видение. Над кроватью склонилась мертвая Амалия. Глаза ее полузакрыты, из-под век стекает капелька крови, в голой руке черная роза.

— Что я тебе сделала? — жалобно стонет убитая. — Я была молода и красива, я была несчастна и одинока. Меня запутали в сети, меня обманули и совратили. Единственный человек, которого я любила, меня предал. Ты совершил страшный грех, Эраст, ты убил красоту, а ведь красота — это чудо господне. Ты растоптал чудо господне. И зачем, за что?

Кровавая капля срывается с ее щеки прямо на лоб измученному Фандорину, он вздрагивает от холода и открывает глаза. Видит, что никакой Амалии, слава Богу, нет. Сон, всего лишь сон. Но на лоб снова капает что-то ледяное.

Что это, в ужасе содрогнулся Эраст Петрович, окончательно просыпаясь, и услышал вой ветра, шум дождя, утробный рокот грома. Что за капли? Ничего сверхъестественного. Протекает потолок. Успокойся, глупое сердце, затихни.

Однако тут из-за двери тихо, но отчетливо до-

несся шелест:

— Зачем? За что?

И еще раз:

— Зачем? За что?

Это нечистая совесть, сказал себе Фандорин. Из-за нечистой совести у меня галлюцинации. Но здравая, рациональная мысль не избавила от гнусного, липкого страха, который так и лез через поры по всему телу.

Вроде бы тихо. Зарница высветила голые, серые стены и снова стало темно.

А минуту спустя раздался негромкий стук в окно. Тук-тук. И снова: тук-тук-тук.

Спокойно! Это ветер. Дерево. Сучья в стекло. Обычное дело.

Тук-тук. Тук-тук-тук.

Дерево? Какое дерево? Фандорин рывком сел. Нет там, за окном, никакого дерева! Там пустой двор. Господи, что это?

Желтая щель меж занавесок погасла, посерела — видно, луна ушла за тучи, а в следующий миг там колыхнулось что-то темное, жуткое, неведомое.

Что угодно, только не лежать так, чувствуя, как шевелятся корни волос. Только не сойти с ума.

Эраст Петрович встал и на непослушных ногах

двинулся к окну, не отводя глаз от страшного темного пятна. В то мгновение, когда он отдернул шторы, небо озарила вспышка молнии, и Фандорин увидел за стеклом, прямо перед собой, мертвенно-белое лицо с черными ямами глаз. Мерцающая нездешним светом рука с растопыренными лучеобразыми пальцами медленно провела по стеклу, и Эраст Петрович повел себя глупо, по-детски: судорожно всхлипнул, отшатнулся и, бросившись назад, к кровати, рухнул на нее ничком, закрыл голову ладонями.

Проснуться! Скорей проснуться! Отче наш, Иже еси на небесех, да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое…

Постукивание в стекло прекратилось. Он оторвал лицо от подушки, осторожно покосился в сторону окна, но ничего ужасного не увидел — ночь, дождь, частые вспышки зарниц. Примерещилось. Определенно примерещилось.

К счастью, вспомнились Эрасту Петровичу наставления индийского брамина Чандры Джонсона, учившего правильно дышать и правильно жить. Мудрая книга гласила: «Правильное дыхание — основа правильной жизни. Оно поддержит тебя в трудные минуты бытия, в нем обретешь ты спасение, успокоение и просветление. Вдыхая

жизненную силу прану, не спеши выдохнуть ее обратно, задержи ее в своих легких. Чем дольше и размеренней твое дыхание, тем больше в тебе жизненной силы. Тот достиг просветления, кто, вдохнув прану вечером, не выдохнет ее до утренней зари». Ну, до просветления Эрасту Петровичу было пока далеко, но благодаря ежеутренним упражнениям он уже научился задерживать дыхание до ста секунд. К этому верному средству прибег он и теперь. Набрал полную грудь воздуха и затих, «превратился в дерево, камень, траву». И помогло — стук сердца понемногу выровнялся, ужас отступил. На счете сто Фандорин шумно выдохнул, успокоенный победой духа над суеверием.

И тогда раздался звук, от которого громко заклацали зубы. Кто-то скребся в дверь.

— Впусти меня, — прошептал голос. — Посмотри на меня. Мне холодно. Впусти…

Ну уж это слишком, из последних остатков гордости возмутился Фандорин. Сейчас открою дверь и проснусь. Или… Или увижу, что это не сон.

Он в два прыжка достиг двери, отдернул засов и рванул створку на себя. На этом его отчаянный порыв иссяк.

На пороге стояла Амалия. Она была в белом

кружевном пеньюаре, как тогда, только волосы спутались от дождя, а на груди расплылось кровавое пятно. Страшнее всего было ее сияющее нездешним светом лицо с остановившимися, потухшими глазами. Белая, вспыхивающая искорками рука протянулась к лицу Эраста Петровича и коснулась его щеки — совсем как давеча, но только исходил от пальцев такой ледяной холод, что несчастный, сходящий с ума Фандорин попятился назад.

— Где портфель? — свистящим шепотом спросил призрак. — Где мой портфель? Я за него душу продала.

— Не отдам! — сорвалось с пересохших губ Эраста Петровича. Он допятился до кресла, в недрах которого таился похищенный портфель, плюхнулся на сиденье и для верности еще обхватил его руками.

Привидение подошло к столу. Чиркнув спичкой, зажгло свечу и вдруг звонко крикнуло:

— Your turn now! He's all yours![29]

В комнату ворвались двое — высоченный, головой до притолоки Морбид и еще один маленький, юркий.

---

[29] Примечания: 1.29
Теперь ваш черед! Отдаю его вам! (англ.)

Вконец запутавшийся Фандорин даже не шелохнулся, когда дворецкий приставил к его горлу нож, а второй ловко обшарил бока и нашел за голенищем дерринджер.

— Ищи револьвер, — приказал Морбид по-английски, и юркий не подкачал — моментально обнаружил спрятанный под подушкой «кольт».

Все это время Амалия стояла у окна, вытирая платком лицо и руки.

— Ну, все? — нетерпеливо спросила она. — Какая гадость этот фосфор. И, главное, весь маскарад был ни к чему. У него даже не хватило мозгов спрятать портфель как следует. Джон, поищите в кресле.

На Фандорина она не смотрела, словно он внезапно превратился в неодушевленный предмет.

Морбид легко выдернул Эраста Петровича из кресла, все так же прижимая к его горлу клинок, а юркий сунул руку в сиденье и извлек оттуда синий портфель.

— Дайте-ка. — Бежецкая подошла к столу, проверила содержимое. — Все на месте. Не успел переправить. Слава богу. Франц, принесите плащ, я вся продрогла.

— Так это был спектакль? — нетвердым голосом произнес храбрящийся Фандорин. — Браво. Вы великая актриса. Рад, что моя пуля пролетела мимо. Как же, такой талант пропал бы…

— Не забудьте кляп, — сказала Амалия дворецкому и, накинув на плечи принесенный Францем плащ, вышла из комнаты — даже не взглянула напоследок на опозоренного Эраста Петровича.

Юркий коротышка — вот кто за гостиницей следил, а вовсе не Зуров — достал из кармана моток тонкой веревки и туго прикрутил руки пленника к бокам. Потом схватил Фандорина

двумя пальцами за нос, и когда задыхающийся Эраст Петрович разинул рот, сунул туда каучуковую грушу.

— Порядок, — с легким немецким акцентом объявил Франц, удовлетворенный результатом. — Несу мешок.

Он выскочил в коридор и очень быстро вернулся. Последнее, что видел Эраст Петрович перед тем, как ему на плечи, до самых колен, натянули грубую мешковину, — была бесстрастная, абсолютно каменная физиономия Джона Морбида. Жаль, конечно, что белый свет показал Эрасту Петровичу на прощанье именно этот, не самый чарующий свой лик, однако в пыльной темноте мешка оказалось еще хуже.

— Дай-ка я еще веревочкой поверх перехвачу, — донесся голос Франца. — Ехать недалеко, но так оно верней будет.

— Да куда ему деться? — басом ответил Морбид. — Чуть дернется, я ему в брюхо нож всажу.

— А мы все-таки перехватим, — пропел Франц и обмотал веревкой поверх мешка так крепко, что Эрасту Петровичу стало трудно дышать.

— Пошел! — ткнул пленника дворецкий, и Фандорин вслепую двинулся вперед, не вполне понимая, почему его нельзя прирезать прямо

здесь, в комнате.

Два раза он споткнулся, на пороге гостиницы чуть не упал, но лапища Джона вовремя ухватила его за плечо.

Пахло дождем, пофыркивали лошади.

— Вы двое, как управитесь, вернитесь сюда и все приберите, — раздался голос Бежецкой. — А мы возвращаемся.

— Не беспокойтесь, мэм, — пророкотал дворецкий. — Вы сделали свою работу, мы сделаем свою.

О, как хотелось Эрасту Петровичу сказать Амалии напоследок что-нибудь этакое, что-нибудь особенное, чтоб запомнила его не глупым перетрусившим мальчишкой, а храбрецом, доблестно павшим в неравной схватке с целой армией нигилистов. Но проклятая груша лишила его даже этого последнего удовлетворения.

А тут поджидало бедного юношу еще одно потрясение, хотя, казалось бы, после всего перенесенного какие еще могли быть потрясения?

— Душенька Амалия Казимировна, — сказал по-русски знакомый уютный тенорок. — Позвольте старику с вами в карете прокатиться. Потолкуем о том о сем, да и посуше мне будет, сами видите, вымок весь. А Патрик ваш пускай в мои дрожечки

сядет да за нами едет. Не возражаете, лапушка?

— Садитесь, — сухо ответила Бежецкая. — Да только я вам, Пыжов, никакая не душенька и уж тем более не лапушка.

Эраст Петрович глухо замычал, ибо разрыдаться с грушей во рту было совершенно невозможно. Весь мир ополчился на несчастного Фандорина. Где взять столько сил, чтобы сдюжить в борьбе против сонма злодеев? Вокруг одни предатели, аспиды злоядные (тьфу, заразился от проклятого Порфирия Мартыновича словоблудием!). И Бежецкая со своими головорезами, и Зуров, и даже Пыжов, сума переметная — все враги. Прямо жить не хотелось в этот миг Эрасту Петровичу — такое он ощутил отвращение и такую усталость.

Впрочем, жить его никто особенно и не уговаривал. Похоже, у конвоиров на его счет были планы совсем иного свойства.

Сильные руки подхватили пленника и усадили на сиденье. Слева взгромоздился тяжелый Морбид, справа легкий Франц, хлопнул кнут, и Эраста Петровича откинуло назад.

— Куда? — спросил дворецкий.

— Велено к шестому пирсу. Там поглубже и течение опять же. Ты как думаешь?

— А мне все едино. К шестому так к шестому.

Итак, дальнейшая судьба Эраста Петровича представлялась достаточно ясно. Отвезут его к какому-нибудь глухому причалу, привяжут камень и отправят на дно Темзы, гнить среди ржавых якорных цепей и бутылочных осколков. Исчезнет бесследно титулярный советник Фандорин, ибо получится, что не видела его ни одна живая душа после парижского военного агента. Поймет Иван Францевич, что оступился где-то его питомец, а правды так никогда и не узнает. И невдомек им там, в Москве и Питере, что завелась у них в секретной службе подлая гадина. Вот кого изобличить бы.

А может, еще и изобличим.

Даже будучи связанным и засунутым в длинный, пыльный мешок, Эраст Петрович чувствовал себя несравненно лучше, чем двадцатью минутами ранее, когда в окно таращился фосфоресцирующий призрак и от ужаса парализовало рассудок.

Дело в том, что имелся у пленника шанс на спасение. Ловок Франц, а правый рукав прощупать не догадался. В том рукаве стилет, на него и надежда. Если б изловчиться, да пальцами до рукоятки достать… Ох, непросто это, когда рука к бедру прикручена. Сколько до него ехать, до этого

шестого пирса? Успеешь ли?

— Сиди тихо. — Морбид ткнул локтем в бок извивающегося (верно, от ужаса) пленника.

— Да уж, приятель, тут вертись не вертись, все одно, — философски заметил Франц.

Человек в мешке еще с минуту подергался, потом глухо и коротко гукнул и затих, видимо, смирившись с судьбой (проклятый стилет перед тем как вытащиться, больно обрезал запястье).

— Приехали, — объявил Джон и приподнялся, озираясь по сторонам. — Никого.

— А кому тут быть в дождь, среди ночи? — пожал плечами Франц. — Давай что ли, пошевеливайся. Нам еще назад возвращаться.

— Бери за ноги.

Они подхватили перекрученный веревкой сверток и понесли его к дощатому лодочному причалу, стрелой нависшему над черной водой.

Эраст Петрович услышал скрип досок под ногами, плеск реки. Избавление было близко. Чуть только воды Темзы сомкнутся над головой, полоснуть клинком по путам, взрезать мешковину и тихонечко вынырнуть под причалом. Отсидеться, пока эти не уйдут, и все — спасение, жизнь, свобода. И так легко и гладко это представилось, что внутренний голос вдруг шепнул Фандорину: нет, Эраст, в жизни так не бывает, обязательно приключится какая-нибудь пакость, которая испортит весь твой чудесный план.

Увы, накаркал внутренний голос, накликал беду. Пакость и в самом деле не замедлила нарисоваться — да не со стороны кошмарного мистера Морбида, а по инициативе добродушного Франца.

— Погоди, Джон, — сказал тот, когда они остановились у самого конца пирса и положили свою ношу на помост. — Не годится это — живого человека, словно кутенка, в воду кидать. Ты бы хотел быть на его месте?

— Нет, — ответил Джон.

— Ну вот, — обрадовался Франц. — Я и говорю. Захлебнуться в тухлой, поганой жиже — бр-р-р. Я такого никому не пожелаю. Давай поступим по-божески: прирежь его сначала, чтоб не мучился. Чик — и готово, а?

Эрасту Петровичу от такого человеколюбия стало скверно, но милый, чудный мистер Морбид проворчал:

— Ну да, буду я нож кровянить. Еще рукав забрызгаешь. Мало с этим щенком хлопот было. Ничего, и так сдохнет. Если ты такой добрый, придуши его веревкой, ты по этой части мастер, а я пока схожу, какую-нибудь железяку поищу.

Его тяжелые шаги удалились, и Фандорин остался наедине с человечным Францем.

— Не надо было поверх мешка обвязывать, — задумчиво произнес тот. — Всю веревку перевел.

Эраст Петрович ободряюще замычал — ничего, мол, не переживай, я уж как-нибудь обойдусь.

— Эх, бедолага, — вздохнул Франц. — Ишь стонет, сердце разрывается. Ладно, парень, не трусь. Дядя Франц для тебя своего ремня не пожалеет.

Послышались приближающиеся шаги.

— Вот, кусок рельса. В самый раз будет, — прогудел дворецкий. — Просунь под веревку. Раньше чем через месяц не всплывет.

— Подожди минутку, я только ему петельку накину.

— Да пошел ты со своими нежностями! Время не ждет, рассвет скоро!

— Извини, парень, — жалостливо сказал Франц. — Видно, такая твоя судьба. Das hast du dir selbst zu verdanken[30].

Эраста Петровича снова подняли, раскачали.

— Azazel! — строгим, торжественным голосом воскликнул Франц, и в следующую секунду спеленутое тело с плеском ухнуло в гнилую воду.

Ни холода, ни даже маслянистой тяжести водяного панцыря не чувствовал Фандорин, кромсая

---

[30] Примечания: 1.30
Сам виноват. (нем.)

стилетом намокший шнур. Больше всего возни было с правой рукой, когда же она освободилась, дело пошло споро: рраз! — и левая рука стала помогать правой; два! — и мешок рассечен сверху донизу; три! — и тяжелый обрезок рельса нырнул в мягкий ил.

Теперь только бы не всплыть раньше времени. Эраст Петрович оттолкнулся ногами, а руки выставил вперед и зарыскал ими в мутной темноте. Где-то здесь, совсем близко, должны быть опоры, на которых стоит причал. Вот пальцы коснулись скользкой, обросшей водорослями древесины. Тихо, не спеша, вверх по столбу. Чтоб без всплеска, без звука.

Под деревянным настилом пирса темным-темно. Вдруг черная вода беззвучно исторгла из своих недр белое, круглое пятно. В белом круге сразу образовался еще один, маленький и черный — это титулярный советник Фандорин жадно глотнул речного воздуха. Пахло гнилью и керосином. То был волшебный запах жизни.

А тем временем наверху, на причале, шел неспешный разговор. Затаившийся внизу слышал каждое слово. Бывало, Эраст Петрович доводил себя до умильных слез, представляя, какими словами будут вспоминать его, безвре-

менно погибшего героя, друзья и враги, какие речи будут звучать над разверстой могилой. Можно сказать, вся юность прошла в этих мечтаниях. Каково же было негодование молодого человека, когда он услышал, о каких пустяках болтают те, кто почитал себя его убийцами! И ни слова о том, над кем сомкнулись мрачные воды, — о человеке с умом и сердцем, с благородной душой и высокими устремлениями!

— Ох, обойдется мне эта прогулочка приступом ревматизма, — вздохнул Франц. — Вон как сыростью тянет. Ну чего тут стоять? Пойдем, а?

— Рано.

— Слушай, я ведь с этой беготней без ужина остался. Как думаешь, дадут нам пожрать или еще какую-нибудь работенку придумают?

— Не нашего ума дело. Как скажут, так и сделаем.

— Хоть бы телятинки холодной перехватить. В животе бурчит… Неужто будем с насиженного места срываться? Только прижился, пообвыкся. Зачем? Ведь обошлось все.

— Она знает, зачем. Раз велела, значит, надо.

— Это уж точно. Она не ошибается. Ради нее я что хочешь — папашу бы родного не пожалел. Если б, конечно, он у меня был. Мать родная для

нас столько не сделала бы, сколько она сделала.

— Само собой… Все, идем.

Эраст Петрович подождал, пока вдали стихнут шаги, для верности досчитал еще до трехсот и лишь тогда двинулся к берегу.

Когда он с великим трудом, несколько раз сорвавшись, взобрался на низенький, но почти отвесный парапет набережной, тьма уже начинала таять, теснимая рассветом. Несостоявшегося утопленника била дрожь, стучали зубы, а тут еще икота накатила — видно, наглотался затхлой речной воды. Но жить все равно было замечательно. Эраст Петрович окинул любовным взглядом серый речной простор (на той стороне ласково светились огоньки), умилился добротности приземистого пакгауза, одобрил мерное покачивание буксиров и баркасов, вытянувшихся вдоль пристани. Безмятежная улыбка озарила мокрое, с мазутной полосой на лбу лицо восставшего из мертвых. Он сладостно потянулся, да так и замер в этой нелепой позе — от угла пакгауза отделился и быстро-быстро покатился навстречу низенький, проворный силуэт.

— Вот ироды, вот бестии, — причитал силуэт на ходу тонким, издалека слышным голоском. — Ведь ничего поручить нельзя, за всем догляд

нужен. Куда вы все без Пыжова, куда? Пропадете, как щенята слепые, пропадете.

Охваченный праведным гневом, Фандорин рванулся вперед. Похоже, изменник воображал, что его сатанинское отступничество осталось нераскрытым.

Однако в руке губернского секретаря сверкнуло нехорошим блеском что-то металлическое, и Эраст Петрович сначала остановился, а потом и попятился.

— Это вы правильно, клубничный мой, рассудили, — одобрил Пыжов, и стало видно, какая упругая, кошачья у него походка. — Вы разумный отрок, я сразу определил. Это ведь что у меня, знаете? — Он помахал своей железякой, и Фандорин разглядел двуствольный пистолет необычайно большого калибра. — Жуткая штука. На здешнем разбойном жаргоне «смэшер» называется. Вот сюда, изволите ли видеть, две разрывные пульки вставляются — те самые, что Санкт-Петербургской конвенцией 68-го года запрещены. Да ведь преступники, Эрастушка, злодеи. Что им человеколюбивая конвенция! А пулька разрывная, как в мягкое попадет, вся так лепесточками и раскрывается. Мясо, косточки, жилки всякие в сплошной фарш преображает. Вы уж, ласковый

мой, полегонечку, не дергайтесь, а то я с перепугу выпалю, а потом не прощу себе такого зверства, каяться буду. Очень уж больно, если в живот попадет или еще куда-нибудь в той области.

Икнув, но уже не от холода, а от страха, Фандорин крикнул:

— Искариот! Продал отчизну за тридцать серебряников! — И снова попятился от зловещего дула.

— Как изрек великий Державин, непостоянство — доля смертных. Да и зря вы меня обижаете, дружочек. Не на тридцать сиклей я польстился, а на сумму гораздо более серьезную, аккуратнейшим образом в швейцарский банк переводимую — на старость, чтоб под забором не околеть. А вас-то, дурашку, куда занесло? На кого тявкать вздумали? В камень стрелять, только стрелы терять. Это ж силища, пирамида Хеопсова. Лбом не сковырнешь.

Эраст Петрович между тем допятился до самой кромки набережной и был вынужден остановиться, чувствуя, как низенький окаем уперся ему в лодыжку. Этого-то Пыжов, судя по всему, и добивался.

— Вот и хорошо, вот и славно, — пропел он, останавливаясь в десяти шагах от своей жерт-

вы. — А то легко ли мне такого упитанного юношу до воды потом волочь. Вы, яхонтовый мой, не тревожьтесь, Пыжов свое дело знает. Хлоп — и готово. Вместо красна личика — красна кашица. Если и выловят — не опознают. А душа сразу к ангелам воспарит. Не успела она еще нагрешить, душа-то юная.

С этими словами он поднял свое орудие, прищурил левый глаз и аппетитно улыбнулся. Стрелять не спешил, видно, наслаждался моментом. Фандорин бросил отчаянный взгляд на пустынный берег, тускло освещенный рассветом. Никого, ни единого человека. Это уж точно был конец. Возле пакгауза вроде бы возникло какое-то шевеление, но рассмотреть толком не хватило времени — грянул ужасно громкий, громче самого громкого грома выстрел, и Эраст Петрович, качнувшись назад, с истошным воплем рухнул в реку, из которой несколько минут назад с таким трудом выбрался.

Глава двенадцатая, в которой герой узнает, что у него вокруг головы нимб

Однако сознание не покинуло застреленного, да и боли почему-то совсем не было. Ничего не понимая, Эраст Петрович замолотил руками по воде. Что такое? Жив он или убит? Если убит, то почему так мокро?

Над бордюром набережной возникла голова Зурова. Фандорин ничуть не удивился: во-первых, его в данный момент вообще трудно было бы чем-то удивить, а во-вторых, на том свете (если это, конечно, он) могло произойти и не такое.

— Эразм! Ты живой? Я тебя задел? — с надрывом вскричала голова Зурова. — Давай руку.

Эраст Петрович высунул из воды десницу и был единым мощным рывком выволочен на твердь. Первое, что он увидел, встав на ноги, — маленькую фигурку, что лежала ничком, вытянув вперед руку с увесистым пистолетом. Сквозь жидкие пегие волосенки на затылке чернела дыра, снизу растекалась темная лужица.

— Ты ранен? — озабоченно спросил Зуров, вертя и ощупывая мокрого Эраста Петровича. — Не понимаю, как это могло приключиться. Просто revolution dans la balistique[31]. Да нет, не может быть.

— Зуров, вы?! — просипел Фандорин, наконец уразумев, что все еще находится не на том свете, а на этом.

— Не «вы», а «ты». Мы на брудершафт пили, забыл?

— Но за-зачем? — Эраста Петровича снова начало колотить. — Непременно хотите сами меня прикончить? Вам что, премию за это обещал этот ваш Азазель? Да стреляйте, стреляйте, будь вы прокляты! Надоели вы мне все хуже манной каши!

Про манную кашу вырвалось непонятно откуда — должно быть, что-то давно забытое из детства. Эраст Петрович хотел и рубаху на груди рвануть — вот, мол, тебе моя грудь, стреляй, но Зуров бесцеремонно тряхнул его за плечи.

— Кончай бредить, Фандорин. Какой Азазель? Какая каша? Дай-ка я тебя в чувство приведу. — И незамедлительно влепил измученному Эрасту

---

[31] Примечания: 1.31
революция в баллистике (фр.)

Петровичу две звонкие оплеухи. — Это же я, Ипполит Зуров. Немудрено, что у тебя после таких напастей мозги расквасились. Ты обопрись на меня. — Он обхватил молодого человека за плечи. — Сейчас отвезу тебя в гостиницу. У меня тут лошадка привязана, у этого (он пнул ногой недвижное тело Пыжова) — дрожки. Домчим с ветерком. Обогреешься, хватанешь грогу и разъяснишь мне, что у вас здесь за шапито такое творится.

Фандорин с силой оттолкнул графа:

— Нет уж, это ты мне разъясни! Ты откуда (ик) здесь взялся? Зачем за мной следил? Ты с ними заодно?

Зуров сконфуженно покрутил черный ус.

— Это в двух словах не расскажешь.

— Ничего, у меня (ик) время есть. С места не тронусь!

— Ладно, слушай.

И вот что поведал Ипполит.

* * *

— Думаешь, я спроста тебе адрес Амалии дал? Нет, брат Фандорин, тут целая психология. Понравился ты мне, ужас как понравился. Есть в тебе что-то… Не знаю, печать какая-то, что ли. У меня

на таких, как ты, нюх. Я будто нимб у человека над головой вижу, этакое легкое сияние. Особые это люди, у кого нимб, судьба их хранит, от всех опасностей оберегает. Для чего хранит — человеку и самому невдомек. Стреляться с таким нельзя — убьет. В карты не садись — продуешься, какие кундштюки из рукава ни мечи. Я у тебя нимб разглядел, когда ты меня в штосс обчистил, а потом жребий на самоубийство метать заставил. Редко таких, как ты, встретишь. Вот у нас в отряде, когда в Туркестане пустыней шли, был один поручик, по фамилии Улич. В любое пекло лез, и все ему нипочем, только зубы скалил. Веришь ли, раз под Хивой я собственными глазами видел, как в него ханские гвардейцы залп дали. Ни царапины! А потом кумысу прокисшего попил — и баста, закопали Улича в песке. Зачем его Господь в боях сберег? Загадка! Так вот, Эразм, и ты из этих, уж можешь мне поверить. Полюбил я тебя, в ту самую минуту полюбил, когда ты без малейшего колебания пистолет к голове приставил и курок спустил. Только моя любовь, брат Фандорин, — материя хитрая. Я того, кто ниже меня, любить не могу, а тем, кто выше, завидую смертно. И тебе позавидовал. Приревновал к нимбу твоему, к везению несусветному. Ты гляди,

вот и сегодня ты сухим из воды вышел. Ха-ха, то есть вышел-то, конечно, мокрым, но зато живым, и ни царапинки. А с виду — мальчишка, щенок, смотреть не на что.

До сего момента Эраст Петрович слушал с живым интересом и даже слегка розовел от удовольствия, на время и дрожать перестал, но на «щенка» насупился и два раза сердито икнул.

— Да ты не обижайся, я по-дружески, — хлопнул его по плечу Зуров. — В общем, подумал я тогда: это судьба мне его посылает. На такого Амалия беспременно клюнет. Приглядится получше и клюнет. И все, избавлюсь от сатанинского наваждения раз и навсегда. Оставит она меня в покое, перестанет мучить, водить на цепке, как косолапого на ярмарке. Пускай мальчугана этого своими казнями египетскими изводит. Вот и дал тебе ниточку, знал, что ты от своего не отступишься… Ты плащ-то накинь и на, из фляги хлебни. Изыкался весь.

Пока Фандорин, стуча зубами, глотал из большой плоской фляги плескавшийся на донышке ямайский ром, Ипполит набросил ему на плечи свой щегольский черный плащ на алой атласной подкладке, а затем деловито перекатил ногами труп Пыжова к кромке набережной, перевалил

через бордюр и спихнул в воду. Один глухой всплеск — и осталась от неправедного губернского секретаря только темная лужица на каменной плите.

— Упокой, Господи, душу раба твоего не-знаю-как-звали, — благочестиво молвил Зуров.

— Пы-пыжов, — снова икнул Эраст Петрович, но зубами, спасибо рому, больше не стучал. — Порфирий Мартынович Пыжов.

— Все равно не запомню, — беспечно дернул плечом Ипполит. — Да ну его к черту. Дрянь был человечишко, по всему видать. На безоружного с пистолетом — фи. Он ведь, Эразм, убить тебя хотел. Я, между прочим, жизнь тебе спас, ты это понял?

— Понял, понял. Ты дальше рассказывай.

— Дальше так дальше. Отдал я тебе адрес Амалии, и со следующего дня взяла меня хандра — да такая, что не приведи Господь. Я и пил, и к девкам ездил, и в банчок до полста тыщ спустил — не отпускает.

Спать не могу, есть не могу. Пить, правда, могу. Все вижу, как ты с Амалией милуешься и как смеетесь вы надо мной. Или, того хуже, вообще обо мне не вспоминаете. Десять дней промаялся, чувствую — умом могу тронуться. Жана, лакея моего помнишь? В больнице лежит. Сунулся ко мне с увещеваниями, так я ему нос своротил и два ребра сломал. Стыдно, брат Фандорин. Как в горячке я был. На одиннадцатый день сорвался. Решил, все: убью обоих, а потом и себя порешу. Хуже, чем сейчас, все равно не будет. Как через

Европу ехал — убей Бог, не помню. Пил, как верблюд кара-кумский.

Когда Германию проезжали, каких-то двоих пруссаков из вагона выкинул. Впрочем, не помню. Может, примерещилось. Опомнился уже в Лондоне. Первым делом в гостиницу. Ни ее, ни тебя. Гостиница — дыра, Амалия в таких отродясь не останавливалась. Портье, бестия, по-французски ни слова, я по-английски знаю только «баттл виски» и «мув ер асс» — один мичман научил. Значит: давай бутылку крепкой, да поживей. Я этого портье, сморчка английского, про мисс Ольсен спрашиваю, а он лопочет что-то по-своему,

башкой мотает, да пальцем куда-то назад тычет. Съехала мол, а куда — неведомо. Тогда я про тебя заход делаю: «Фандорин, говорю, Фандорин, мув ер асс». Тут он — ты только не обижайся — вообще глаза выпучил. Видно, твоя фамилия по-английски звучит неприлично. В общем, не пришли мы с холуем к взаимопониманию. Делать нечего — поселился в этом клоповнике, живу. Распорядок такой: утром к портье, спрашиваю: «Фандорин?» Он кланяется, отвечает: «Монинг, се». Еще не приехал, мол. Иду через улицу, в кабак, там у меня наблюдательный пункт. Скучища, рожи вокруг тоскливые, хорошо хоть «баттл виски» и «мув ер асс» выручают. Трактирщик сначала на меня пялился, потом привык, встречает, как родного. Из-за меня у него торговля бойчей идет: народ собирается посмотреть, как я крепкую стаканами глушу. Но подходить боятся, издалека смотрят. Слова новые выучил: «джин» — это можжевеловая, «рам» — это ром, «брэнди» — это дрянной коньячишка. В общем, досиделся бы я на этом наблюдательном посту до белой горячки, но на четвертый день, слава Аллаху, ты объявился. Подъехал этаким франтом, в лаковой карете, при усах. Кстати, зря сбрил, с ними ты помолодцеватей. Ишь, думаю, петушок, хвост распустил.

Сейчас будет тебе вместо «мисс Ольсен» кукиш с маслом. Но с тобой прохвост гостиничный по-другому запел, не то, что со мной, и решил я, что затаюсь, подожду, пока ты меня на след выведешь, а там как карта ляжет. Крался за тобой по улицам, как шпик из сыскного. Тьфу! Совсем ум за разум заехал. Видел, как ты с извозчиком договаривался, принял меры: взял в конюшне лошадку, копыта гостиничными полотенцами обмотал, чтоб не стучали. Это чеченцы так делают, когда в набег собираются. Ну, не в смысле, что гостиничными полотенцами, а в смысле, что каким-нибудь тряпьем, ты понял, да?

Эраст Петрович вспомнил позапрошлую ночь. Он так боялся упустить Морбида, что и не подумал посмотреть назад, а слежка-то, выходит, была двойной.

— Когда ты к ней в окно полез, у меня внутри прямо вулкан заклокотал, — продолжил свой рассказ Ипполит. — Руку себе до крови прокусил. Вот, смотри. — Он сунул Фандорину под нос ладную, крепкую руку — и точно, между большим и указательным пальцами виднелся идеально ровный полумесяц от укуса. — Ну все, говорю себе, сейчас тут разом три души отлетят — одна на небо (это я про тебя), а две прямиком в преис-

подню… Помешкал ты там чего-то у окна, потом набрался нахальства, полез. У меня последняя надежда: может выгонит она тебя. Не любит она такого наскока, сама предпочитает командовать. Жду, у самого поджилки трясутся. Вдруг свет погас, выстрел и ее крик! Ох, думаю, застрелил ее Эразм, горячая голова. Допрыгалась, дошутилась! И так мне, брат Фандорин, вдруг тоскливо стало, будто совсем один я на всем белом свете и жить больше незачем… Знал, что плохо она кончит, сам порешить ее хотел, а все равно… Ты ведь меня видел, когда мимо пробегал? А я застыл, словно в параличе, даже не окликнул тебя. Как в тумане стоял… Потом чудное началось, и чем дальше, тем чуднее. Перво-наперво выяснилось, что Амалия жива. Видно, промазал ты в темноте. Она так вопила и на слуг ругалась, что стены дрожали. Приказывает что-то по-английски, холопы бегают, суетятся, по саду шныряют. Я — в кусты и затаился. В голове полнейший ералаш. Чувствую себя этаким болваном в преферансе. Все пульку гоняют, один я на сносе сижу. Ну нет, не на того напали, думаю. Зуров отродясь в фофанах не хаживал. Там в саду заколоченная сторожка, с две собачьих будки величиной. Я доску отодрал, сел в секрет, мне не привыкать. Веду наблюдение,

глазенапы навострил, ушки на макушке. Сатир, подстерегающий Психею. А у них там такой там-тарарам! Чисто штаб корпуса перед высочайшим смотром. Слуги носятся то из дома, то в дом, Амалия покрикивает, почтальоны телеграммы приносят. Я в толк не возьму — что же там такое мой Эразм учинил? Вроде благовоспитанный юноша. Ты что с ней сделал, а? Лилию на плече углядел, что ли? Нет у нее никакой лилии, ни на плече, ни на прочих местах. Ну скажи, не томи.

Сатир и психея

Эраст Петрович только нетерпеливо махнул — продолжай, мол, не до глупостей.

— В общем, разворошил ты муравейник. Этот твой покойник (Зуров кивнул в сторону реки, где нашел последний приют Порфирий Мартынович) два раза приезжал. Второй раз уже перед самым вечером…

— Ты что, всю ночь и весь день там просидел? — ахнул Фандорин. — Без еды, без питья?

— Ну, без еды я долго могу, было бы питье. А питье было. — Зуров похлопал по фляге. — Конечно, пришлось рацион ввести. Два глотка в час. Тяжело, но при осаде Махрама вытерпел и не такое, я тебе потом расскажу. Для моциона пару раз выбирался лошадь проведать. Я ее в соседнем парке к ограде привязал. Нарву ей травки, поговорю с ней, чтоб не скучала, и назад, в сторожку. У нас бесприютную кобылку в два счета бы увели, а здешние народ квелый, нерасторопный. Не додумались. Вечером моя буланая мне очень даже пригодилась. Как прикатил покойник (Зуров снова кивнул в сторону реки) во второй раз, засобирались твои неприятели в поход. Представь картину. Впереди сущим Бонапартом Амалия в карете, на козлах два крепких молодца. Следом в дрожках покойник. Потом в коляске двое лакеев.

А поодаль под мраком ночи я на своей буланке, словно Денис Давыдов, — только четыре полотенца в темноте туда-сюда ходят. — Ипполит хохотнул, мельком взглянул на красную полосу восхода, пролегшую вдоль реки. — Заехали в какую-то тьмутаракань, ну чисто Лиговка: паршивые домишки, склады, грязь. Покойник залез в карету к Амалии — видно, совет держать. Я лошадку в подворотне привязал, смотрю, что дальше будет. Покойник зашел в дом с какой-то вывеской, пробыл с полчаса. Тут климат портиться стал. В небе канонада, дождь поливает. Мокну, но жду — интересно. Снова появился покойник, шмыг к Амалии в карету. Опять у них, стало быть, консилиум. А мне за шиворот натекло, и фляга пустеет. Хотел я им уже устроить явление Христа народу, разогнать всю эту шатию-братию, потребовать Амалию к ответу, но вдруг дверца кареты распахнулась, и я увидел такое, что не приведи Создатель.

— Привидение? — спросил Фандорин. — Мерцающее?

— Точно. Бр-р, мороз по коже. Не сразу сообразил, что это Амалия. Опять интересно стало. Повела она себя странно. Сначала зашла в ту же дверь, потом исчезла в соседней подворотне,

потом снова в дверь нырнула. Лакеи за ней. Короткое время спустя выводят какой-то мешок на ножках. Это уж я потом сообразил, что они тебя сцапали, а тогда невдомек было. Дальше армия у них поделилась: Амалия с покойником сели в карету, дрожки поехали за ними, а лакеи с мешком, то бишь с тобой, покатили в коляске в другую сторону. Ладно, думаю, до мешка мне дела нет. Надо Амалию спасать, в скверную историю она вляпалась. Еду за каретой и дрожками, копыта тяп-тяп, тяп-тяп. Отъехали не так далеко — стоп. Я спешился, держу буланку за морду, чтоб не заржала. Из кареты вылез покойник, говорит (ночь тихая, далеко слышно): «Нет уж, душенька, я лучше проверю. На сердце что-то неспокойно. Шустер больно отрок наш. Ну, а понадоблюсь — знаете, где меня сыскать». Я сначала взвился: какая она тебе «душенька», стручок поганый. А потом меня осенило. Уж не об Эразме ли речь? — Ипполит покачал головой, явно гордясь своей догадливостью. — Ну, дальше просто. Кучер с дрожек пересел на козлы кареты. Я поехал за покойником. Стоял во-он за тем углом, все хотел понять, чем ты ему насолил. Да вы тихо говорили, ни черта не слыхать было. Не думал стрелять, да и темновато было для хорошего выстрела, но он бы

тебя точно убил — я по его спине видел. У меня, брат, на такие штуки глаз верный. Выстрел-то каков! Скажи, зря Зуров пятаки дырявит? С сорока шагов точно в темечко, да еще освещение учти.

— Положим, не с сорока, — рассеянно произнес Эраст Петрович, думая о другом.

— Как не с сорока?! — загорячился Ипполит. — Да ты посчитай! — И даже принялся было отмерять шаги (пожалуй, несколько коротковатые), но Фандорин его остановил.

— Ты теперь куда?

Зуров удивился:

— Как куда? Приведу тебя в человеческий вид, ты мне объяснишь толком, что за хреновина у вас тут происходит, позавтракаем, а потом к Амалии поеду. Пристрелю ее, змею, к чертовой матери. Или увезу. Ты только скажи, мы с тобой союзники или соперники?

— Значит, так, — поморщился Эраст Петрович, устало потерев глаза. — Помогать мне не надо — это раз. Объяснять я тебе ничего не буду — это два. Амалию пристрелить — дело хорошее, да только как бы тебя там самого не пристрелили — это три. И никакой я тебе не соперник, меня от нее с души воротит — это четыре.

— Пожалуй, лучше все-таки пристрелить, — за-

думчиво сказал на это Зуров. — Прощай, Эразм. Бог даст, свидимся.

* * *

После ночных потрясений день Эраста Петровича при всей своей насыщенности получился каким-то дерганым, словно состоящим из отдельных, плохо друг с другом связанных фрагментов. Вроде бы Фандорин и размышлял, и принимал осмысленные решения, и даже действовал, но все это происходило будто само по себе, вне общего сценария. Последний день июня запомнился нашему герою как череда ярких картинок, меж которыми пролегла пустота.

Вот утро, берег Темзы в районе доков. Тихая, солнечная погода, воздух свеж после грозы. Эраст Петрович сидит на жестяной крыше приземистого пакгауза в одном исподнем. Рядом разложена мокрая одежда и сапоги. Голенище одного распорото, на солнце сушатся раскрытый паспорт и банкноты. Мысли вышедшего из вод путаются, сбиваются, но неизменно возвращаются в главное русло.

Они думают, что я мертв, а я жив — это раз. Они думают, что про них никто больше не знает, а я знаю — это два. Портфель потерян — это три. Мне

никто не поверит — это четыре. Меня посадят в сумасшедший дом — это пять…

Нет, сначала. Они не знают, что я жив — это раз. Меня больше не ищут — это два. Пока хватятся Пыжова, пройдет время — это три. Теперь можно наведаться в посольство и послать шифрованную депешу шефу — это четыре…

Нет. В посольство нельзя. А что если там в иудах не один Пыжов? Узнает Амалия, и все начнется сызнова. В эту историю вообще никого посвящать нельзя. Только шефа. И телеграмма тут не годится. Решит, что Фандорин от европейских впечатлений рассудком тронулся. Послать в Москву письмо? Это можно, да ведь запоздает.

Как быть? Как быть? Как быть?

Сегодня по-здешнему последний день июня. Сегодня Амалия подведет черту под своей июньской бухгалтерией, и пакет уйдет в Петербург к Николасу Кроогу. Первым погибнет действительный статский советник, заслуженный, с детьми. Он там же, в Петербурге, до него они в два счета доберутся. Довольно глупо с их стороны — писать из Петербурга в Лондон, чтобы получить ответ снова в Петербурге. Издержки конспирации. Очевидно, филиалам тайной организации неизвестно, где находится главный штаб. Или штаб

перемещается из страны в страну? Сейчас он в Петербурге, а через месяц еще где-то. Или не штаб, а один человек? Кто, Кроог? Это было бы слишком просто, но Кроога с пакетом надо задержать.

Как остановить пакет?

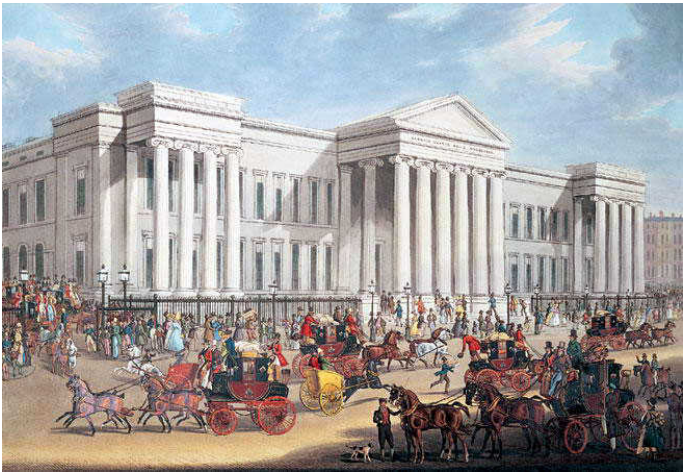
Никак. Это невозможно.

Стоп. Его нельзя остановить, но его можно опередить! Сколько дней идет почта до Петербурга?

Следующее действие разыгрывается несколько часов спустя, в кабинете директора Восточно-центрального почтового округа города Лондона. Директор польщен — Фандорин представился русским князем — и зовет его prince и Your Highness[32], произнося титулование с нескрываемым удовольствием. Эраст Петрович в элегантной визитке и с тросточкой, без которой настоящий prince немыслим.

---

[32] Примечания: 1.32
князь, ваше высочество (англ.)



— Мне очень жаль, prince, но ваше пари будет проиграно, — уже в третий раз объясняет почтовый начальник бестолковому русскому. — Ваша страна — член учрежденного в позапрошлом году Всемирного почтового союза, который объединяет 22 государства с более чем 350-миллионным населением. На этом пространстве действуют единые регламенты и тарифы. Если письмо послано из Лондона сегодня, 30 июня, срочным почтовым отправлением, то вам его не опередить — ровно через шесть дней, утром 6 июля, оно будет на Санкт-Петербургском почтамте. Ну, не шестого, а какое там получится по вашему

календарю?

— Отчего же оно будет, а я нет? — не может взять в толк «князь». — Не по воздуху же оно долетит!

Директор с важным видом поясняет:

— Видите ли, ваше высочество, пакеты со штемпелем «срочно» доставляются без единой минуты промедления. Предположим, вы садитесь на вокзале Ватерлоо в тот же поезд, которым отправлено срочное письмо. В Дувре вы попадаете на тот же паром. В Париж, на Северный вокзал, вы тоже прибываете одновременно.

Париж. Северный вокзал.

— Так в чем же дело?

— А в том, — торжествует директор, — что нет ничего быстрее срочной почты! Вы прибыли в Париж, и вам нужно пересесть на поезд, идущий до Берлина. Нужно купить билет — ведь заранее вы его не заказали. Нужно найти извозчика и ехать через весь центр на другой вокзал.

Париж. Восточный вокзал.

Нужно дожидаться берлинского поезда, который отправляется один раз в день. Теперь вернемся к нашему срочному письму. С Северного вокзала оно в специальной почтовой дрезине, по окружной железной дороге, доставляется к первому же поезду, движущемуся в восточном

направлении. Это может быть даже не пассажирский, а товарный поезд с почтовым вагоном.

— Но и я могу сделать то же самое! — возбужденно восклицает Эраст Петрович.

Патриот почтового дела строго на это отвечает:

— Возможно, у вас в России такое и допустимо, но только не в Европе. Хм, предположим, француза подкупить еще можно, но при пересадке в Берлине у вас ничего не выйдет — почтовые и железнодорожные чиновники в Германии славятся своей неподкупностью.

— Неужели все пропало? — восклицает по-русски вконец отчаявшийся Фандорин.

— Что, простите?

— Так вы считаете, что пари я проиграл? — уныло спрашивает «князь», вновь переходя на английский.

— А в котором часу ушло письмо? Впрочем, неважно. Даже если вы прямо отсюда броситесь на вокзал, уже поздно.

Слова англичанина производят на русского аристократа магическое действие.

— В котором часу? Ну да, конечно! Сегодня еще июнь! Морбид заберет письма только в десять вечера! Пока она перепишет… А зашифровать?

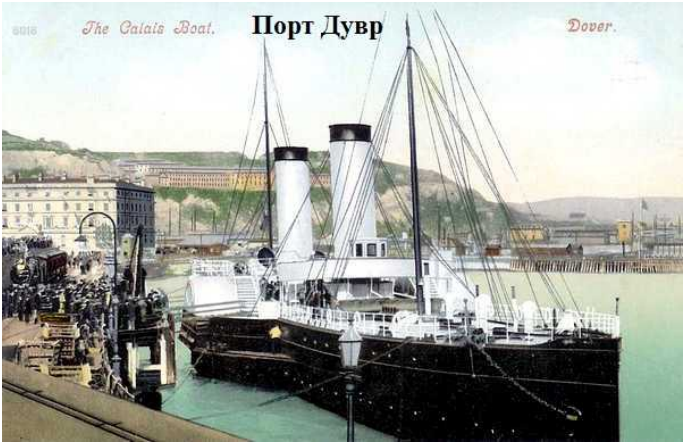
Ведь не пошлет же она прямо так, открытым текстом? Непременно зашифрует, а как же! А это значит, что пакет уйдет только завтра! И придет не шестого, а седьмого! По-нашему, двадцать пятого июня! У меня день форы!

— Я ничего не понимаю, prince, — разводит руками директор, но Фандорина в кабинете уже нет — за ним только что захлопнулась дверь.

Вслед несется:

— Your Highness, ваша трость!… Ох уж, эти русские boyars.

И, наконец, вечер этого многотрудного, будто окутанного туманом, но очень важного дня. Воды Ла-Манша. Над морем бесчинствует последний июньский закат. Паром «Герцог Глостер» держит курс на Дюнкерк. На носу стоит Фандорин истинным бриттом — в кепи, клетчатом костюме и шотландской накидке. Смотрит он только вперед, на французский берег, приближающийся мучительно медленно. На меловые скалы Дувра Эраст Петрович ни разу не оглянулся.



Его губы шепчут:

— Только бы она подождала с отправкой до завтра. Только бы подождала…

Глава тринадцатая, в которой описаны события, случившиеся 25 июня

Сочное летнее солнце разрисовало пол в операционном зале петербургского Главного почтамта золочеными квадратами.

С. Петербургъ — St. Pétersbourg

Почтамская улица и Главный Почтамтъ
La Poste et rue de la Poste

К вечеру один из них, превратившись в длинный прямоугольник, добрался до окошка «Корреспонденция до востребования» и моментально нагрел стойку. Стало душно и сонно, умиротворяюще жужжала муха, и сидевшего в окошке

служителя разморило — благо поток посетителей потихоньку иссякал. Еще полчасика, и двери почтамта закроются, а там только сдать учетную книгу, и можно домой. Служитель (впрочем, назовем его по имени — Кондратий Кондратьевич Штукин, семнадцать лет службы по почтовому ведомству, славный путь от простого почтальона к классному чину) выдал бандероль из Ревеля пожилой чухонке со смешной фамилией Пырву и посмотрел, сидит ли еще англичанин.

Сидел англичанин, никуда не делся. Вот ведь нация упорная. Появился англичанин с самого утра, едва открылся почтамт, и как уселся с газетой возле стенки, так весь день и просидел, не пил, не ел, даже, пардон, по нужному делу ни разу не отлучился. Чистый истукан. Видно, назначил ему тут кто-то встречу, да не пришел — у нас это сколько угодно, а британцу невдомек, народ дисциплинированный, пунктуальный. Когда кто-нибудь, особенно если иностранного вида, подходил к окошку, так англичанин весь подбирался и даже синие очки на самый кончик носа сдвигал. Но все не те оказывались. Наш давно бы уже возмутился, руками замахал, стал бы всем вокруг жаловаться, а этот уткнулся в свою «Таймс» и сидит.

Или, может, податься человеку некуда. Приехал прямо с вокзала — вон у него и костюм дорожный клетчатый, и саквояж — думал, встретят, ан нет. Что ж ему остается делать? Вернувшись с обеда, Кондратий Кондратьевич сжалился над сыном Альбиона, подослал к нему швейцара Трифона спросить — не нужно ли чего, но клетчатый только раздраженно помотал головой и сунул Трифону двугривенный: отстань, мол. Ну, как хочешь.

У окошка возник мужичонка, по виду из кучеров, сунул мятый паспорт:

— Глянь-ка, мил человек, нет ли чего для Круга Николы Митрофаныча?

— Откуда ожидаешь? — строго спросил Кондратий Кондратьевич, беря паспорт.

Ответ был неожиданным:

— С Англии, с города Лондону.

Самое удивительное, что письмо из Лондона нашлось — только не на «К», а на латинское «С». Ишь ты, «Mr. Nickolas M. Croog» выискался! Чего только не насмотришься на выдаче до востребования.

— Да это точно ты? — не столько из сомнения, сколько из любопытства спросил Штукин.

— Не сумлевайся, я, — довольно грубо ответил

кучер, залез в окошко своей лапищей и цапнул желтый пакет со срочным штампом.

Кондратий Кондратьевич сунул ему учетную книгу.

— Расписываться умеешь?

— Не хужей других. — И хам поставил в графе «получено» какую-то раскоряку.

Проводив неприятного посетителя рассерженным взглядом, Штукин привычно покосился на англичанина, но тот исчез. Должно быть, отчаялся дождаться.

Эраст Петрович с замиранием сердца поджидал кучера на улице. Вот тебе и Николас Кроог! Чем дальше, тем непонятней. Но главное — шестидневный марш-бросок через всю Европу был не напрасен! Опередил, догнал, перехватил! Теперь будет что шефу предъявить. Только бы не упустить этого Круга.

У тумбы дремал нанятый на весь день извозчик. Он совсем осовел от вынужденного безделья и очень страдал, что запросил с чудного барина всего пять рублей — за такую муку мученическую можно было и шесть взять. Увидев наконец-то появившегося седока, извозчик приосанился и подобрал вожжи, но Эраст Петрович и не взглянул в его сторону.

Появился объект. Спустился по ступенькам, натянул синюю фуражку и направился к стоявшей неподалеку карете. Фандорин не спеша двинулся следом. У кареты объект остановился, снова сдернул фуражку и, поклонившись, протянул желтый пакет. Из окна высунулась мужская рука в белой перчатке, взяла пакет.

Фандорин заспешил, чтобы успеть рассмотреть лицо неизвестного. И успел.

В карете, рассматривая на свет сургучные печати, сидел рыжеволосый господин с пронзительными зелеными глазами и россыпью веснушек на бледном лице. Эраст Петрович сразу его признал — как же, мистер Джеральд Каннингем собственной персоной, блестящий педагог, друг сирот и правая рука леди Эстер.

Получалось, что извозчик протомился зря, — адрес мистера Каннингема узнать нетрудно. Пока же было дело более срочное.

Кондратия Кондратьевича ждал сюрприз: англичанин вернулся. Теперь он ужасно спешил. Подбежал к пункту приема телеграмм, просунул голову в самое окошко и стал диктовать Михал Николаичу что-то очень спешное. И Михал Николаич тоже как-то засуетился, заторопился, что вообще-то было на него мало похоже.

Штукину стало любопытно. Он поднялся (благо, посетителей не было) и как бы прогуливаясь, отправился на другую сторону зала, к телеграфному аппарату. Остановился возле сосредоточенно работающего ключом Михал Николаича, немножко изогнулся и прочел наскоро накорябанное:

«В Сыскное управление Московской полиции. Крайне срочное. Статскому советнику господину Бриллингу. Вернулся. Прошу немедля со мной связаться. Жду ответа у аппарата. Фандорин».

Вон оно что, теперь понятно. Штукин взглянул на «англичанина» по-новому. Сыскной, значит. Разбойников ловим. Ну-ну.

Агент пометался по залу минут десять, не больше, а Михал Николаич, оставшийся ждать у аппарата, уж подал ему знак рукой и потянул ленту ответной телеграммы.

Кондратий Кондратьевич тут как тут — прямо с ленты прочел:

«Г-ну Фандорину. Господин Бриллинг находится в СПб. Адрес: Катенинская, дом Сиверса. Дежурный чиновник Ломейко».

Это сообщение почему-то несказанно обрадовало клетчатого. Он даже в ладоши хлопнул и спросил у заинтересованно наблюдавшего Штукина:

— Катенинская улица это где? Далеко?

— Никак нет-с, — учтиво ответил Кондратий Кондратьевич. — Тут очень удобно. Садитесь на маршрутную карету, выходите на углу Невского и Литейного, а далее…

— Ничего, у меня извозчик, — не дослушал агент и, размахивая саквояжем, побежал к выходу.

Катенинская улица Эрасту Петровичу очень понравилась. Она выглядела точь-в-точь так же, как самые респектабельные улицы Берлина или Вены: асфальт, новенькие элетрические фонари, солидные дома в несколько этажей. Одним словом, Европа.

Дом Сиверса с каменными рыцарями на фронтоне и с ярко освещенным, несмотря на светлый еще вечер, подъездом был особенно хорош. Да где еще жить такому человеку, как Иван Францевич Бриллинг? Совершенно невозможно было представить его обитателем какого-нибудь ветхого особнячка с пыльным двором и яблоневым садом.

Услужливый швейцар успокоил Эраста Петровича, сказал, что господин Бриллинг дома, «пять минут как прибыли-с». Все сегодня шло у Фандорина по шерстке, все удавалось.

Скача через две ступеньки, взлетел он на второй этаж и позвонил в начищенный до золотого блеска электрический звонок.

Дверь открыл сам Иван Францевич. Он еще не успел переодеться, только снял сюртук, но под высоким накрахмаленным воротничком посверкивал радужной эмалью новенький владимирский крест.

Владимирский кавалер.

— Шеф, это я! — радостно объявил Фандорин, наслаждаясь эффектом.

Эффект и в самом деле превзошел все ожидания.

Иван Францевич прямо-таки остолбенел и даже руками замахал, словно хотел сказать: «Свят, свят! Изыди, Сатана!»

Эраст Петрович засмеялся:

— Что, не ждали?

— Фандорин! Но откуда?! Я уж не чаял увидеть вас в живых!

— Отчего же? — не без кокетства поинтересовался путешественник.

— Но как же!…Вы бесследно исчезли. Последний раз вас видели в Париже двадцать шестого. В Лондон вы не прибыли. Я запросил Пыжова — отвечают, бесследно исчез, полиция ищет!

— Я послал вам из Лондона подробное письмо на адрес Московского сыскного. Там и про Пыжова, и про все остальное. Видимо, не сегодня-завтра прибудет. Я же не знал, что вы в Петербурге.

Шеф озабоченно нахмурился:

— Да на вас лица нет. Вы не заболели?

— Честно говоря, ужасно голоден. Весь день караулил на почтамте, маковой росинки во рту не было.

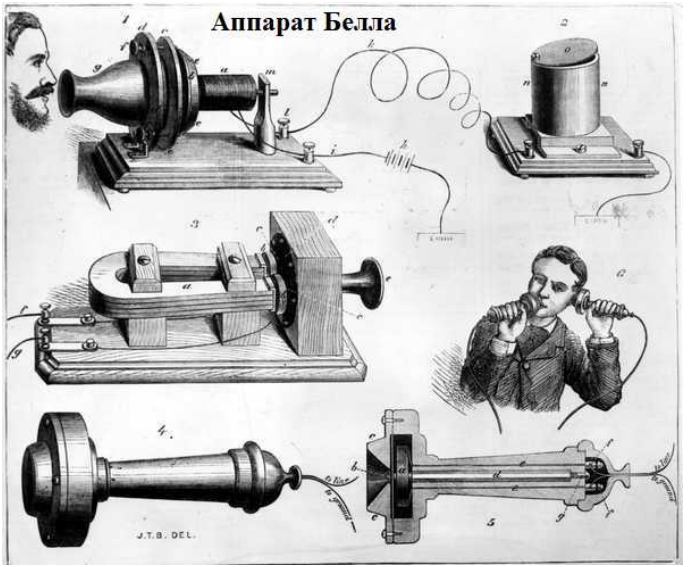
— Караулили на почтамте? Нет-нет, не рассказывайте. Мы поступим так. Сначала я дам вам чаю и пирожных. Мой Семен, мерзавец, третий день в запое, так что хозяйствую один. Питаюсь в основном конфектами и пирожными от Филиппова. Вы ведь любите сладкое?

— Очень, — горячо подтвердил Эраст Петрович.

— Я тоже. Это во мне сиротское детство застряло. Ничего если на кухне, по-холостяцки?

Пока они шли коридором, Фандорин успел заметить, что квартира Бриллинга, хоть и не очень большая, обставлена весьма практично и аккуратно — все необходимое, но ничего лишнего. Особенно заинтересовал молодого человека лакированный ящик с двумя черными металлическими трубками, висевший на стене.

— Это настоящее чудо современной науки, — объяснил Иван Францевич. — Называется «аппарат Белла».

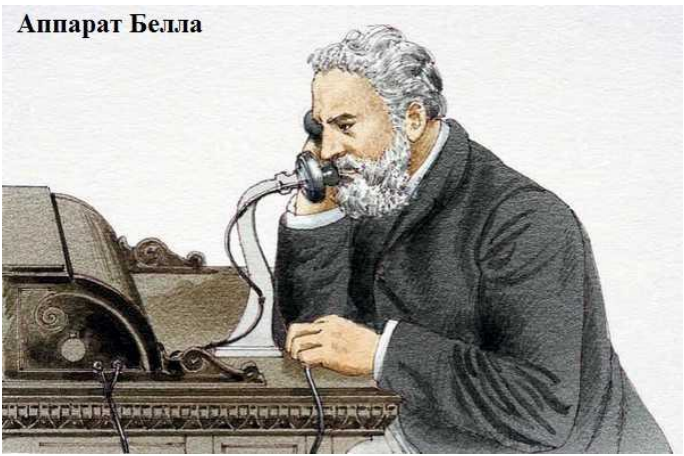


Только что привезли из Америки, от нашего агента. Там есть один гениальный изобретатель, мистер Белл, благодаря которому теперь можно вести разговор на значительном расстоянии, вплоть до нескольких верст. Звук передается по проводам наподобие телеграфных. Это опытный образец, производство аппаратов еще не началось. Во всей Европе только две линии: одна проведена из моей квартиры в секретариат начальника Третьего отделения, вторая уста-

новлена в Берлине между кабинетом кайзера и канцелярией Бисмарка. Так что от прогресса не отстаем.

— Здорово! — восхитился Эраст Петрович. — И что, хорошо слышно?

— Не очень, но разобрать можно. Иногда в трубке сильно трещит… А не устроит ли вас вместо чая оранжад? Я как-то не очень успешно управляюсь с самоваром.


Аппарат Белла

— Еще как устроит, — уверил шефа Эраст Петрович, и Бриллинг, как добрый волшебник, выставил перед ним на кухонный стол бутыль апельсинового лимонада и блюдо, на котором ле-

жали эклеры, кремовые корзиночки, воздушные марципаны и обсыпные миндальные трубочки.

— Уплетайте, — сказал Иван Францевич, — а я пока введу вас в курс наших дел. Потом наступит ваш черед исповедоваться.

Фандорин кивнул с набитым ртом, его подбородок был припорошен сахарной пудрой.

— Итак, — начал шеф, — сколько мне помнится, вы отбыли в Петербург за дипломатической почтой двадцать седьмого мая? Сразу же после этого у нас тут начались интереснейшие события. Я пожалел, что отпустил вас — каждый человек был на счету. Мне удалось выяснить через агентуру, что некоторое время назад в Москве образовалась маленькая, но чрезвычайно активная группка революционеров-радикалов, сущих безумцев. Если обычные террористы ставят себе задачу истреблять «обагряющих руки в крови», сиречь высших государственных сановников, то эти решили взяться за «ликующих и праздно болтающих».

— Кого-кого? — не понял увлекшийся нежнейшим эклером Фандорин.

— Ну, стихотворение у Некрасова: «От ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови, уведи меня в стан погибающих за вели-

кое дело любви». Так вот, наши «погибающие за великое дело любви» поделили специальности. Головной организации достались «обагряющие» — министры, губернаторы, генералы. А наша московская фракция решила заняться «ликующими», они же «жирные и сытые». Как удалось выяснить, через внедренного в группу агента, фракция взяла название «Азазель» — из богоборческого лихачества. Планировался целый ряд убийств среди золотой молодежи, «паразитов» и «прожигателей жизни». К «Азазелю» примыкала и Бежецкая, судя по всему, эмиссар международной анархистской организации. Самоубийство, а фактически убийство Петра Кокорина, организованное ею, было первой акцией «Азазеля». Ну, о Бежецкой, я полагаю, вы мне еще расскажете. Следующей жертвой стал Ахтырцев, который интересовал заговорщиков еще больше Кокорина, потому что был внуком канцлера, князя Горчакова. Видите ли, мой юный друг, замысел террористов был безумен, но в то же время дьявольски расчетлив. Они вычислили, что до отпрысков важных особ добраться гораздо проще, чем до самих особ, а удар по государственной иерархии получается не менее мощным. Князь Михаил Александрович, например, так убит смертью внука, что почти

отошел от дел и всерьез подумывает об отставке. А ведь это заслуженнейший человек, который во многом определил облик современной России.

— Какое злодейство! — возмутился Эраст Петрович и даже отложил недоеденный марципан.

— Когда же мне удалось выяснить, что конечной целью деятельности «Азазеля» является умерщвление цесаревича…

— Не может быть!

— Увы, может. Так вот, когда это выяснилось, я получил указание перейти к решительным действиям. Пришлось подчиниться, хотя я предпочел бы предварительно полностью прояснить картину. Но, сами понимаете, когда на карту поставлена жизнь его императорского высочества… Операцию мы провели, но получилось не очень складно. 1 июня у террористов было назначено сборище на даче в Кузьминках. Помните, я еще вам рассказывал? Вы, правда, тогда своей идеей увлечены были. Ну и как? Нащупали что-нибудь?

Эраст Петрович замычал с набитым ртом, проглотил непрожеванный кусок кремовой трубочки, но Бриллинг устыдился:

— Ладно-ладно, потом. Ешьте. Итак. Мы обложили дачу со всех сторон. Пришлось действовать

только с моими петербургскими агентами, не привлекая московской жандармерии и полиции, — следовало во что бы то ни стало избежать огласки. — Иван Францевич сердито вздохнул. — Тут моя вина, переосторожничал. В общем, из-за нехватки людей аккуратного захвата не получилось. Началась перестрелка. Два агента ранены, один убит. Никогда себе не прощу… Живьем никого взять не удалось, нам достались четыре трупа. Один по описанию похож на вашего белоглазого. Глаз как таковых, у него, впрочем, не осталось — последней пулей ваш знакомец снес себе полчерепа. В подвале обнаружили лабораторию по производству адских машин, кое-какие бумаги, но, как я уже сказал, многое в планах и связях «Азазеля» осталось загадкой. Боюсь, неразрешимой… Тем не менее государь, канцлер и шеф жандармского корпуса высоко оценили нашу московскую операцию. Я рассказал Лаврентию Аркадьевичу и о вас. Правда, вы не участвовали в финале, но все же очень помогли нам в ходе расследования. Если не возражаете, будем работать вместе и дальше. Я беру вашу судьбу в свои руки… Подкрепились? Теперь рассказывайте вы. Что там в Лондоне? Удалось ли выйти на след Бежецкой? Что за чертовщина с Пыжовым? Убит?

И по порядку, по порядку, ничего не упуская.

Чем ближе к концу подходил рассказ шефа, тем большей завистью загорался взгляд Эраста Петровича, и собственные приключения, которыми он еще недавно так гордился, блекли и меркли в его глазах. Покушение на цесаревича! Перестрелка! Адская машина! Судьба зло подшутила над Фандориным, поманила его славой и увела с магистрального тракта на жалкий проселок…

И все же он подробно изложил Ивану Францевичу свою эпопею. Только об обстоятельствах, при которых лишился синего портфеля, поведал несколько туманно и даже чуть-чуть покраснел, что, кажется, не укрылось от внимания Бриллинга, слушавшего рассказ молча и хмуро. К развязке Эраст Петрович воспрял духом, оживился и не удержался от эффектности.

— И я видел этого человека! — воскликнул он, дойдя до сцены на петербургском почтамте. — Я знаю, у кого в руках и содержимое портфеля, и все нити организации! «Азазель» жив, Иван Францевич, но он у нас в руках!

— Да говорите же, черт возьми! — вскричал шеф. — Полно ребячиться! Кто этот человек? Где он?

— Здесь, в Петербурге, — наслаждался реван-

шем Фандорин. — Некий Джеральд Каннингем, главный помощник той самой леди Эстер, на которую я неоднократно обращал ваше внимание. — Тут Эраст Петрович деликатно покашлял. — И про завещание Кокорина разъясняется. Теперь понятно, почему Бежецкая своих поклонников именно в сторону эстернатов повернула. И ведь как устроился этот рыжий! Каково прикрытие, а? Сиротки, филиалы по всему миру, альтруистическая патронесса, перед которой открыты все двери. Ловок, ничего не скажешь.

— Каннингем? — с волнением переспросил шеф. — Джеральд Каннингем? Но я хорошо знаю этого господина, мы состоим в одном клубе. — Он развел руками. — Субъект и в самом деле презанятный, однако я не могу себе представить, чтобы он был связан с нигилистами и убивал действительных статских советников.

— Да не убивал, не убивал! — воскликнул Эраст Петрович. — Это я сначала думал, что в списках имена жертв. Сказал, чтоб вам ход своих мыслей передать. В спешке ведь не сразу все сообразишь. А потом, как в поездах через всю Европу трясся, меня вдруг осенило! Если это список будущих жертв, то к чему даты проставлены? И числа-то все прошедшие! Не складывается! Нет, Иван

Францевич, тут другое!

Фандорин даже со стула вскочил — так залихорадило его от мыслей.

— Другое? Что другое? — прищурил светлые глаза Бриллинг.

— Я думаю, это список членов мощной международной организации. А ваши московские террористы — лишь малое, самое крошечное их звено. — При этих словах у шефа стало такое лицо, что Эраст Петрович испытал недостойное злорадство — чувство, которого немедленно устыдился. — Центральная фигура в организации, главная цель которой нам пока неизвестна, — Джеральд Каннингем. Мы с вами оба его видели, это весьма незаурядный господин. «Мисс Ольсен», роль которой с июня месяца исполняет Амалия Бежецкая, — это регистрационный центр организации, что-то вроде управления кадров. Туда со всего мира стекаются сведения об изменении служебного положения членов сообщества. «Мисс Ольсен» регулярно, раз в месяц, переправляет новые сведения Каннингему, который с прошлого года обосновался в Петербурге. Я вам говорил, что у Бежецкой в спальне есть потайной сейф. Вероятно, в нем хранится полный список членов этого самого «Азазеля» — похоже, что ор-

ганизация, действительно, так называется. Или же это у них лозунг, что-то вроде заклинания. Я слышал это слово дважды, и оба раза перед тем, как должно было свершиться убийство. В целом все это похоже на масонское общество, только непонятно, при чем здесь падший ангел. А размах, пожалуй, почище, чем у масонов. Вы только представьте — за один месяц сорок пять писем! И ведь какие люди — сенатор, министр, генералы!

Шеф терпеливо смотрел на Эраста Петровича, ожидая продолжения, ибо молодой человек явно не закончил свою речь — сморщив лоб, он о чем-то напряженно размышлял.

— Иван Францевич, я про Каннингема думаю… Он ведь британский подданный, к нему так, запросто, с обыском не нагрянешь, верно?

— Ну, допустим, — подбодрил Фандорина шеф. — Продолжайте.

— А пока вы получите санкцию, он пакет так запрячет, что мы ничего не найдем и ничего не докажем. Еще неизвестно, какие у него связи в сферах и кто за него заступится. Тут, пожалуй, нужна особая осторожность. Зацепиться бы сначала за его российскую цепь, вытянуть ее звено за звеном, а?

— И как же это сделать? — с живейшим ин-

тересом спросил Бриллинг. — Через негласную слежку? Разумно.

— Можно и через слежку, но, кажется, есть способ повернее.

Иван Францевич немного подумал и развел руками, как бы сдаваясь. Польщенный Фандорин тактично намекнул:

— А действительный статский советник, произведенный в этот чин 7 июня?

— Проверить высочайшие приказы по производству? — хлопнул себя по лбу Бриллинг. — Скажем, за первую декаду июня? Браво, Фандорин, браво!

— Конечно, шеф. Даже не за всю декаду, а только с понедельника по пятницу, с третьего по восьмое. Вряд ли новоиспеченный генерал стал бы дольше тянуть с радостной вестью. Много ли за неделю появляется в империи новых действительных статских советников?

— Возможно, два-три, если неделя урожайная. Впрочем, не интересовался.

— Ну вот, установить наблюдение за всеми ними, проверить послужные списки, круг знакомств и прочее. Вычислим нашего «азазельца» как миленького.

— Так, говорите, все добытые вами сведения

отправлены почтой в московское Сыскное? — по всегдашней своей привычке невпопад спросил Бриллинг.

— Да, шеф. Не сегодня-завтра пакет поступит по назначению. А что, вы подозреваете кого-то из чинов московской полиции? Я для пущей важности написал на конверте «Его высокоблагородию статскому советнику Бриллингу в собственные руки либо, за отсутствием оного, его превосходительству господину обер-полицеймейстеру». Так что распечатать не осмелятся. А обер-полицеймейстер, прочитав, наверняка свяжется с вами же.

— Разумно, — одобрил Иван Францевич и надолго умолк, глядя в стену. Лицо его делалось все мрачнее и мрачнее.

Эраст Петрович сидел, затаив дыхание, знал, что шеф взвешивает все услышанное и сейчас сообщит о решении — судя по мине, оно давалось с трудом.

Бриллинг шумно вздохнул, горько чему-то усмехнулся.

— Ладно, Фандорин, беру все на себя. Есть болезни, которые можно вылечить только хирургическим путем. Так мы с вами и поступим. Дело важное, государственное, а в таких случае я

вправе не обременять себя формальностями. Будем брать Каннингема. Немедленно, с поличным — то есть с пакетом. Вы считаете, что послание зашифровано?

— Безусловно. Слишком важны сведения. Все-таки отправлено обычной почтой, хоть и срочной. Мало ли что — попадет в другие руки, затеряется. Нет, Иван Францевич, эти попусту рисковать не любят.

— Тем более. Значит, Каннингем дешифрует, читает, по картотеке расписывает. Должна же быть у него картотека! Я опасаюсь, что в сопроводительном письме Бежецкая доносит ему о ваших похождениях, а Каннингем человек умный — в два счета сообразит, что вы могли отчет в Россию отправить. Нет, сейчас его надо брать, немедля! Да и сопроводительное письмо любопытно бы прочесть. Мне Пыжов не дает покоя. А ну как не его одного они перекупили? С английским посольством объяснимся потом. Еще спасибо скажут. Вы ведь утверждаете, что в списке были и подданные королевы Виктории?

— Да, чуть ли не дюжина, — кивнул Эраст Петрович, влюбленно глядя на начальника. — Конечно, взять сейчас Каннингема — это самое лучшее, но… Вдруг мы приедем и ничего не най-

дем? Я никогда себе не прощу, если у вас из-за меня… То есть я готов в любых инстанциях…

— Бросьте говорить глупости, — раздраженно дернул подбородком Бриллинг. — Неужто вы думаете, что в случае фиаско я стану мальчишкой прикрываться? Я в вас верю, Фандорин. И этого довольно.

— Спасибо, — тихо сказал Эраст Петрович.

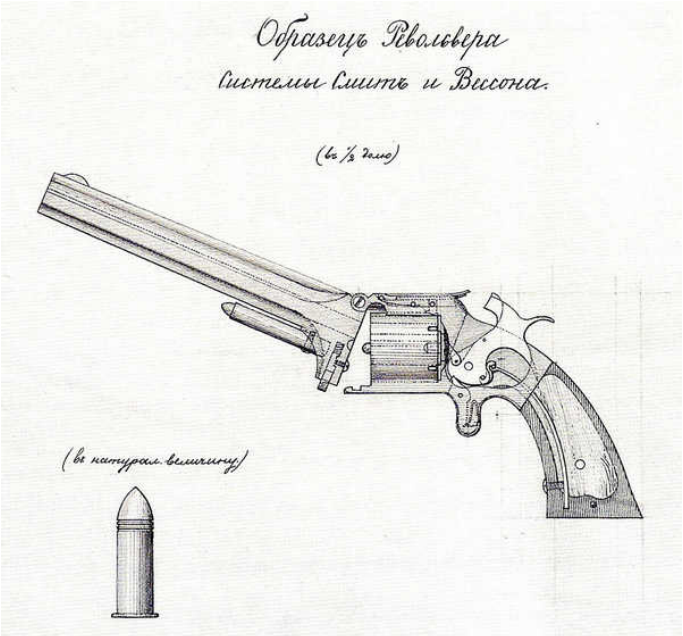
Иван Францевич саркастически поклонился:

— Не стоит благодарности. И все, хватит нежностей. К делу. Адрес Каннингема я знаю, он живет на Аптекарском острове, во флигеле Петербургского эстерната. У вас оружие есть?

— Да, купил в Лондоне револьвер «смит энд вессон». В саквояже лежит.

— Покажите.

Фандорин быстро принес из прихожей тяжелый револьвер, который ему ужасно нравился своей тяжестью и основательностью.



— Дрянь, — отрезал шеф, взвесив пистолет на ладони. — Это для американских «коровьих мальчиков», спьяну в кабаке палить. Для серьезного агента не годится. Я у вас его отбираю. Взамен получите кое-что получше.

Он ненадолго отлучился и вернулся с маленьким плоским револьвером, который почти целиком умещался в его ладони.

— Вот, бельгийский семизарядный «герсталь». Новинка, специальный заказ. Носится за спиной, под сюртуком, в маленькой кобуре. Незаменимая вещь в нашем ремесле. Легкий, бьет недалеко и некучно, но зато самовзводящийся, а это обеспечивает скорострельность. Нам ведь белку в глаз не бить, верно? А жив обычно остается тот агент, кто стреляет первым и не один раз. Вместо курка тут предохранитель — вот эта кнопочка. Довольно тугая, чтоб случайно не выстрелить. Щелкнул вот этак, и пали хоть все семь пуль подряд. Ясно?

— Ясно. — Эраст Петрович загляделся на ладную игрушку.

— Потом налюбуетесь, некогда, — подтолкнул его к выходу Бриллинг.

— Мы будем арестовывать его вдвоем? — с воодушевлением спросил Фандорин.

— Не болтайте глупостей.

Иван Францевич остановился возле «аппарата Белла», снял рожкообразную трубку, приложил к уху и покрутил какой-то рычажок. Аппарат хрюкнул, в нем что-то звякнуло. Бриллинг приставил ухо к другому рожку, торчавшему из лакированного ящика, и в рожке запищало. Фандорину показалось, что он разобрал, как тоненький голосок смешно проговорил слова «дежурный

адъютант» и еще «канцелярия».

— Новгородцев, вы? — заорал в трубку Бриллинг. — На месте ли его превосходительство? Нет? Не слышу! Нет-нет, не надо. Не надо, говорю! — Он набрал в грудь побольше воздуха и закричал еще громче. — Срочный наряд для задержания! Немедленно отправьте на Аптекарский остров! Ап-те-кар-ский! Да! Флигель эстерната! Эс-тер-на-та! Неважно, что это значит, они разберутся! И пусть группа обыска приедет! Что? Да, буду лично. Быстрей, майор, быстрей!

Он водрузил трубку на место и вытер лоб.

— Уф. Надеюсь, мистер Белл усовершенствует конструкцию, иначе все мои соседи будут в курсе тайных операций Третьего отделения.

Эраст Петрович находился под впечатлением волшебства, только что свершившегося на его глазах.

— Это же просто «Тысяча и одна ночь»! Настоящее чудо! И еще находятся люди, осуждающие прогресс!

— О прогрессе потолкуем по дороге. К сожалению, я отпустил карету, так что придется еще искать извозчика. Да бросьте вы ваш чертов саквояж! Марш-марш!

Однако потолковать о прогрессе не удалось

— на Аптекарский ехали в полном молчании. Эраста Петровича трясло от возбуждения, и он несколько раз попытался втянуть шефа в разговор, но тщетно: Бриллинг был в скверном настроении — видимо, все-таки сильно рисковал, затеяв самочинную операцию.

Бледный северный вечер едва прорисовался над невским простором. Фандорин подумал, что светлая летняя ночь кстати — все равно спать нынче не придется. А ведь он и прошлую ночь, проведенную в поезде, глаз не сомкнул, все волновался, не упустит ли пакет… Извозчик подгонял рыжую кобылку, честно отрабатывая обещанный рубль, и к месту прибыли быстро.

Петербургский эстернат, красивое желтое здание, прежде принадлежавшее корпусу инженеров, по размеру уступал московскому, но зато утопал в зелени. Райское местечко — вокруг были сады, богатые дачи.

— Эх, что с детьми-то будет, — вздохнул Фандорин.

— Ничего с ними не будет, — неприязненно ответил Иван Францевич. — Миледи назначит другого директора, да и дело с концом.

Флигель эстерната оказался импозантным екатерининским особнячком, выходившим на уютную, тенистую улицу. Эраст Петрович увидел обугленный от удара молнии вяз, тянувший мертвые сучья к освещенным окнам высокого второго этажа. В доме было тихо.

— Отлично, жандармы еще не прибыли, — сказал шеф. — Мы их не ждем, нам главное Каннин-

гема не спугнуть. Говорю я, вы помалкиваете. И будьте готовы к любым неожиданностям.

Эраст Петрович сунул руку под фалду пиджака, ощутил успокоительный холод «герстaля». Сердце сжималось в груди — но не от страха, ибо с Иваном Францевичем бояться было нечего, а от нетерпения. Сейчас, сейчас все разрешится!

Бриллинг энергично затряс медный колокольчик, и раздалось заливистое треньканье. Из раскрытого окна бельэтажа выглянула рыжая голова.

— Откройте, Каннингем, — громко сказал шеф. — У меня к вам срочное дело!

— Бриллинг, это вы? — удивился англичанин. — Что такое?

— Чрезвычайное происшествие в клубе. Я должен вас предупредить.

— Одна минута, и я спускаюсь вниз. У лакея сегодня выходной день. — И голова исчезла.

— Ага, — шепнул Фандорин. — Нарочно лакея спровадил. Наверняка с бумагами сидит!

Бриллинг нервно постукивал костяшками пальцев по двери — Каннингем что-то не спешил.

— А он не удерет? — переполошился Эраст Петрович. — Через черный ход, а? Может, я обегу дом

и встану с той стороны?

Но тут изнутри раздались шаги, и дверь открылась.

На пороге стоял Каннингем в длинном халате с бранденбурами. Его колючие зеленые глаза на миг задержались на лице Фандорина, и веки едва заметно дрогнули. Узнал!

— What's happening[33]? — настороженно спросил англичанин.

— Идемте в кабинет, — ответил Бриллинг по-русски. — Это очень важно.

---

[33] Примечания: 1.33
Что происходит? (англ.)

Каннингем секунду поколебался, потом жестом предложил следовать за ним.

Поднявшись по дубовой лестнице, хозяин и незваные гости оказались в богатой, но явно не праздной комнате. По стенам сплошь тянулись полки с книгами и какими-то папками, у окна, возле необъятного письменного стола из карельской березы, виднелась стойка с ящичками, на каждом из которых красовался золотой ярлычок.

Однако Эраста Петровича заинтересовали отнюдь не ящички (не будет же Каннингем хра-

нить на виду секретные документы), а бумаги, лежавшие на столе и наскоро прикрытые свежим номером «Биржевых ведомостей».

Иван Францевич, видимо, мыслил сходно — он пересек кабинет и встал подле стола, спиной к раскрытому окну с низким подоконником. Вечерний ветерок слегка поколыхивал тюлевую гардину.

Отлично поняв маневр шефа, Фандорин остался возле двери. Теперь Каннингему деваться было некуда.

Кажется, англичанин заподозрил неладное.

— Вы странно себя ведете, Бриллинг, — сказал он на правильном русском. — И почему здесь этот человек? Я его видел раньше, он полицейский.

Иван Францевич смотрел на Каннингема исподлобья, держа руки в карманах широкого сюртука.

— Да, он полицейский. А через минуту-другую здесь будет много полицейских, поэтому у меня нет времени на объяснения.

Правая рука шефа вынырнула из кармана, Фандорин увидел свой «смит энд вессон», но не успел удивиться, потому что тоже выхватил револьвер — вот оно, начинается!

— Don't...[34]! — вскинул руку англичанин, и в тот же миг грянул выстрел.

Каннингема кинуло навзничь. Остолбеневший Эраст Петрович увидел широко раскрытые, еще живые зеленые глаза и аккуратную темную дырку посреди лба.

— Господи, шеф, зачем?!

Он обернулся к окну. Прямо в лицо ему смотрело черное дуло.

— Его погубили вы, — каким-то ненатуральным тоном произнес Бриллинг. — Вы слишком хороший сыщик. И поэтому, мой юный друг, мне придется вас убить, о чем я искренне сожалею.

---

[34] Примечания: 1.34
Не надо! (англ.)

Глава четырнадцатая, в которой повествование поворачивает совсем в иную сторону

Бедный, ничего не понимающий Эраст Петрович сделал несколько шагов вперед.

— Стоять! — с ожесточением гаркнул шеф. — И не размахивайте пистолетиком, он не заряжен. Хоть бы в барабан заглянули! Нельзя быть таким доверчивым, черт бы вас побрал! Верить можно только себе!

Бриллинг достал из левого кармана точно такой же «герсталь», а дымящийся «смит энд вессон» бросил на пол, прямо под ноги Фандорину.

— Вот мой револьвер полностью заряжен, в чем вы сейчас убедитесь, — лихорадочно заговорил Иван Францевич, с каждым словом раздражаясь все больше. — Я вложу его в руку невезучего Каннингема, и получится, что вы убили друг друга в перестрелке. Почетные похороны и прочувствованные речи вам гарантированы. Я ведь знаю, что для вас это важно. И не смотрите на меня так, проклятый щенок!

Фандорин с ужасом понял, что шеф совершенно

невменяем, и, в отчаянной попытке пробудить его внезапно помутившийся рассудок крикнул:

— Шеф, это же я, Фандорин! Иван Францевич! Господин статский советник!

— Действительный статский советник, — криво улыбнулся Бриллинг. — Вы отстали от жизни, Фандорин. Произведен высочайшим указом от седьмого июня. За успешную операцию по обезвреживанию террористической организации «Азазель». Так что можете называть меня «ваше превосходительство».

Темный силуэт Бриллинга на фоне окна был словно вырезан ножницами и приклеен на серую бумагу. Мертвые сучья вяза за его спиной расходились во все стороны зловещей паутиной. В голове Фандорина мелькнуло: «Паук, ядовитый паук, сплел паутину, а я попался».

Лицо Бриллинга болезненно исказилось, и Эраст Петрович понял, что шеф уже довел себя до нужного градуса ожесточения и сейчас выстрелит. Неизвестно откуда возникла стремительная мысль, сразу же рассыпавшаяся на вереницу совсем коротеньких мыслишек: «герсталь» снимают с предохранителя, без этого не выстрелишь, предохранитель тугой, это полсекунды или четверть секунды, не успеть, никак не успеть…

С истошным воплем, зажмурив глаза, Эраст Петрович ринулся вперед, целя шефу головой в подбородок. Их разделяло не более пяти шагов. Щелчка предохранителя Фандорин не слышал, а выстрел прогремел уже в потолок, потому что оба — и Бриллинг, и Эраст Петрович, перелетев через низкий подоконник, ухнули в окно.

Фандорин с размаху ударился грудью о ствол сухого вяза и, ломая ветки, обдирая лицо, загрохотал вниз. От гулкого удара о землю захотелось потерять сознание, но горячий инстинкт жизни не позволил. Эраст Петрович приподнялся на четвереньки, безумно озираясь.

Шефа нигде не было. Зато у стены валялся маленький черный «герсталь». Фандорин прямо с четверенек прыгнул на него кошкой, вцепился и завертел головой во все стороны.

Но Бриллинг исчез.

Посмотреть вверх Эраст Петрович догадался, лишь услышав натужное хрипение.

Иван Францевич нелепо, неестественно завис над землей. Его начищенные штиблеты подергивались чуть выше головы Фандорина. Из-под владимирского креста, оттуда, где на крахмальной рубашке расползалось багровое пятно, высовывался острый, обломанный сук, насквозь

проткнувший новоиспеченного генерала. Ужасней всего было то, что взгляд светлых глаз был устремлен прямо на Фандорина.

— Гадость..., — отчетливо произнес шеф, морщась не то от боли, не то от брезгливости. — Гадость... — И сиплым, неузнаваемым голосом выдохнул. — А-за-зель...

У Фандорина по телу пробежала ледяная волна, а Бриллинг похрипел еще с полминуты и затих.

Словно дождавшись этого момента, из-за угла зацокали копыта, заклацали колеса. Это прикатили пролетки с жандармами.

* * *

Генерал-адъютант Лаврентий Аркадьевич Мизинов{1}, начальник Третьего отделения и шеф корпуса жандармов, потер покрасневшие от усталости глаза.

{1} Комментарии: 2.1

Начальником Третьего отделения и шефом корпуса жандармов в это время был Мезенцев Николай Владимирович. (1827–1878). Дана его фотография. Непонятно зачем автор переименовал его в Лаврентия Аркадьевича Мизинова.

Золотые аксельбанты на парадном мундире глухо звякнули. За минувшие сутки времени переодеться не было, а уж поспать — тем более.

Вчера вечером нарочный выдернул Лаврентия Аркадьевича с бала по случаю тезоименитства великого князя Сергея Александровича. И началось…

Генерал с неприязнью взглянул на мальчишку, который сидел сбоку, взъерошив волосы и уткнувшись расцарапанным носом в бумаги. Две ночи не спал, а свеж, как ярославский огурчик. И ведет себя так, будто всю жизнь просидел в высоких кабинетах. Ладно, пусть колдует. Но каков Бриллинг! Это просто в голове не укладывается!

— Что, Фандорин, долго еще? Или вас опять какая-нибудь «идея» отвлекла? — строго спросил генерал, чувствуя, что после бессонной ночи и утомительного дня у него самого больше никаких идей появиться уже не может.

— Щас, ваше высокопревосходительство, щас, — пробормотал молокосос. — Еще пять записей осталось. Я ведь предупреждал, что список может быть зашифрован. Видите, какой шифр хитрый, половину букв не разгадали, а я тоже всех, кто там был, не помню… Ага, это у нас почт-директор из Дании, вот это кто. Так, а тут что? Первая буква не расшифрована — крестик, вторая тоже крестик, третья и четвертая — два m, потом опять крестик, потом n, потом d под во-

просом, и последние две пропущены. Получается ++MM+ND(?)++.

— Чушь какая-то, — вздохнул Лаврентий Аркадьевич. — А Бриллинг в два счета догадался бы. Так вы уверены, что это был не приступ безумия? Невозможно представить, чтобы…

— Совершенно уверен, ваше высокопревосходительство, — уже в который раз сказал Эраст Петрович. — И я явственно слышал, как он сказал «Азазель». Стоп! Вспомнил! У Бежецкой в списке был какой-то commander. Надо полагать, это он.

— Commander — это чин в британском и американском флотах, — пояснил генерал. — Соответствует нашему капитану второго ранга. — Он сердито прошелся по комнате. — Азазель, Азазель, что еще за Азазель такой на нашу голову! Ведь получается, что мы ничегошеньки про него не знаем! Московскому расследованию Бриллинга грош цена! Поди, все вздор, фикция, враки — и террористы, и покушение на цесаревича! Убирал концы, получается? Подсунул нам каких-то мертвецов! Или вправду кого-то из дурачков-нигилистов подставил? С него станется — это был очень, очень способный человек… Проклятье, но где же результаты обыска? Уже сутки копаются!

Дверь тихонечко приоткрылась, в щель су-

нулась постная, тощая физиономия в золотых очках.

— Ваше высокопревосходительство, ротмистр Белозеров.

— Ну наконец-то! Легок на помине! Пусть войдет.

В кабинет, устало щурясь, вошел немолодой жандармский офицер, которого Эраст Петрович накануне уже видел в доме Каннингема.

— Есть, ваше высокопревосходительство, нашли, — негромко доложил он. — Весь дом и сад поделили на квадраты, все перерыли, все прочесали — ноль. Тогда агент Эйлензон, отменного нюха сыщик, догадался в подвале эстерната стеночки простукать. И что вы думаете, Лаврентий Аркадьевич? Обнаружилась потайная ниша, вроде фотографической лаборатории, а в ней двадцать ящиков, в каждом примерно по двести карточек. Шифр странный, вроде иероглифов, совсем не такой, как был в письме. Я распорядился, чтобы ящики перевезли сюда. Поднял весь шифровальный отдел, сейчас приступят к работе.

— Молодцом, Белозеров, молодцом, — похвалил подобревший генерал. — А этого, с нюхом, представьте к награде. Ну-с, наведаемся в шифровальный. Пойдемте, Фандорин, вам ведь тоже

любопытно. Потом закончите, теперь не к спеху.

Поднялись на два этажа, быстро зашагали по бесконечному коридору. Свернули за угол. Навстречу бежал чиновник, махал руками.

— Беда, ваше высокопревосходительство, беда! Чернила бледнеют прямо на глазах, не поймем в чем дело!

Мизинов затрусил вперед, что совсем не шло к его грузной фигуре; золотая канитель на эполетах колыхалась наподобие крылышков мотылька. Белозеров и Фандорин непочтительно обогнали высокое начальство и первыми ворвались в высокие белые двери.

В большой комнате, сплошь занятой столами, царил переполох. С десяток чиновников металось над грудами аккуратных белых карточек, стопками разложенных по столам. Эраст Петрович схватил одну, увидел едва различимые письмена, похожие на китайские иероглифы. Прямо у него на глазах иероглифы исчезли, и карточка стала совершенно чистой.

— Что за чертовщина! — воскликнул запыхавшийся генерал. — Какие-нибудь симпатические чернила?

— Боюсь, ваше высокопревосходительство, все гораздо хуже, — сказал господин профессорского

вида, разглядывая карточку на свет. — Ротмистр, вы говорили, что картотека хранилась в некоем подобии фотографического чулана?

— Так точно, — почтительно подтвердил Белозеров.

— А не припомните, какое там было освещение? Не красный фонарь?

— Совершенно верно, именно красный электрический фонарь.

— Я так и думал. Увы, Лаврентий Аркадьевич, картотека утеряна и восстановлению не поддается.

— Как так?! — закипятился генерал. — Нет уж, господин коллежский советник, вы что-нибудь придумайте. Вы мастер своего дела, вы светило…

— Но не волшебник, ваше высокопревосходительство. Очевидно, карточки обработаны специальным раствором и работать с ними возможно только при красном освещении. Теперь слой, на котором нанесены письмена, засвечен. Ловко, ничего не скажешь. Я с таким сталкиваюсь впервые.

Генерал сдвинул мохнатые брови и угрожающе засопел. В комнате стало тихо — надвигалась буря. Однако гром так и не грянул.

— Идемте, Фандорин, — упавшим голосом про-

изнес начальник Третьего отделения. — Вам надо закончить работу.

Две последние записи в шифровке разгадать так и не удалось — это были сведения, поступившие в последний день, тридцатого июня, и Фандорин их опознать не смог. Настало время подводить итоги.

Прохаживаясь по кабинету, усталый генерал Мизинов рассуждал вслух.

— Итак, соберем то немногое, чем мы располагаем. Существует некая интернациональная организация с условным названием «Азазель». Судя по количеству карточек, прочесть которые мы уже никогда не сможем, в ней состоит 3854 члена. О сорока семи из них, точнее о сорока пяти, поскольку две записи не расшифрованы, мы кое-что знаем. Однако немногое — лишь национальную принадлежность и занимаемое положение. Ни имени, ни возраста, ни адреса… Что нам известно еще? Имена двух покойных азазельцев — Каннингема и Бриллинга. Кроме того, в Англии есть Амалия Бежецкая. Если ваш Зуров ее не убил, если она по-прежнему в Англии и если ее, действительно, зовут именно так… «Азазель» действует агрессивно, не останавливается перед убийствами, тут явно есть некая глобальная цель.

Но какая? Это не масоны, потому что я сам член масонской ложи, и не из рядовых. Хм… Учтите, Фандорин, вы этого не слышали.

Эраст Петрович смиренно потупился.

— Это не социалистический Интернационал, — продолжил Мизинов, — потому что у господ коммунистов на такие дела кишка тонка. Да и не мог Бриллинг быть революционером — это исключено. Чем бы он там втайне ни занимался, но нигилистов мой дорогой помощник ловил всерьез и весьма успешно. Что же тогда «Азазелю» нужно? Ведь это самое главное! И никаких зацепок. Каннингем мертв. Бриллинг мертв. Николай Круг — простой исполнитель, пешка. Негодяй Пыжов мертв. Все концы обрублены… — Лаврентий Аркадьевич возмущенно развел руками. — Нет, я решительно ничего не понимаю! Я знал Бриллинга более десяти лет. Я сам вывел его в люди! Сам нашел его! Посудите сами, Фандорин. В бытность харьковским генерал-губернатором я проводил всевозможные конкурсы среди гимназистов и студентов, чтобы поощрить в молодом поколении патриотические чувства и стремление к полезным преобразованиям. Мне представили тощего, нескладного юношу, гимназиста выпускного класса, который написал очень дельное и

страстное сочинение на тему «Будущее России». Поверьте мне, по духу и биографии это был настоящий Ломоносов — без роду и племени, круглый сирота, выучился на медяки, сдал экзамены сразу в седьмой класс гимназии. Чистый самородок! Я взял над ним шефство, назначил стипендию, определил в Петербургский университет, а потом принял к себе на службу и ни разу об этом не пожалел. Это был лучший из моих помощников, мое доверенное лицо! Он сделал блестящую карьеру, перед ним были открыты все дороги! Какой яркий, парадоксальный ум, какая инициативность, какая исполнительность! Господи, да я собирался дочь за него выдать! — Генерал схватился рукой за лоб.

Эраст Петрович, уважая чувства высокого начальства, выдержал тактичную паузу и кашлянул.

— Ваше высокопревосходительство, я тут подумал… Зацепок, конечно, немного, но все-таки кое-что есть.

Генерал тряхнул головой, словно прогоняя ненужные воспоминания, и сел за стол.

— Слушаю. Говорите, Фандорин, говорите. Никто лучше вас не знает эту историю.

— Я, собственно, вот о чем… — Эраст Петрович

смотрел в список, подчеркивая что-то карандашом. — Тут сорок четыре человека — двоих мы не разгадали, а действительный статский советник, то есть Иван Францевич, уже не в счет. Из них по меньшей мере восьмерых не так трудно вычислить. Ну подумайте сами, ваше высокопревосходительство. Сколько начальников охраны может быть у бразильского императора? Или номер 47F — бельгийский директор департамента, отправлено 11 июня, получено 15-го. Установить, кто это, будет легко. Это уже двое. Третий: номер 549F — вице-адмирал французского флота, отправлено 15 июня, получено 17-го. Четвертый: номер 1007F — новоиспеченный английский баронет, отправлено 9 июня, получено 10-го. Пятый: номер 694F — португальский министр, отправлено 29 мая, получено 7 июня.

— Это мимо, — перебил генерал, слушавший с чрезвычайным вниманием. — В Португалии в мае сменилось правительство, так что все министры в кабинете новые.

— Да? — расстроился Эраст Петрович. — Ну хорошо, значит, получится не восемь, а семь. Тогда пятым американец: номер 852F — заместитель председателя сенатского комитета, отправлено 10 июня, получено 28-го, как раз при мне. Шестой:

номер 1042F, Турция, личный секретарь принца Абдул-Гамида, отправлено 1 июня, поступило 20-го.

Это сообщение особенно заинтересовало Лаврентия Аркадьевича.

— В самом деле? О, это очень важно. И прямо 1 июня? Так-так. 30 мая в Турции произошел переворот, султана Абдул-Азиза свергли, и новый правитель Мидхат-паша возвел на престол Мурада V. А на следующий же день назначил к Абдул-Гамиду, младшему брату Мурада, нового секретаря? Скажите, какая спешность! Это крайне важное известие. Уж не строит ли Мидхат-паша планов избавиться и от Мурада, а на трон посадить Абдул-Гамида? Эхе-хе… Ладно, Фандорин, это не вашего ума дело. Секретаря мы установим в два счета. Я нынче же свяжусь по телеграфу с Николаем Павловичем Гнатьевым, нашим послом в Константинополе, мы давние приятели. Продолжайте.

— И последний, седьмой: номер 1508F, Швейцария, префект кантональной полиции, отправлено 25 мая, поступило 1 июня. Остальных вычислить будет много труднее, а некоторых даже невозможно. Но, если определить по крайней мере этих семерых и установить за ними негласное

наблюдение…

— Дайте сюда список, — протянул руку генерал. — Немедленно распоряжусь, чтобы в соответствующие посольства отправили шифровки. Видимо, придется вступить в сотрудничество со специальными службами всех этих стран. Кроме Турции, где у нас прекрасная собственная сеть… Знаете, Эраст Петрович, я был резок с вами, но вы не обижайтесь. Я очень ценю ваш вклад и все такое… Просто мне было больно… Из-за Бриллинга… Ну, вы понимаете.

— Понимаю, ваше высокопревосходительство. Я и сам, в некотором смысле, не меньше вашего…

— Вот и хорошо, вот и отлично. Будете работать у меня. Разрабатывать «Азазель». Я создам особую группу, назначу туда самых опытных людей. Мы непременно распутаем этот клубок.

— Ваше высокопревосходительство, мне бы в Москву съездить…

— Зачем?

— Хотелось бы потолковать с леди Эстер. Сама она, будучи особой не столько земной, сколько небесной, (здесь Фандорин улыбнулся) вряд ли была посвящена в суть истинной деятельности Каннингема, но знает этого господина с детства и

вообще могла бы поведать что-нибудь полезное. Не надо бы с ней официально, через жандармерию, а? Я имею счастье немного знать миледи, она меня не испугается, да и по-английски я говорю. Вдруг еще какая-то зацепка обнаружится? Может быть, через прошлое Каннингема на что-нибудь выйдем?

— Что ж, дело. Поезжайте. Но на один день, не дольше. Сейчас отправляйтесь спать, мой адъютант определит вас на квартиру. А завтра вечерним поездом в Москву. Если повезет, к тому времени уже поступят первые шифровки из посольств. Утром 28-го вы в Москве, беседуете с леди Эстер, а вечером извольте обратно, и сразу ко мне с докладом. В любое время, ясно?

— Ясно, ваше высокопревосходительство.

* * *

В коридоре вагона первого класса поезда «Санкт-Петербург — Москва» очень важный пожилой господин с завидными усами и подусниками, с бриллиантовой булавкой в галстуке, курил сигару, с нескрываемым любопытством поглядывая на запертую дверь купе номер один.

— Эй, любезный, — поманил он пухлым пальцем кстати появившегося кондуктора.

Тот мигом подлетел к сановному пассажиру и поклонился:

— Слушаю-с.

Барин взял его двумя пальцами за воротник и приглушенно забасил:

— Молодой человек, что в первом едет — кто таков? Знаешь? Уж больно юн.

— Самим удивительно, — шепотом доложил кондуктор. — Ведь первое-то, известное дело, для особо важных персон резервируется, не всякого генерала пустят. Только кто по срочному и ответственному государственному делу.

— Знаю. — Барин выпустил струю дыма. — Сам один раз ездил, с тайной инспекцией в Новороссию. Но этот-то совсем мальчишка. Может, чей-нибудь сынок? Из золотой молодежи?

— Никак нет-с, сынков в первое не содют, с этим строго-с. Разве что если кто из великих князей. А про этого я полюбопытствовал, в путевой лист к господину начальнику поезда заглянул, — еще больше понизил голос служитель.

— Ну! — поторопил служивого заинтригованный господин.

Предвкушая щедрые чаевые, кондуктор поднес палец к губам:

— Из Третьего отделения. Следователь особо

важных дел.

— Понимаю, что «особо». Просто «важных» в первое не разместят. — Барин значительно помолчал. — И что же он?

— А как заперлись в купе, так, почитай, и не выходили-с. Я два раза чаю предлагал — какой там. Уткнулись в бумаги и сидят, головы не поднимают-с. Отправление из Питера на двадцать пять минут задержали, помните? Это из-за них-с. Ждали прибытия.

— Ого! — ахнул пассажир. — Однако это неслыханно!

— Бывает, но очень редко-с.

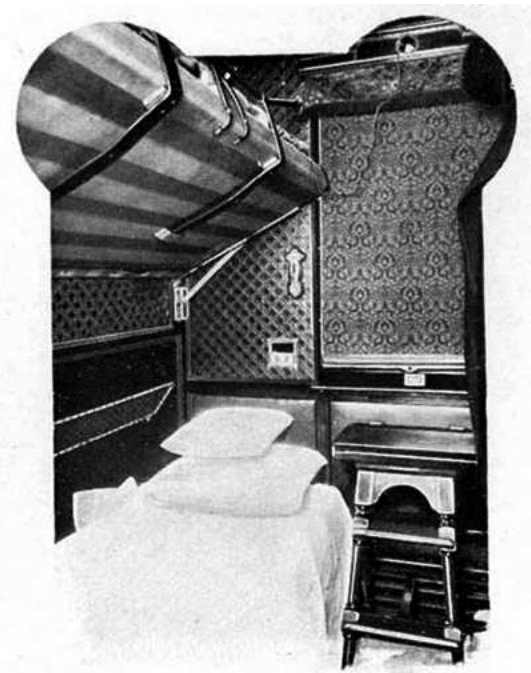
— И фамилия в путевом листе не обозначена?

— Никак нет-с. Ни фамилии, ни чина.

А Эраст Петрович все вчитывался в скупые строки донесений и нервно ерошил волосы. К горлу подступал мистический ужас.

Перед самым отъездом на вокзал в казенную квартиру, где Фандорин почти сутки проспал беспробудным сном, явился адъютант Мизинова, велел ждать — поступили три первые депеши из посольств, сейчас расшифруют и привезут. Ждать пришлось почти целый час, и Эраст Петрович боялся опоздать на поезд, но адъютант его успокоил.

Едва войдя в огромное, обитое зеленым бархатом купе, с письменным столом, мягким диваном и двумя ореховыми стульями на привинченных к полу ножках, Фандорин вскрыл пакет и углубился в чтение.



Отдѣленіе I кл.

Депеш поступило три: из Вашингтона, из Парижа и из Константинополя. Шапка у всех была одинаковой: «Срочно. Его высокопревосходительству Лаврентию Аркадьевичу Мизинову в ответ на депешу исх. N. 13476-8ж от 26 июня 1876 г.» Подписаны донесения были самими посланниками. На этом сходство кончалось. Текст же был следующий.

«27 июня (9 июля) 1876 г. 12.15. Вашингтон.

Интересующее Вас лицо — Джон Пратт Доббс, избранный 9 июня с. г. заместителем председателя сенатского комитета по бюджету. Человек в Америке очень известный, миллионер из тех, кого здесь называют self-made man[36]. Возраст — 44 года. Ранний период жизни, место рождения и происхождение неизвестны. Предположительно разбогател во время калифорнийской золотой лихорадки. Считается гением предпринимательства. Во время гражданской войны между Севером и Югом был советником президента Линкольна по финансовым вопросам. Существует мнение, что именно стараниями Доббса, а вовсе не доблестью федеральных генералов капиталистический Север одержал победу над

---

[36] Примечания: 1.35
человек, который сам себя сделал (англ.)

консервативным Югом. В 1872 году выбран в Сенат от штата Пенсильвания. Из осведомленных источников известно, что Доббса прочат в министры финансов».

«09 июля (27 июня) 1876 г. 16 ч.45 м. Париж.

Благодаря известному Вам агенту Коко удалось выяснить через Военное министерство, что 15 июня в звание вице-адмирала произведен контр-адмирал Жан Антрепид, недавно назначенный командовать Сиамской эскадрой. Это одна из самых легендарных личностей французского флота. Двадцать лет назад французский фрегат у берегов Тортуги обнаружил в открытом море лодку, а в ней подростка, очевидно спасшегося после кораблекрушения. От потрясения подросток совершенно лишился памяти, не смог назвать ни своего имени, ни даже национальности. Взят юнгой, получил фамилию по названию нашедшего его фрегата. Сделал блестящую карьеру. Участвовал во многих экспедициях и колониальных войнах. Особенно отличился в ходе Мексиканской войны. В прошлом году Жан Антрепид произвел в Париже настоящую сенсацию, женившись на старшей дочери герцога де Рогана. Подробности послужного списка интересующего Вас лица вышлю в следующем донесении».

«27 июня 1876 г. 2 часа пополудни. Константинополь.

Дорогой Лаврентий, твой запрос меня изрядно удивил. Дело в том, что Анвар-эфенди, к которому ты проявил столь спешный интерес, с некоторых пор находится в зоне и моего пристального внимания. Этот субъект, приближенный Мидхат-паши и Абдул-Гамида, по имеющимся у меня сведениям является одной из центральных фигур зреющего во дворце заговора. Следует ожидать скорого свержения нынешнего султана и воцарения Абдул-Гамида. Тогда Анвар-эфенди неизбежно станет необычайно влиятельной фигурой. Он очень умен, европейски образован, знает несметное количество восточных и западных языков. К сожалению, подробными биографическими сведениями об этом интересном господине мы не располагаем. Известно, что ему не более 35 лет, родился не то в Сербии, не то в Боснии. Происхождения темного и родственников не имеет, что сулит Турции великие блага, если Анвар когда-нибудь станет визирем. Представить только — визирь без орды алчных родственников! Здесь такого просто не бывает. Анвар — нечто вроде «серого кардинала» у Мидхат-паши, активный член партии «новых османов». Я удовлетворил

твое любопытство? Теперь ты удовлетвори мое. Зачем тебе понадобился мой Анвар-эфенди? Что ты о нем знаешь? Немедленно извести, это может оказаться важным».

Эраст Петрович уже в который раз перечитал депеши, подчеркнул в первой: «Ранний период жизни, место рождения и происхождение неизвестны»; во второй: «не смог назвать ни своего имени, ни даже национальности»; в третьей: «Происхождения темного и родственников не имеет». Становилось как-то жутковато. Получалось, что все трое взялись словно бы ниоткуда! Вдруг в какой-то момент вынырнули из небытия и немедленно принялись карабкаться вверх с поистине нечеловеческим упорством. Что же это — члены какой-то таинственной секты? Ой, а вдруг это вообще нелюди, явившиеся из иного мира? Скажем, посланцы с планеты Марс? Или того хуже — чертовщина какая-нибудь? Фандорин поежился, вспомнив свое ночное знакомство с «призраком Амалии». Тоже ведь неизвестного происхождения особа, эта самая Бежецкая. И еще сатанинское заклинание — «Азазель». Ох, что-то серой попахивает…

В дверь вкрадчиво постучали, и Эраст Петрович, вздрогнув, сунул руку за спину, в потайную

кобуру, нащупал рифленую рукоятку «герстaля».

В дверной щели появилась умильная физиономия кондуктора.

— Ваше превосходительство, к станции подъезжаем. Не угодно ли ножки размять? Там и буфет имеется.

От «превосходительства» Эраст Петрович приосанился и украдкой покосился на зеркало. Неужто правда за генерала можно принять? Что ж, «ножки размять» было бы неплохо, да и думается на ходу лучше. Вертелась в голове какая-то смутная идейка, да все ускользала, пока не давалась в руки, но обнадеживала — копай, мол, копай.

— Пожалуй. Сколько стоим?

— Двадцать минут. Да вы не извольте беспокоиться, гуляйте себе. — Кондуктор хихикнул. — Без вас не уедут-с.

Эраст Петрович спрыгнул с лесенки на залитую станционными огнями платформу. Кое-где в окнах купе свет уже не горел — очевидно, некоторые из пассажиров отошли ко сну. Фандорин сладко потянулся и сложил руки за спиной, приготовившись к моциону, призванному поспособствовать пущей мыслительной активности. Однако в это время из того же вагона спустился осанистый,

усатый господин в цилиндре, метнул в сторону молодого человека полный любопытства взгляд и протянул руку юной спутнице. При виде ее прелестного, свежего личика Эраст Петрович замер, а барышня просияла и звонко воскликнула:

— Папа, это он, тот господин из полиции! Помнишь, я тебе рассказывала? Ну тот, который нас с фрейлейн Пфуль допрашивал!

Последнее слово было произнесено с явным удовольствием, а ясные серые глаза смотрели на Фандорина с нескрываемым интересом. Следует признаться, что головокружительные события последних недель несколько приглушили воспоминания о той, кого Эраст Петрович именовал про себя исключительно «Лизанькой», а иногда, в особенно мечтательные минуты, даже «нежным ангелом». Однако при виде этого милого создания огонек, некогда опаливший сердце бедного коллежского регистратора, моментально полыхнул жаром, обжег легкие огненными искорками.

— Я, собственно, не из полиции, — покраснев, пробормотал Фандорин. — Фандорин, чиновник особых поручений при…

— Все знаю, je vous le dis tout cru[37], — с та-

[37] Примечания: 1.36
говорю прямо (фр.)

инственным видом сказал усатый, блеснув бриллиантом в галстуке. — Государственное дело, можете не вдаваться. Entre nous sois dit[38], сам неоднократно по роду деятельности имел касательство, так что все отлично понимаю. — Он приподнял цилиндр. — Однако позвольте представиться. Действительный тайный советник Александр Аполлодорович Эверт-Колокольцев, председатель Московской губернской судебной палаты. Моя дочь Лиза.

— Только зовите меня «Лиззи», «Лиза» мне не нравится, на «подлизу» похоже, — попросила барышня и наивно призналась. — А я про вас часто вспоминала. Вы Эмме понравились. И как вас зовут, помню — Эраст Петрович. Красивое имя — Эраст.

Фандорину показалось, что он уснул и видит чудесный сон. Тут главное — не шевелиться, а то не дай Бог проснешься.

---

[38] Примечания: 1.37
Между нами говоря (фр.)

Глава пятнадцатая, в которой убедительнейшим образом доказывается важность правильного дыхания

В обществе Лизаньки («Лиззи» у Эраста Петровича как-то не прижилось) одинаково хорошо и говорилось, и молчалось.

Вагон мерно покачивался на стыках, поезд, время от времени порыкивая гудком, мчался на головокружительной скорости через сонные, окутанные предрассветным туманом валдайские леса, а Лизанька и Эраст Петрович сидели в первом купе на мягких стульях и молчали. Смотрели в основном в окно, но по временам взглядывали и друг на друга, причем если взгляды ненароком пересекались, то это было совсем не стыдно, а наоборот, весело и приятно. Фандорин уже нарочно старался оборачиваться от окна как можно проворней, и всякий раз, когда ему удавалось поймать встречный взгляд, Лизанька тихонько прыскала.

Говорить не следовало еще и потому, что можно было разбудить господина барона, покойно дре-

мавшего на диване. Еще не так давно Александр Аполлодорович увлеченно обсуждал с Эрастом Петровичем балканский вопрос, а потом, почти на полуслове, вдруг всхрапнул и уронил голову на грудь. Теперь голова уютно покачивалась в такт стуку вагонных колес: та-дам, та-дам (туда-сюда, туда-сюда); та-дам, та-дам (туда-сюда, туда-сюда).

Лизанька тихо засмеялась каким-то своим мыслям, а когда Фандорин вопросительно посмотрел на нее, пояснила:

— Вы такой умный, все знаете. Вон папеньке и про Мидхат-пашу объяснили и про Абдул-Гамида. А я такая глупая, вы даже не представляете.

— Вы не можете быть глупая, — с глубоким убеждением прошептал Фандорин.

— Я бы вам рассказала, да стыдно… А впрочем, расскажу. Мне почему-то кажется, что вы не будете надо мной смеяться. То есть вместе со мной будете, а без меня не будете. Правда?

— Правда! — воскликнул Эраст Петрович, но барон шевельнул во сне бровями, и молодой человек снова перешел на шепот. — Я над вами никогда смеяться не буду.

— Смотрите же, обещали. Я после того вашего прихода представляла себе всякое… И так у меня красиво получалось. Только жалостливо очень

и непременно с трагическим концом. Это из-за «Бедной Лизы». Лиза и Эраст, помните? Мне всегда ужасно это имя нравилось — Эраст. Представляю себе: лежу я в гробу прекрасная и бледная, вся в окружении белых роз, то утонула, то от чахотки умерла, а вы рыдаете, и папенька с маменькой рыдают, и Эмма сморкается. Смешно, правда?

Бедная лиза

— Смешно, — подтвердил Фандорин.

— Просто чудо, что мы так на станции встретились. Мы к ma tante[39] погостить ездили и

[39] Примечания: 1.38
тетушке (фр.)

должны были еще вчера вернуться, но папенька в министерстве по делам задержался и переменили билеты. Ну разве не чудо?

— Какое же это чудо? — удивился Эраст Петрович. — Это перст судьбы.

Странное в окне было небо: все черное, а вдоль горизонта алая кайма. На столе уныло белели забытые депеши.

* * *

Извозчик вез Фандорина через всю утреннюю Москву от Николаевского вокзала в Хамовники. День был чист и радостен, а в ушах Эраста Петровича все не умолкал прощальный возглас Лизаньки:

— Так вы непременно приезжайте сегодня! Обещаете?

По времени все отлично складывалось. Сейчас в эстернат, к миледи. В жандармское управление лучше заехать потом — потолковать с начальником, а если удастся у леди Эстер выяснить что-то важное — так и телеграмму Лаврентию Аркадьевичу послать. С другой стороны, за ночь могли из посольств остальные депеши прийти… Фандорин достал из новенького серебряного портсигара папиросу, не очень ловко закурил. Не поехать

ли все-таки сначала в жандармское? Но лошадка уже бежала по Остоженке, и поворачивать назад было глупо. Итак: к миледи, потом в управление, потом домой — забрать вещи и переехать в приличную гостиницу, потом переодеться, купить цветов и к шести часам на Малую Никитскую, к Эверт-Колокольцевым. Эраст Петрович блаженно улыбнулся и пропел: «Он был титулярный советник, она генеральская до-очь, он робко в любви объясни-ился, она прогнала его про-очь».

А вот и знакомое здание с чугунными воротами, и служитель в синем мундире у полосатой будки.

— Где мне найти леди Эстер? — крикнул Фандорин, наклонившись с сиденья. — В эстернате или у себя?

— Об это время обыкновенно у себя бывают, — браво отрапортовал привратник, и коляска загромыхала дальше, в тихий переулок.

У двухэтажного домика дирекции Фандорин велел извозчику ждать, предупредив, что ожидание может затянуться.

Все тот же надутый швейцар, которого миледи назвала «Тимофэй», бездельничал возле двери, только не грелся на солнце, как в прошлый раз, а перебрался в тень, ибо июньское светило припе-

кало не в пример жарче майского.

Теперь «Тимофэй» повел себя совершенно иначе, проявив недюжинный психологический талант, — снял фуражку, поклонился и сладким голосом спросил, как доложить. Что-то, видно, изменилось во внешности Эраста Петровича за минувший месяц, не возбуждал он более у швейцарского племени инстинкта хватать и не пущать.

— Не докладывай, сам пройду.

«Тимофэй» изогнулся дугой и безропотно распахнул дверь, пропуская посетителя в обитую штофом прихожую, откуда по ярко освещенному солнцем коридору Эраст Петрович дошел до знакомой бело-золотой двери. Она отворилась ему навстречу, и некий долговязый субъект в такой же, как у «Тимофэя», синей ливрее и таких же белых чулках, вопросительно уставился на пришедшего.

— Третьего отделения чиновник Фандорин, по срочному делу, — строго сказал Эраст Петрович, однако лошадиная физиономия лакея осталась непроницаемой, и пришлось пояснить по-английски:

— State police, inspector Fandorin, on urgent

official business.[40]

Снова ни один мускул не дрогнул на каменном лице, однако смысл сказанного был понят — лакей чопорно наклонил голову и исчез за дверью, плотно прикрыв за собой створки.

Через полминуты они снова распахнулись. На пороге стояла сама леди Эстер. Увидев старого знакомого, она радостно улыбнулась:

— О, это вы, мой мальчик. А Эндрю сказал, какой-то важный господин из тайной полиции. Проходите-проходите. Как поживаете? Почему у вас такой усталый вид?

— Я только с петербургского поезда, миледи, — стал объяснять Фандорин, проходя в кабинет. — Прямо с вокзала к вам, уж очень дело срочное.

— О да, — печально покивала баронесса, усаживаясь в кресло и жестом приглашая гостя сесть напротив. — Вы, конечно, хотите поговорить со мной о милом Джеральде Каннингеме. Это какой-то страшный сон, я ничего не понимаю… Эндрю, прими у господина полицейского шляпу… Это мой давний слуга, только что приехал из Англии. Славный Эндрю, я по нему скучала. Иди, Эндрю, иди, друг мой, ты пока не нужен.

---

[40] Примечания: 1.39

Государственная полиция. Инспектор Фандорин. По срочному официальному делу. (англ.)

Костлявый Эндрю, вовсе не показавшийся Эрасту Петровичу славным, с поклоном удалился, и Фандорин заерзал в жестком кресле, устраиваясь поудобнее — разговор обещал затянуться.

— Миледи, я очень опечален случившимся, однако господин Каннингем, ваш ближайший и многолетний помощник, оказался замешан в очень серьезную криминальную историю.

— И теперь вы закроете мои российские эстернаты? — тихо спросила миледи. — Боже, что будет с детьми… Они только-только начали привыкать к нормальной жизни. И сколько среди них талантов! Я обращусь с просьбой на высочайшее имя — быть может, мне позволят вывезти моих питомцев за границу.

— Вы напрасно тревожитесь, — мягко сказал Эраст Петрович. — Ничего с вашими эстернатами не случится. В конце концов, это было бы просто преступлением. Я всего лишь хочу расспросить вас о Каннингеме.

— Разумеется! Все, что угодно. Бедняжка Джеральд… Вы знаете, он ведь из очень хорошей семьи, внук баронета, но его родители утонули, возвращаясь из Индии, и мальчик в одиннадцать лет остался сиротой. У нас в Англии очень жесткие законы наследования, все достается

старшему сыну — и титул, и состояние, а младшие часто не имеют и гроша за душой. Джеральд был младшим сыном младшего сына, без средств, без дома, родственники им не интересовались… Вот, я как раз пишу соболезнование его дяде, абсолютно никчемному джентльмену, которому до Джеральда не было никакого дела. Что поделаешь, мы, англичане, придаем большое значение формальностям. — Леди Эстер показала листок, исписанный крупным, старомодным почерком с завитушками и затейливыми росчерками. — В общем, я взяла ребенка к себе. В Джеральде обнаружились выдающиеся математические способности, я думала, что он станет профессором, но живость ума и честолюбие не очень-то способствуют научной карьере. Я быстро заметила, что мальчик пользуется авторитетом у других детей, что ему нравится верховодить. Он обладал прирожденным лидерским талантом: редкостная сила воли, дисциплинированность, умение безошибочно выделить в каждом человеке сильные и слабые стороны. В Манчестерском эстернате его избрали старостой. Я полагала, что Джеральд захочет поступить на государственную службу или заняться политикой — из него получился бы прекрасный колониальный чиновник, а со

временем, возможно, даже генерал-губернатор. Каково же было мое удивление, когда он выразил желание остаться у меня и заняться воспитательской деятельностью!

— Еще бы, — кивнул Фандорин. — Тем самым он получал возможность подчинять своему влиянию неокрепшие детские умы, а затем поддерживать контакты с выпускниками… — Эраст Петрович не договорил, пораженный внезапной догадкой. Боже, как все просто! Поразительно, что это не открылось ему раньше!

— Очень скоро Джеральд стал моим незаменимым помощником, — продолжила миледи, не заметив, как изменилось выражение лица собеседника. — Какой это был самоотверженный, неутомимый работник! И редкостный лингвистический дар — без него мне было бы просто невозможно уследить за работой филиалов в стольких странах. Я знаю, его врагом всегда было непомерное честолюбие. Это детская психическая травма, желание доказать родственникам, что он всего добьется и без их помощи. Я чувствовала, чувствовала странное несоответствие — при его способностях и амбициях он никак не должен был довольствоваться скромной ролью педагога, хоть бы даже и с очень приличным жалованьем.

Однако Эраст Петрович уже не слушал. У него в голове словно зажглась электрическая лампа, высветив все то, что прежде тонуло во мраке. Все сходилось! Неизвестно откуда взявшийся сенатор Доббс, «потерявший память» французский адмирал, турецкий эфенди неведомого происхождения, да и покойный Бриллинг — да-да, и он тоже! Нелюди? Марсиане? Пришельцы из потустороннего мира? Как бы не так! Они все — питомцы эстернатов, вот они кто! Они подкидыши, только подброшенные не к дверям приюта, а наоборот — из приюта их подбросили в общество. Каждый был соответствующим образом подготовлен, каждый обладал искусно выявленным и тщательном выпестованным талантом! Не случайно Жана Антрепида подбросили именно на путь французского фрегата — очевидно, у юноши было незаурядное дарование моряка. Только зачем-то понадобилось скрыть, откуда он такой талантливый взялся. Хотя понятно, зачем! Если бы мир узнал, сколько блестящих карьеристов выходит из питомника леди Эстер, то неминуемо насторожился бы. А так все происходит как бы само собой. Толчок в нужном направлении — и талант непременно себя проявит. Вот почему каждый из когорты «сирот»

добился таких потрясающих успехов в карьере! Вот почему им так важно было доносить Каннингему о своем продвижении по службе — ведь тем самым они подтверждали свою состоятельность, правильность сделанного выбора! И совершенно естественно, что по-настоящему все эти гении преданы только своему сообществу — ведь это их единственная семья, семья, которая защитила их от жестокого мира, взрастила, раскрыла в каждом его неповторимое «я». Ну и семейка из почти четырех тысяч гениев, разбросанных по всему миру! Ай да Каннингем, ай да «лидерский талант»! Хотя стоп…

— Миледи, а сколько лет было Каннингему? — нахмурившись, спросил Эраст Петрович.

— Тридцать три, — охотно ответила леди Эстер. — А 16 октября исполнилось бы тридцать четыре. На свой день рождения Джеральд всегда устраивал для детей праздник, причем не ему дарили подарки, а он сам всем что-нибудь дарил. По-моему, это съедало чуть ли не все его жалование…

— Нет, не сходится! — вскричал Фандорин в отчаянии.

— Что не сходится, мой мальчик? — удивилась миледи.

— Антрепид найден в море двадцать лет назад! Каннингему тогда было всего тринадцать. Доббс разбогател четверть века назад, Каннингем тогда еще и сиротой не стал! Нет, это не он!

— Да что вы такое говорите? — пыталась вникнуть англичанка, растерянно моргая ясными голубыми глазками.

А Эраст Петрович молча уставился на нее, сраженный страшной догадкой.

— Так это не Каннингем..., — прошептал он. — Это все вы... Вы сами! Вы были и двадцать, и двадцать пять лет, и сорок назад! Ну конечно, кто же еще! А Каннингем, действительно, был всего лишь вашей правой рукой! Четыре тысячи ваших питомцов, по сути дела ваших детей! И для каждого вы как мать! Это про вас, а вовсе не про Амалию говорили Морбид с Францем! Вы каждому дали цель в жизни, каждого «вывели на путь»! Но это же страшно, страшно! — Эраст Петрович застонал, как от боли. — Вы с самого начала собирались использовать вашу педагогическую теорию для создания всемирного заговора.

— Ну, не с самого, — спокойно возразила леди Эстер, в которой произошла какая-то неуловимая, но совершенно очевидная перемена. Она больше не казалась мирной, уютной старушкой, глаза

засветились умом, властностью и несгибаемой силой. — Сначала я просто хотела спасти бедных, обездоленных детенышей человеческих. Я хотела сделать их счастливыми — скольких смогу. Пусть сто, пусть тысячу. Но мои усилия были крупицей песка в пустыне. Я спасала одного ребенка, а свирепый Молох общества тем временем перемалывал тысячу, миллион маленьких человеков, в каждом из которых изначально горит Божья искра. И я поняла, что мой труд бессмысленен. Ложкой моря не вычерпать. — Голос леди Эстер набрал силу, согбенные плечи распрямились. — И еще я поняла, что Господь дал мне силы на большее. Я могу спасти не горстку сирот, я могу спасти человечество. Пусть не при жизни, пусть через двадцать, тридцать, пятьдесят лет после моей смерти. Это мое призвание, это моя миссия. Каждый из моих детей — драгоценность, венец мироздания, рыцарь нового человечества. Каждый принесет неоценимую пользу, изменит своей жизнью мир к лучшему. Они напишут мудрые законы, откроют тайны природы, создадут шедевры искусства. И год от года их становится все больше, со временем они преобразуют этот мерзкий, несправедливый, преступный мир!

— Какие тайны природы, какие шедевры ис-

кусства? — горько спросил Фандорин. — Вас ведь интересует только власть. Я же видел — у вас там все сплошь генералы да будущие министры.

Миледи снисходительно улыбнулась:

— Друг мой, Каннингем ведал у меня только категорией F, очень важной, но далеко не единственной. «F» — это Force[41], то есть все, имеющее касательство к механизму прямой власти: политика, государственный аппарат, вооруженные силы, полиция и так далее. А еще есть категория «S» — Science[42], категория «A» — Art[43], категория «B» — Business. Есть и другие. За сорок лет педагогической деятельности я вывела на путь шестнадцать тысяч восемьсот девяносто три человека. Разве вы не видите, как стремительно в последние десятилетия развиваются наука, техника, искусство, законотворчество, промышленность? Разве вы не видите, что в нашем девятнадцатом столетии, начиная с его середины, мир вдруг стал добрее, разумнее, красивее? Происходит настоящая мирная революция. И она

---

[41] Примечания: 1.40
сила (англ.)

[42] Примечания: 1.41
наука (англ.)

[43] Примечания: 1.42
искусство (англ.)

совершенно необходима, иначе несправедливое устроение общества приведет к иной, кровавой революции, которая отбросит человечество на несколько веков назад. Мои дети каждодневно спасают мир. И погодите, то ли еще будет в грядущие годы. Кстати, я помню, как вы спрашивали меня, почему я не беру девочек. В тот раз, каюсь, я вам солгала. Я беру девочек. Совсем немного, но беру. В Швейцарии у меня есть особый эстернат, где воспитываются мои дорогие дочери. Это совершенно особый материал, возможно, еще более драгоценный, чем мои сыновья. С одной из моих воспитанниц вы, кажется, знакомы. — Миледи лукаво усмехнулась. — Сейчас, правда, она ведет себя неразумно и на время забыла о долге. С молодыми женщинами это случается. Но она непременно ко мне вернется, я знаю своих девочек.

Из этих слов Эрасту Петровичу стало ясно, что Ипполит все-таки не убил Амалию, а, видимо, куда-то увез, однако напоминание о Бежецкой разбередило старые раны и несколько ослабило впечатление (признаться, довольно изрядное), которое произвели на молодого человека рассуждения баронессы.

— Благая цель — это, конечно, замечательно! —

запальчиво воскликнул он. — Но как насчет средств? Ведь вам человека убить — как комара прихлопнуть.

— Это неправда! — горячо возразила миледи. — Я искренне сожалею о каждой из потерянных жизней. Но нельзя вычистить Авгиевы конюшни, не замаравшись. Один погибший спасает тысячу, миллион других людей.

— И кого же спас Кокорин? — язвительно поинтересовался Эраст Петрович.

— На деньги этого никчемного прожигателя жизни я воспитаю для России и мира тысячи светлых голов. Ничего не поделаешь, мой мальчик, не я устроила этот жестокий мир, в котором за все нужно платить свою цену. По-моему, в данном случае цена вполне разумна.

— Ну, а смерть Ахтырцева?

— Во-первых, он слишком много болтал. Во-вторых, чрезмерно досаждал Амалии. А в-третьих, — вы же сами говорили Ивану Бриллингу: бакинская нефть. Никто не сможет опротестовать написанное Ахтырцевым завещание, оно осталось в силе.

— А риск полицейского расследования?

— Ерунда, — пожала плечом миледи. — Я знала, что мой милый Иван все устроит. Он с детства

отличался блестящим аналитическим умом и организаторским талантом. Какая трагедия, что его больше нет… Бриллинг устроил бы все идеальным образом, если б не один чрезвычайно настырный юный джентльмен. Нам всем очень, очень не повезло.

— Постойте-ка, миледи, — наконец-то додумался насторожиться Эраст Петрович. — А почему вы со мной так откровенны? Неужто вы надеетесь перетянуть меня в свой лагерь? Если б не пролитая кровь, я был бы целиком на вашей стороне, однако же ваши методы…

Леди Эстер, безмятежно улыбнувшись, перебила:

— Нет, друг мой, я не надеюсь вас распропагандировать. К сожалению, мы познакомились слишком поздно — ваш ум, характер, система моральных ценностей успели сформироваться, и теперь изменить их почти невозможно. А откровенна я с вами по трем причинам. Во-первых, вы очень смышленый юноша и вызываете у меня искреннюю симпатию. Я не хочу, чтобы вы считали меня чудовищем. Во-вторых, вы совершили серьезную оплошность, отправившись с вокзала прямо сюда и не известив об этом свое начальство. Ну а в-третьих, я не случайно усадила вас в

это крайне неудобное кресло с так странно изогнутой спинкой.

Она сделала рукой какое-то неуловимое движение, и из высоких подлокотников выскочили две стальных полосы, намертво приковав Фандорина к креслу. Еще не осознав случившегося, он дернулся встать, но не смог даже толком пошевелиться, а ножки кресла будто приросли к полу.

Миледи позвонила в колокольчик, и в ту же секунду вошел Эндрю, словно подслушивал за дверью.

— Мой славный Эндрю, пожалуйста, поскорее приведи профессора Бланка, — приказала леди Эстер. — По дороге объясни ему ситуацию. Да, и пусть захватит хлороформ. А Тимофэю поручи извозчика. — Она печально вздохнула. — Тут уж ничего не поделаешь…

Эндрю молча поклонился и вышел. В кабинете повисло молчание: Эраст Петрович пыхтел, барахтаясь в стальном капкане и пытаясь извернуться, чтоб достать из-за спины спасительный «герстaль», однако проклятые обручи прижали так плотно, что от этой идеи пришлось отказаться. Миледи участливо наблюдала за телодвижениями молодого человека, время от времени покачивая головой.

Довольно скоро в коридоре раздались быстрые шаги, и вошли двое: гений физики профессор Бланк и безмолвный Эндрю.

Мельком взглянув на пленника, профессор спросил по-английски:

— Это серьезно, миледи?

— Да, довольно серьезно, — вздохнула она. — Но поправимо. Конечно, придется немного похлопотать. Я не хочу без нужды прибегать к крайнему средству. Вот и вспомнила, что вы, мой мальчик, давно мечтали об эксперименте с человеческим материалом. Похоже, случай представился.

— Однако я еще не вполне готов работать с человеческим мозгом, — неуверенно сказал Бланк, разглядывая притихшего Фандорина. — С другой стороны, было бы расточительством упускать такой шанс…

— В любом случае нужно его усыпить, — заметила баронесса. — Вы принесли хлороформ?

— Да-да, сейчас. — Профессор достал из вместительного кармана склянку и обильно смочил из нее носовой платок. Эраст Петрович ощутил резкий медицинский запах и хотел было возмутиться, но Эндрю в два прыжка подскочил к креслу и с невероятной силой обхватил узника за горло.

— Прощайте, бедный мальчик, — сказала миледи и отвернулась.

Бланк вынул из жилетного кармана золотые часы, посмотрел на них поверх очков и плотно закрыл лицо Фандорина пахучей белой тряпкой. Вот когда пригодилась Эрасту Петровичу спасительная наука несравненного Чандры Джонсона! Вдыхать предательский аромат, в котором праны явно не содержалось, молодой человек не стал. Самое время было приступить к упражнению по задержке дыхания.

— Одной минуты будет более чем достаточно, — заявил ученый, крепко прижимая платок ко рту и носу обреченного.

«И-и восемь, и-и девять, и-и десять», — мысленно считал Эраст Петрович, не забывая судорожно разевать рот, пучить глаза и изображать конвульсии. Кстати говоря, при всем желании вдохнуть было бы не так просто, поскольку Эндрю сдавил горло железной хваткой.

Счет перевалил за восемьдесят, легкие из последних сил боролись с жаждой вдоха, а гнусная тряпка все холодила влагой пылающее лицо. Восемспять, восемсшесть, восемсемь, — перешел на нечестную скороговорку Фандорин, из последних сил пытаясь одурачить невыносимо медленный

секундомер. Внезапно он сообразил, что хватит дергаться, давно пора потерять сознание, и обмяк, замер, а для пущей убедительности еще и нижнюю челюсть отвалил. На счете девяносто три Бланк убрал руку.

— Однако, — констатировал он, — какая сопротивляемость организма. — Почти семьдесят пять секунд.

«Бесчувственный» откинул голову на бок и делал вид, что дышит мерно и глубоко, хотя ужасно хотелось хватать воздух изголодавшимся по кислороду ртом.

— Готово, миледи, — сообщил профессор. — Можно приступать к эксперименту.

Глава шестнадцатая, в которой электричеству предвещается великое будущее

— Перенесите его в лабораторию, — сказала миледи. — Но нужно торопиться. Через двенадцать минут начнется перемена. Дети не должны этого видеть.

В дверь постучали.

— Тимофэй, это ви? — спросила баронесса по-русски. — Come in!

Эраст Петрович не решался подглядывать даже через ресницы — если кто заметит, все, конец. Он услышал тяжелые шаги швейцара и громкий, словно обращенный к глухим, голос:

— Так что все в лучшем виде, ваше сиятельство. Олл райт. Позвал извозчика чайку попить. Чай! Ти! Дринк![44] Живучий, чертяка, попался. Пьет, пьет и хоть бы что ему. Дринк, дринк — насинг[45]. Но потом ничего, сомлел. А пролеточку я за дом

---

[44] Примечания: 1.43
Чай! Пить! (лом. англ.)

[45] Примечания: 1.44
Пьет, пьет — ничего. (лом. англ.)

отогнал. Бихайнд наш хаус[46]. Во двор, говорю, отогнал. Пока постоит, а после уж я позабочусь, не извольте беспокоиться.

Бланк перевел баронессе сказанное.

— Fine, — откликнулась она и вполголоса добавила. — Andrew, just make sure that he doesn't try to make a profit selling the horse and the carriage[47].

Ответа Фандорин не услышал — должно быть, молчаливый Эндрю просто кивнул.

«Ну давайте, гады, отстегивайте меня, — мысленно поторопил злоумышленников Эраст Петрович. — У вас же перемена скоро. Сейчас я вам устрою эксперимент. Про предохранитель бы только не забыть».

Однако Фандорина ждало серьезное разочарование — никто его отстегивать не стал. Прямо возле уха раздалось сопение и запахло луком («Тимофэй», безошибочно определил узник), что-то тихонько скрежетнуло раз, второй, третий, четвертый.

— Готово. Отвинтил, — доложил швейцар. — Бери, Андрюха, несем.

---

[46] Примечания: 1.45

За нашим домом (лом. англ.)

[47] Примечания: 1.46

Хорошо. Эндрю, проследите только, чтобы он не попытался заработать на продаже лошади и экипажа (англ.)

Эраста Петровича подняли вместе с креслом и понесли. Чуть-чуть приоткрыв глаз, он увидел галерею и освещенные солнцем голландские окна. Все ясно — волокут в главный корпус, в лабораторию.

Когда, стараясь не шуметь, носильщики ступили в рекреационную залу, Эраст Петрович всерьез задумался — не очнуться ли ему и не нарушить ли учебный процесс истошными воплями. Пусть детки посмотрят, какими делами их добрая миледи занимается. Но из классов доносились такие мирные, уютные звуки — мерный учительский басок, взрыв мальчишеского смеха, распевка хора — что у Фандорина не хватило духу. Ничего, еще не время раскрывать карты, оправдал он свою мягкотелость.

А потом было уже поздно — школьный шум остался позади. Эраст Петрович подглядел, что его волокут вверх по какой-то лестнице, скрипнула дверь, повернулся ключ.

Даже сквозь закрытые веки было видно, как ярко вспыхнул электрический свет. Фандорин одним прищуренным глазом быстро обозрел обстановку. Успел разглядеть какие-то фарфоровые приборы, провода, металлические катушки. Все это ему крайне не понравилось. Вдали приглу-

шенно ударил колокол — видно, закончился урок, и почти сразу же донеслись звонкие голоса.

— Надеюсь, все закончится хорошо, — вздохнула леди Эстер. — Мне будет жаль, если юноша погибнет.

— Я тоже надеюсь, миледи, — явно волнуясь, ответил профессор и загремел чем-то железным. — Но науки без жертв, увы, не бывает. За каждый новый шажок познания приходится платить дорогой ценой. На сантиментах далеко не уедешь. А если вам этот молодой человек так дорог, пусть бы ваш медведь не травил извозчика, а подсыпал бы ему снотворного. Я бы тогда начал с извозчика, а молодого человека оставил на потом. Это дало бы ему дополнительный шанс.

— Вы правы, друг мой. Абсолютно правы. Это была непростительная ошибка. — В голосе миледи звучало неподдельное огорчение. — Но вы все же постарайтесь. Объясните мне еще раз, что именно вы намерены сделать?

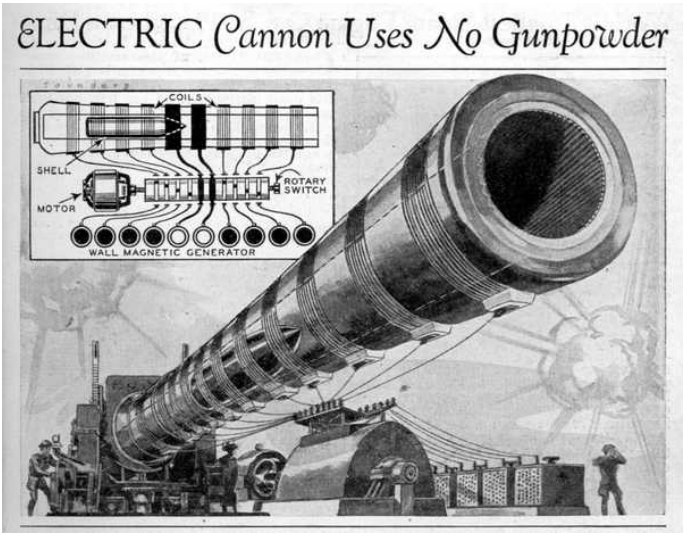
Эраст Петрович навострил уши — этот вопрос его тоже очень интересовал.

— Вам известна моя генеральная идея, — с воодушевлением произнес Бланк и даже перестал греметь. — Я считаю, что покорение электрической стихии — ключ к грядущему столетию.

Да-да, миледи! До двадцатого века остается двадцать четыре года, но это не так уж долго. В новом столетии мир преобразится до неузнаваемости, и свершится эта великая перемена благодаря электричеству. Электричество — это не просто способ освещения, как полагают профаны. Оно способно творить чудеса и в великом, и в малом. Представьте себе карету без лошади, которая едет на электромоторе!

Представьте поезд без паровоза — быстрый, чистый, бесшумный! А мощные пушки, разящие врага направленным разрядом молнии! А городской дилижанс без конной тяги!

— Все это вы уже много раз говорили, — мягко прервала энтузиаста баронесса. — Объясните мне про медицинское использование электричества.



— О, это самое интересное, — еще больше возбудился профессор. — Именно этой сфере электрической науки я намерен посвятить свою жизнь. Макроэлектричество — турбины, моторы, мощные динамо-машины — изменят окружающий мир, а микроэлектричество изменит самого человека, исправит несовершенства природной конструкции homo sapiens. Электрофизиология и электротерапия — вот что спасет человечество, а вовсе не ваши умники, которые играют в великих политиков или, смешно сказать, малюют

картинки.

— Вы неправы, мой мальчик. Они тоже делают очень важное и нужное дело. Но продолжайте.

— Я дам вам возможность сделать человека, любого человека, идеальным, избавить его от пороков. Все дефекты, определяющие поведение человека, гнездятся вот здесь, в подкорке головного мозга. — Жесткий палец пребольно постучал Эраста Петровича по темени. — Если объяснять упрощенно, в мозге есть участки, ведающие логикой, наслаждениями, страхом, жестокостью, половым чувством и так далее, и так далее. Человек мог бы быть гармонической личностью, если б все участки функционировали равномерно, но этого не бывает почти никогда. У одного чрезмерно развит участок, отвечающий за инстинкт самосохранения, и этот человек — патологический трус. У другого недостаточно задействована зона логики, и этот человек — непроходимый дурак. Моя теория состоит в том, что при помощи электрофореза, то есть направленного и строго дозированного разряда электрического тока, возможно стимулировать одни участки мозга и подавлять другие, нежелательные.

— Это очень, очень интересно, — сказала баронесса. — Вы знаете, милый Гебхардт, что я до сих

пор не ограничивала вас в финансировании, но почему вы так уверены, что подобная корректировка психики в принципе возможна?

— Возможна! В этом нет ни малейших сомнений! Известно ли вам, миледи, что в захоронениях инков обнаружены черепа с одинаковым отверстием вот здесь? — Палец снова дважды ткнул Эраста Петровича в голову. — Тут расположен участок, ведающий страхом. Инки знали это и при помощи своих примитивных инструментов выдалбливали у мальчиков касты воинов трусость, делали своих солдат неустрашимыми. А мышь? Вы помните?

— Да, ваша «бесстрашная мышь», кидавшаяся на кошку, произвела на меня впечатление.

— О, это только начало. Представьте себе общество, в котором нет преступников! Жестокого убийцу, маньяка, вора после ареста не казнят и не посылают на каторгу — ему всего лишь делают небольшую операцию, и этот несчастный человек, навсегда избавившись от болезненной жестокости, чрезмерной похоти или непомерной алчности, становится полезным членом общества! А вообразите, что какого-нибудь из ваших мальчиков, и без того очень способного, подвергли моему электрофорезу, еще более усилившему

его дар?

— Ну уж своих мальчиков я вам не отдам, — отрезала баронесса. — От чрезмерного таланта сходят с ума. Лучше уж экспериментируйте с преступниками. А что такое «чистый человек»?

— Это сравнительно простая операция. Думаю, я к ней уже почти готов. Можно нанести удар по участку накопления памяти, и тогда мозг человека станет чистым листом, вы словно пройдетесь по нему ластиком. Сохранятся все интеллектуальные способности, но приобретенные навыки и знания исчезнут. Вы получаете человека чистеньким, будто новорожденным. Помните эксперимент с лягушкой? После операции она разучилась прыгать, но двигательных рефлексов не утратила. Разучилась ловить мошек, но глотательный рефлекс остался. Теоретически можно было бы обучить ее всему этому заново. Теперь возьмем нашего пациента… А вы двое, что вылупились? Берите его, кладите на стол. Macht schnell![48]

Вот оно, сейчас! Фандорин изготовился. Однако подлый Эндрю так крепко взял его за плечи, что нечего было и пытаться лезть за револьвером.

---

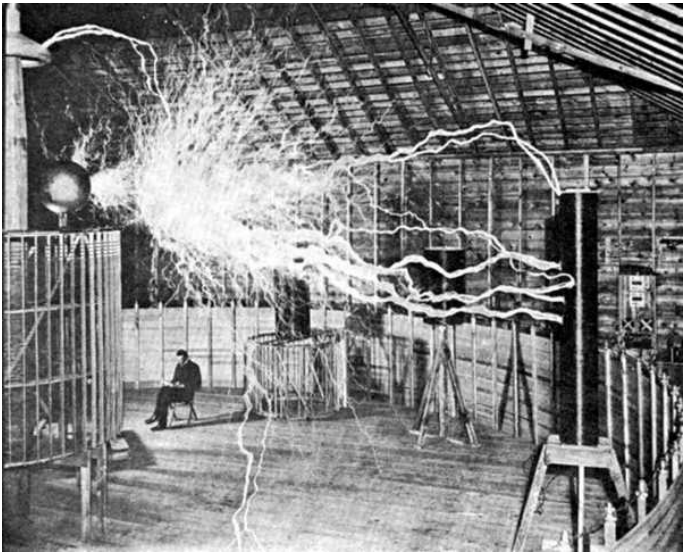
[48] Примечания: 1.47
Живей! (нем.)

«Тимофэй» чем-то щелкнул, и стальные обручи, давившие узнику на грудь, убрались.

— Раз-два, взяли! — скомандовал «Тимофэй», беря Эраста Петровича за ноги, а Эндрю, все так же цепко сжимавший пленнику плечи, легко поднял его из кресла.

Подопытного перенесли на стол и уложили навзничь, причем Эндрю по-прежнему придерживал его за локти, а швейцар за щиколотки. Кобура немилосердно врезалась Фандорину в поясницу. Снова раздались звуки колокола — перемена закончилась.

— После того, как я синхронно обработаю электрическим разрядом два участка мозга, пациент совершенно очистится от предшествующего жизненного опыта и, так сказать, превратится в младенца. Его нужно будет снова учить всему — ходить, жевать, пользоваться туалетом, а позднее читать, писать и так далее. Полагаю, что ваших педагогов это заинтересует, тем более вы ведь уже имеете некоторое представление о склонностях этого индивида.



— Да. Он отличается прекрасной реакцией, смел, обладает хорошо развитым логическим мышлением и уникальной интуицией. Надеюсь, все это поддается восстановлению.

В другой обстановке Эраст Петрович почувствовал бы себя польщенным столь лестной характеристикой, но сейчас его закорчило от ужаса — он представил, как лежит в розовой колыбельке, с соской во рту и бессмысленно гугукает, а над ним склоняется леди Эстер и уко-

ризненно говорит: «У, какие мы нехолосые, снова мокленькие лежим». Нет уж, лучше смерть!

— У него конвульсии, сэр, — впервые разомкнул уста Эндрю. — Не очнулся бы.

— Невозможно, — отрезал профессор. — Наркоза хватит минимум на два часа. Легкие конвульсивные движения — это нормально. Опасность, миледи, в одном. У меня не было достаточно времени, чтобы точно рассчитать потребную силу разряда. Если дать больше, чем нужно, это убьет пациента или навсегда сделает его идиотом. Если недобрать, в подкорке сохранятся смутные, остаточные образы, которые под воздействием внешнего раздражителя могут однажды сложится в определенное воспоминание.

Помолчав, баронесса произнесла с явным сожалением:

— Мы не можем рисковать. Пускайте разряд посильней.

Раздалось странное жужжание, а потом потрескивание, от которого у Фандорина мороз пробежал по коже.

— Эндрю, выстригите два кружочка — вот здесь и вот здесь, — сказал Бланк, коснувшись волос лежащего. — Мне нужно будет подсоединить электроды.

— Нет, этим пусть займется Тимофэй, — решительно объявила леди Эстер. — А я ухожу. Не хочу это видеть — потом ночью не усну. Эндрю, ты пойдешь со мной. Я напишу кое-какие срочные депеши, а ты отвезешь их на телеграф. Нужно принять меры предосторожности — ведь нашего друга скоро хватятся.

— Да-да, миледи, вы мне только будете мешать, — рассеянно ответил профессор, занятый приготовлениями. — Я немедленно извещу вас о результате.

Железные клещи, которыми были стиснуты локти Эраста Петровича, наконец-то разжались.

Едва за дверью стихли удаляющиеся шаги, Фандорин открыл глаза, рывком высвободил ноги и, стремительно разогнув колени, пнул «Тимофэя» в грудь — да так, что тот отлетел в угол. В следующее мгновение Эраст Петрович уже спрыгнул со стола на пол и, щурясь от света, рванул из-под фалды заветный «герсталь».

— Ни с места! Убью! — мстительно прошипел воскресший, и в этот миг ему, в самом деле, хотелось застрелить их обоих — и тупо хлопающего глазами «Тимофэя», и сумасшедшего профессора, недоуменно застывшего с двумя стальными спицами в руке. От спиц тонкие провода тянулись к

какой-то хитрой, помигивающей огоньками машине. В лаборатории вообще имелось множество всяких любопытных штук, но рассматривать их было не ко времени.

Швейцар не пытался подняться с пола и только мелко крестился, но с Бланком, кажется, было неблагополучно. Эрасту Петровичу показалось, что ученый совсем не испугался, а только взбешен неожиданным препятствием, которое могло сорвать эксперимент. В голове пронеслось: сейчас бросится! И желание убить съежилось, растаяло без остатка.

— Без глупостей! Стоять на месте! — чуть дрогнув голосом, выкрикнул Фандорин.

В ту же секунду Бланк взревел:

— Scweinhund! Du hast alles verdorben![49] — и ринулся вперед, ударившись боком о край стола.

Эраст Петрович нажал на спуск. Ничего. Предохранитель! Щелкнул кнопкой. Нажал два раза подряд. Да-дах! — жахнуло двуединым раскатом, и профессор упал ничком, головой прямо под ноги стрелявшему.

Испугавшись нападения сзади, Фандорин резко развернулся, готовый стрелять еще, но «Тимоф-

---

[49] Примечания: 1.48
Скотина! Ты все испортил! (нем.)

эй» вжался спиной в стену и плачущим голосом зачастил:

— Ваше благородие, не убивайте! Не по своей воле! Христом-богом! Ваше благородие!

— Вставай, мерзавец! — взвыл полуоглохший, озверевший Эраст Петрович. — Марш вперед!

Толкая швейцара дулом в спину, погнал по коридору, потом вниз по лестнице. «Тимофэй» мелко семенил, ойкая всякий раз, когда ствол тыкался ему в позвоночник.

Через рекреационную залу пробежали быстро, и Фандорин старался не смотреть на открытые двери классных комнат, откуда выглядывали учителя и высовывавшиеся из-за их спин молчаливые дети в синих мундирчиках.

— Это полиция! — крикнул Эраст Петрович в пространство. — Господа учителя, детей из классов не выпускать! Самим тоже не выходить!

Длинной галереей, все так же полушагом-полубегом достигли флигеля. У бело-золотой двери Эраст Петрович толкнул «Тимофэя» изо всех сил — швейцар лбом распахнул створки и едва удержался на ногах. Никого. Пусто!

— Марш вперед! Открывай все двери! — приказал Фандорин. — И учти: если что, убью, как собаку.

Швейцар только всплеснул руками и зарысил обратно в коридор. В пять минут осмотрели все комнаты первого этажа. Ни души — лишь в кухне, грузно навалившись грудью на стол и вывернув на сторону мертвое лицо, спал вечным сном бедняга извозчик. Эраст Петрович только мельком взглянул на крошки сахара в бороде, на лужицу разлившегося чая, и велел «Тимофэю» двигаться дальше.

На втором этаже располагались две спальни, гардеробная и библиотека. Баронессы и ее лакея не оказалось и там. Где же они? Услышали выстрелы и спрятались где-то в эстернате? Или вообще скрылись бегством?

Эраст Петрович в сердцах взмахнул рукой с револьвером, и внезапно грянул выстрел. Пуля с визгом отрикошетила от стены и ушла в окно, оставив на стекле аккуратную звездочку с расходящимися лучиками. Черт, предохранитель-то снят, а спуск слабый, вспомнил Фандорин и тряхнул головой, чтобы освободиться от звона в ушах.

На «Тимофэя» неожиданный выстрел произвел магическое воздействие — швейцар повалился на колени и заканючил:

— Ваше бла… ваше высокоблагородие… Не

лишайте жизни! Бес попутал! Все, все, как на духу! Ведь детки, жена хворая! Покажу! Как Бог свят покажу! В погребе они, в подвале тайном! Покажу, только душу не погубите!

— В каком таком подвале? — грозно спросил Эраст Петрович и поднял пистолет, словно и в самом деле собирался немедленно учинить расправу.

— А вот за мной, за мной пожалуйте.

Швейцар вскочил на ноги и, поминутно оглядываясь, повел Фандорина снова на первый этаж, в кабинет баронессы.

— По случаю один раз подглядел… Оне нас не подпускали. Не было у них к нам доверия. А как же — русский человек, душа православная, не англинских кровей. — «Тимофэй» перекрестился. — Только Андрею ихнему туда ход был, а нам ни-ни.

Он забежал за письменный стол, повернул ручку на секретере, и секретер вдруг отъехал вбок, обнажив небольшую медную дверь.

— Открывай! — велел Эраст Петрович.

«Тимофэй» еще трижды перекрестился и толкнул дверцу. Она беззвучно отворилась, и показалась лестница, ведущая вниз, в темноту.

Подталкивая швейцара в спину, Фандорин

стал осторожно спускаться. Лестница кончилась стенкой, но за угол, направо, сворачивал низкий коридор.

— Пошел, пошел! — шикнул на замешкавшего «Тимофэя» Эраст Петрович.

Свернули за угол, в кромешную тьму. Надо было свечу захватить, подумал Фандорин и полез левой рукой в карман за спичками, но впереди вдруг ярко вспыхнуло и грохнуло. Швейцар ойкнул и осел на пол, а Эраст Петрович выставил вперед «герсталь» и нажимал на спуск до тех пор, пока боек не защелкал по пустым гильзам. Наступила гулкая тишина. Трясущимися пальцами Фандорин достал коробок, чиркнул спичкой. «Тимофэй» бесформенной кучей сидел у стены и не шевелился. Сделав несколько шагов вперед, Эраст Петрович увидел лежащего навзничь Эндрю. Дрожащий огонек немного поиграл в стеклянных глазах и погас.

Оказавшись в темноте, учит великий Фуше, нужно зажмурить глаза, досчитать до тридцати, чтобы сузились зрачки, и тогда зрение сможет различить самый незначительный источник света. Эраст Петрович для верности досчитал до сорока, открыл глаза — и точно: откуда-то пробивалась полоска света. Выставив руку с

бесполезным «герсталем», он шагнул раз, другой, третий и увидел впереди слегка приоткрытую дверь, из щели которой и лился слабый свет. Баронесса могла находиться только там. Фандорин решительно направился к светящейся полоске и с силой толкнул дверь.

Его взору открылась небольшая комнатка с какими-то стеллажами вдоль стен. Посреди комнаты стоял стол, на нем горела свеча в бронзовом подсвечнике и освещала расчерченное тенями лицо леди Эстер.

— Входите, мой мальчик, — спокойно сказала она. — Я вас жду.

Эраст Петрович переступил порог, и дверь внезапно захлопнулась у него за спиной. Он вздрогнул, обернулся и увидел, что на двери нет ни скобы, ни ручки.

— Подойдите ближе, — тихо попросила миледи. — Я хочу получше рассмотреть ваше лицо, потому что это лицо судьбы. Вы — камешек, встретившийся на моей дороге. Маленький камешек, о который мне суждено было споткнуться.

Задетый таким сравнением, Фандорин приблизился к столу и увидел, что перед баронессой на столе стоит гладкая металлическая шкатулка.

— Что это? — спросил он.

— Об этом чуть позже. Что вы сделали с Гебхардтом?

— Он мертв. Сам виноват — нечего было лезть под пулю, — грубовато ответил Эраст Петрович, стараясь не думать о том, что в считанные несколько минут убил двух людей.

— Это большая потеря для человечества. Странный, одержимый был человек, но великий ученый. Одним Азазелем стало меньше…

— Что такое «Азазель»? — встрепенулся Фандорин. — Какое отношение к вашим сиротам имеет этот сатана?

— Азазель — не сатана, мой мальчик. Это великий символ спасителя и просветителя человечества. Господь создал этот мир, создал людей и предоставил их самим себе. Но люди так слабы и так слепы, они превратили божий мир в ад. Человечество давно бы погибло, если б не особые личности, время от времени появлявшиеся среди людей. Они не демоны и не боги, я зову их hero civilisateur[50]. Благодаря каждому из них человечество делало скачок вперед. Прометей дал нам огонь. Моисей дал нам понятие закона. Христос дал нравственный стержень. Но самый ценный

---

[50] Примечания: 1.49
Герой-цивилизатор (фр.)

из этих героев — иудейский Азазель, научивший человека чувству собственного достоинства. Сказано в «Книге Еноха»: «Он проникся любовью к людям и открыл им тайны, узнанные на небесах». Он подарил человеку зерцало, чтобы видел человек позади себя — то есть, имел память и понимал свое прошлое. Благодаря Азазелю мужчина может заниматься ремеслами и защищать свой дом. Благодаря Азазелю женщина из плодоносящей безропотной самки превратилась в равноправное человеческое существо, обладающее свободой выбора — быть уродливой или красивой, быть матерью или амазонкой, жить ради семьи или ради всего человечества. Бог только сдал человеку карты, Азазель же учит, как надо играть, чтобы выиграть. Каждый из моих питомцев — Азазель, хоть и не все они об этом знают.

— Как «не все»? — перебил Фандорин.

— В тайную цель посвящены немногие, лишь самые верные и несгибаемые, — пояснила миледи. — Они-то и берут на себя всю грязную работу, чтобы остальные мои дети остались незапятнанными. «Азазель» — мой передовой отряд, который должен исподволь, постепенно прибрать к рукам штурвал управления миром. О, как расцветет

наша планета, когда ее возглавят мои Азазели! И это могло бы произойти так скоро — через каких-нибудь двадцать лет… Остальные же питомцы эстернатов, не посвященные в тайну «Азазеля», просто идут по жизни своим путем, принося человечеству неоценимую пользу. А я всего лишь слежу за их успехами, радуюсь их достижениям и знаю, что если возникнет необходимость, никто из них не откажет в помощи своей матери. Ах, что с ними будет без меня? Что будет с миром?… Но ничего, «Азазель» жив, он доведет мое дело до конца.

Эраст Петрович возмутился:

— Видел я ваших Азазелей, ваших «верных и несгибаемых»! Морбид с Францем, Эндрю и тот, с рыбьими глазами, что Ахтырцева убил! Это они — ваша гвардия, миледи? Они — самые достойные?

— Не только они. Но и они тоже. Помните, мой друг, я говорила вам, что не каждому из моих детей удается найти свой путь в современном мире, потому что их дарование осталось в далеком прошлом или же потребуется в далеком будущем? Так вот, из таких воспитанников получаются самые верные и преданные исполнители. Одни мои дети — мозг, другие — руки. А человек,

устранивший Ахтырцева, не из моих детей. Он наш временный союзник.

Пальцы баронессы рассеянно погладили полированную поверхность шкатулки и как бы случайно, между делом, вдавили маленькую круглую кнопку.

— Все, милый юноша. У нас с вами осталось две минуты. Мы уйдем из жизни вместе. К сожалению, я не могу оставить вас в живых. Вы станете вредить моим детям.

— Что это? — закричал Фандорин и схватил шкатулку, оказавшуюся довольно тяжелой. — Бомба?

— Да, — сочувственно улыбнулась леди Эстер. — Часовой механизм. Изобретение одного из моих талантливых мальчиков. Такие шкатулки бывают тридцатисекундные, двухчасовые, даже двенадцатичасовые. Вскрыть ее и остановить механизм невозможно. Эта мина рассчитана на сто двадцать секунд. Я погибну вместе с моим архивом. Моя жизнь окончена, но я успела сделать не так уж мало. Мое дело продолжится, и меня еще вспомнят добрым словом.

Эраст Петрович попытался подцепить кнопку ногтями, но из этого ничего не вышло. Тогда он бросился к двери и стал шарить по ней пальцами,

стучать кулаками. Кровь пульсировала в ушах, отсчитывая биение времени.

— Лизанька! — в отчаянии простонал гибнущий Фандорин. — Миледи! Я не хочу умирать! Я молод! Я влюблен!

Леди Эстер смотрела на него с состраданием. В ней явно происходила какая-то борьба.

— Пообещайте, что охота на моих детей не станет целью вашей жизни, — тихо молвила она, глядя Эрасту Петровичу в глаза.

— Клянусь! — воскликнул он, готовый в эту минуту обещать все, что угодно.

После мучительной, бесконечно долгой паузы миледи улыбнулась мягкой, материнской улыбкой:

— Ладно. Живите, мой мальчик. Но поспешите, у вас сорок секунд.

Она сунула руку под стол, и медная дверь, скрипнув, открылась вовнутрь.

Кинув последний взгляд на неподвижную седую женщину и колыхнувшееся пламя свечи, Фандорин огромными прыжками понесся по темному коридору. Он ударился с разбега о стену, на четвереньках вскарабкался по лестнице, выпрямился, в два скачка пересек кабинет.

Еще через десять секунд дубовые двери флиге-

ля чуть не слетели с петель от мощного толчка, и по крыльцу кубарем слетел молодой человек с перекошенным лицом. Он пронесся по тихой, тенистой улице до угла и лишь там остановился, тяжело дыша. Оглянулся, замер.

Шли секунды, а ничего не происходило. Солнце благодушно золотило кроны тополей, на скамейке дремала рыжая кошка, где-то во дворе кудахтали куры.

Эраст Петрович схватился за бешено бьющееся сердце. Обманула! Провела, как мальчишку! А сама через черный ход ушла!

Он зарычал от бессильной ярости, и словно в ответ ему флигель откликнулся точно таким же рычанием. Стены дрогнули, крыша едва заметно качнулась, и откуда-то из-под земли донесся утробный гул разрыва.

Глава последняя, в которой герой прощается с юностью

Спросите любого жителя первопрестольной, когда лучше всего вступать в законный брак, и вы, конечно же, услышите в ответ, что человек основательный и серьезный, желающий с самого начала поставить свою семейную жизнь на прочный фундамент, непременно венчается только в конце сентября, потому что эта пора самым идеальным образом подходит для отплытия в мирное и долгое путешествие по волнам житейского моря-океана. Московский сентябрь сыт и ленив, разукрашен золотой парчой и румян кленовым багрянцем, как нарядная замоскворецкая купчиха. Если жениться в последнее воскресенье, то небо обязательно будет чистое, лазоревое, а солнце будет светить степенно и деликатно — жених не вспотеет в тугом крахмальном воротнике и тесном черном фраке, а невеста не замерзнет в своем газовом, волшебном, воздушном, чему и названия-то подходящего нет.

Выбрать церковь для свершения обряда — целая наука. Выбор в златоглавой, слава Богу,

велик, но оттого еще более ответственен. Настоящий московский старожил знает, что хорошо венчаться на Сретенке, в церкви Успенья в Печатниках: супруги проживут долго и умрут в один день. Для обретения многочисленного потомства более всего подходит церковь Никола Большой Крест, что раскинулась в Китай-городе на целый квартал. Кто более всего ценит тихий уют и домашность — выбирай Пимена Великого в Старых Воротниках. Если жених — человек военный, но желает окончить свои дни не на поле брани, а близ семейного очага, в кругу чад и домочадцев, то разумней всего давать брачный обет в церкви Святого Георгия, что на Всполье. Ну и, конечно, ни одна любящая мать не позволит дочери венчаться на Варварке, в церкви великомученицы Варвары — жить потом бедняжке всю жизнь в муках и страданиях.

Но лица знатные и высокочиновные не очень-то вольны в выборе, ибо церковь должна быть сановной и просторной, иначе не вместить гостей, представляющих цвет московского общества. А на венчании, которое заканчивалось в чинной и помпезной Златоустинской церкви, собралась «вся Москва». Зеваки, столпившиеся у входа, где длинной вереницей выстроились

экипажи, показывали на карету самого генерал-губернатора, князя Владимира Андреевича Долгорукого, а это означало, что свадьба справляется по наивысшему ранжиру.

В церковь пускали по особым приглашениям, и все же публики собралось до двухсот человек. Было много блестящих мундиров, как военных, так и статских, много обнаженных дамских плеч и высоких причесок, лент, звезд, бриллиантов. Горели все люстры и свечи, обряд начался давно, и приглашенные устали. Все женщины, вне зависимости от возраста и семейного состояния, были взволнованы и растроганны, но мужчины явно томились и вполголоса переговаривались о постороннем. Молодых уже давно обсудили. Отца невесты, действительного тайного советника Александра Аполлодоровича фон Эверт-Колокольцева знала вся Москва, хорошенькую Елизавету Александровну не раз видели на балах — она начала выезжать еще с прошлого года, — поэтому любопытство, в основном, вызывал жених, Эраст Петрович Фандорин. Про него было известно немногое: столичная штучка, в Москве бывает наездами — по важным делам, карьерист, обретается у самого алтаря государственной власти. В чинах, правда, пока небольших, но еще

очень молод и быстро идет в гору. Шутка ли — в такие годы уже с Владимиром в петлице. Предусмотрителен Александр Аполлодорович, далеко вперед глядит.

Женщины же больше умилялись на юность и красоту молодых. Жених очень трогательно волновался, то краснел, то бледнел, путал слова обета — одним словом, был чудо как хорош. Ну а невеста, Лизанька Эверт-Колокольцева, и вовсе казалась неземным существом, просто сердце замирало на нее смотреть. И белое облакообразное платье, и невесомая вуаль, и венчик из саксонских роз — все было именно такое, как нужно. Когда венчающиеся отпили из чаши красного вина и обменялись поцелуем, невеста ничуть не смутилась, а наоборот, весело улыбнулась и шепнула жениху что-то такое, отчего он тоже заулыбался.

А Лизанька шепнула Эрасту Петровичу вот что:

— Бедная Лиза передумала топиться и вышла замуж.

Эраст Петрович весь день ужасно мучился все-

общим вниманием и полной своей зависимостью от окружающих. Объявилось множество бывших соучеников по гимназии и «старых товарищей» отца (которые в последний год все как под землю провалились, а тут обнаружились опять). Фандорина сначала повезли на холостяцкий завтрак в арбатский трактир «Прага», где много толкали в бок, подмигивали и почему-то выражали соболезнования.

Потом увезли обратно в гостиницу, приехал

парикмахер Пьер и больно дергал за волосы, завивая их в пышный кок. Лизаньку до церкви видеть не полагалось, и это тоже было мучительно. За три дня после приезда из Петербурга, где теперь служил жених, он невесты вообще почти не видел — Лизанька все время была занята важными свадебными приготовлениями.

Потом багровый после холостяцкого завтрака Ксаверий Феофилактович Грушин, во фраке и с белой шаферской лентой, усадил жениха в открытый экипаж и повез в церковь. Эраст Петрович стоял на ступенях и ждал невесту, а из толпы ему что-то кричали, одна барышня кинула в него розой и оцарапала щеку. Наконец, привезли Лизаньку, которой было почти не видно из-под волн прозрачной материи. Они бок о бок стояли перед аналоем, пел хор, священник говорил «Яко милостивый и человеколюбивый Бог еси» и что-то еще, менялись кольцами, вставали на ковер, а потом Лизанька сказала про бедную Лизу, и Эраст Петрович как-то вдруг успокоился, огляделся по сторонам, увидел лица, увидел высокий церковный купол, и ему стало хорошо.

Хорошо было и потом, когда все подходили и поздравляли, очень искренне и душевно. Особенно понравился генерал-губернатор Владимир

Андреевич Долгорукой — полный, добрый, круглолицый, с висячими усами. Сказал, что слышал про Эраста Петровича много лестного и от души желает счастливого брака.

Вышли на площадь, все вокруг кричали, но было плохо видно, потому что очень ярко светило солнце.

Сели с Лизанькой в открытый экипаж, запахло цветами.

Лизанька сняла высокую белую перчатку и крепко стиснула Эрасту Петровичу руку. Он воровато приблизил лицо к ее вуали и быстро вдохнул аромат волос, духов и теплой кожи. В этот миг (проезжали Никитские ворота) взгляд Фандорина случайно упал на паперть Вознесенской церкви — и словно холодной рукой стиснуло сердце.

Фандорин увидел двух мальчуганов лет восьми-девяти в оборванных синих мундирчиках. Они потерянно сидели среди нищих и пели тонкими голосами что-то жалостное. Повернув тонкие шеи, маленькие побирушки с любопытством проводили взглядом пышный свадебный кортеж.

— Что с тобой, милый? — испугалась Лизанька, увидев, как побледнело лицо мужа.

Фандорин не ответил.

Обыск в потайном подвале эстернатского флигеля не дал никаких результатов. Бомба неизвестного устройства произвела мощный, компактный взрыв, почти не повредивший дом, но начисто уничтоживший подземелье. От архива ничего не осталось. От леди Эстер тоже — если не считать окровавленного обрывка шелкового платья.

Лишившись руководительницы и источника финансирования, международная система эстернатов распалась. В некоторых странах приюты перешли в ведение государства или благотворительных обществ, но основная часть заведений просто прекратили существование. Во всяком случае, оба российских эстерната приказом министерства народного просвещения были закрыты как рассадники безбожия и вредных идей. Учителя разъехались, дети по большей части разбежались.

По захваченному у Каннингема списку удалось установить восемнадцать бывших эстернатских воспитанников, но это мало что дало, ибо невозможно было определить, кто из них причастен к организации «Азазель», а кто нет. Тем не менее, пятеро (в том числе португальский министр)

ушли в отставку, двое покончили с собой, а одного (бразильского лейб-гвардейца) даже казнили. Широкое межгосударственное расследование обнаружило множество заметных и уважаемых особ, в свое время окончивших эстернаты. Многие ничуть этого и не скрывали, гордясь полученным образованием. Правда, кое-кто из «детей леди Эстер» предпочел скрыться, уйти от назойливого внимания полиции и секретных служб, но большинство остались на своих местах, ибо вменить им в вину было нечего. Однако путь на высшие государственные должности отныне им был заказан, а при назначении на высокие посты вновь, как в феодальные времена, стали обращать сугубое внимание на происхождение и родословную — не дай бог, наверх пролезет «подкидыш» (таким термином в компетентных кругах окрестили питомцев леди Эстер). Впрочем, широкая публика произведенную чистку не заметила, поскольку были предприняты тщательно согласованные между правительствами меры предосторожности и секретности. Какое-то время циркулировали слухи о всемирном заговоре не то масонов, не то евреев, не то и тех, и других вместе взятых и поминали господина Дизраэли, но потом как-то утихло, тем более что

на Балканах назревал нешуточный кризис, от которого лихорадило всю Европу.

Фандорин по долгу службы был вынужден участвовать в расследовании по «Делу Азазеля», однако проявлял так мало рвения, что генерал Мизинов счел разумным дать молодому, способному сотруднику другое поручение, которым Эраст Петрович занялся с куда большей охотой. Он чувствовал, что в истории с «Азазелем» его совесть не вполне чиста, а роль довольно двусмысленна. Клятва, данная баронессе (и поневоле нарушенная), изрядно подпортила ему счастливые предсвадебные недели.

И вот надо же было случиться, чтобы в самый день свадьбы Эрасту Петровичу попались на глаза жертвы проявленного им «самоотвержения, доблести и похвального усердия» (так говорилось в высочайшем указе о награждении).

Фандорин скис, понурился, и по прибытии в родительский дом на Малой Никитской Лизанька решительно взяла дело в свои руки: уединилась с мрачным мужем в гардеробной комнате, что находилась по соседству с прихожей, и строго-настрого запретила входить туда без спросу — благо домашним хватало забот с прибывающими гостями, которых нужно было занять до

банкета. Из кухни веяло божественными ароматами, специально приглашенные повара из «Славянского базара» трудились не покладая рук с самого рассвета; за плотно запертыми дверьми танцевального зала оркестр в последний раз репетировал венские вальсы — в общем, все шло своим чередом. Оставалось только привести в порядок деморализованного жениха.

Удостоверившись, что причина внезапной меланхолии вовсе не в какой-нибудь некстати вспомнившейся разлучнице, невеста полностью успокоилась и уверенно взялась за дело. На прямо поставленные вопросы Эраст Петрович отвечал мычанием и все норовил отвернуться, поэтому тактику пришлось сменить. Лизанька погладила суженого по щеке, поцеловала сначала в лоб, потом в губы, потом в глаза, и суженый размяк, оттаял, снова сделался совершенно управляемым. Однако присоединяться к гостям молодожены не спешили. Барон уже несколько раз выходил в прихожую и приближался к закрытой двери, даже деликатно покашливал, а постучать не решался.

Но постучать все-таки пришлось.

Фельдъегерь

— Эраст! — позвал Александр Аполлодорович, начавший с сегодняшнего дня говорить зятю «ты». — Извини, друг мой, но к тебе фельдъегерь из Петербурга. По срочному делу!

Барон оглянулся на молодцеватого офицера в каске с плюмажем, неподвижно застывшего возле входа. Под мышкой фельдъегерь держал

квадратный сверток, завернутый в серую казенную бумагу с сургучными орлами.

Из двери выглянул раскрасневшийся молодожен.

— Вы ко мне, поручик?

— Господин Фандорин? Эраст Петрович? — ясным, с гвардейскими переливами голосом осведомился офицер.

— Да, это я.

— Срочная секретная бандероль из Третьего отделения. Куда прикажете?

— Да хоть сюда, — посторонился Эраст Петрович. — Извините, Александр Аполлодорович (не приучился пока еще именовать тестя по-родственному).

— Понимаю. Дело есть дело, — наклонил голову тесть, прикрыл за фельдъегерем дверь и сам встал снаружи, чтобы, не дай Бог, не влез кто посторонний.

А поручик положил бандероль на стул и достал из-за отворота мундира листок.

— Извольте расписаться в получении.

— Что это там? — спросил Фандорин, ставя подпись.

Лизанька с любопытством смотрела на сверток, не выказывая ни малейшего желания оставить

мужа наедине с курьером.

— Не извещен, — пожал плечами офицер. — Фунта четыре весу. У вас сегодня радостное событие? Возможно, в этой связи? Во всяком случае, поздравляю от себя лично. Тут еще пакет, который, вероятно, вам все объяснит.

Он вынул из-за обшлага небольшой конверт без надписи.

— Разрешите идти?

Эраст Петрович кивнул, проверив печать на конверте.

Отсалютовав, фельдъегерь лихо развернулся и вышел.

В затененной комнате было темновато, и Фандорин, вскрывая на ходу конверт, подошел к окну, которое выходило прямо на Малую Никитскую.

Лизанька обняла мужа за плечи, задышала в ухо.

— Ну, что там? Поздравление? — нетерпеливо спросила она и, увидев глянцевую карточку с двумя золотыми колечками, воскликнула. — Так и есть! Ой, как это мило!

В эту секунду Фандорин, привлеченный каким-то быстрым движением за окном, поднял глаза и увидел фельдъегеря, который вел себя немного странно. Он быстро сбежал по ступенькам, с раз-

бегу вскочил в ожидавшую пролетку и крикнул кучеру:

— Пошел! Девять! Восемь! Семь!

Кучер взмахнул кнутом, на миг оглянулся. Кучер как кучер: шляпа с высокой тульей, сивая борода, только глаза необычные — очень светлые, почти белые.

— Стой! — бешено крикнул Эраст Петрович и не раздумывая скакнул через подоконник.

Кучер щелкнул кнутом, и пара вороных коней с места припустила рысью.

— Стой! Застрелю! — надрывался бегущий Фандорин, хотя стрелять было не из чего — по случаю свадьбы верный «герсталь» остался в гостинице.

— Эраст! Ты куда?

Фандорин на бегу оглянулся. Лизанька высовывалась из окна, на ее личике было написано полнейшее недоумение. В следующее мгновение из окна вырвался огонь и дым, лопнули стекла, и Эраста Петровича швырнуло на землю.

Какое-то время было тихо, темно и покойно, но потом в глаза ударил яркий дневной свет, в ушах гулко зазвенело, и Фандорин понял, что жив. Он видел булыжники мостовой, но не понимал, почему они у него прямо перед глазами. Смотреть на серый камень было противно, и

он перевел взгляд в сторону. Получилось еще хуже — там лежал катыш конского навоза и рядом что-то неприятно белое, глянцево посверкивающее двумя золотыми кружочками. Эраст Петрович рывком приподнялся, прочел строчку, выведенную крупным старомодным почерком, с завитушками и затейливыми росчерками: «My Sweet Boy, This is a Truly Glorious Day!»[51] Смысл слов не дошел до его затуманенного рассудка, тем более что внимание контуженного привлек другой предмет, валявшийся прямо посреди мостовой и лучившийся веселыми искорками.

В первый момент Эраст Петрович не понял, что это такое. Подумалось лишь, что на земле этому никак не место. Потом разглядел: тонкая, оторванная по локоть девичья рука посверкивала золотым колечком на безымянном пальце.

***

По Тверскому бульвару быстрыми, неверными шагами, не видя никого вокруг, шел щегольски одетый, но ужасно неряшливый молодой человек: мятый дорогой фрак, грязный белый галстук, в лацкане пыльная белая гвоздика.

---

[51] Примечания: 1.50
Мой милый мальчик, это поистине славный день! (англ.)

Гуляющие сторонились и провожали странного субъекта любопытными взглядами. И дело было не в мертвенной бледности щеголя — мало ли вокруг чахоточных, и даже не в том, что он несомненно был мертвецки пьян (его и пошатывало из стороны в сторону) — эка невидаль. Нет, внимание встречных, и в особенности дам, привлекала интригующая особенность его физиономии: при очевидной молодости у прожигателя жизни были совершенно белые, будто приморо-женные инеем виски.